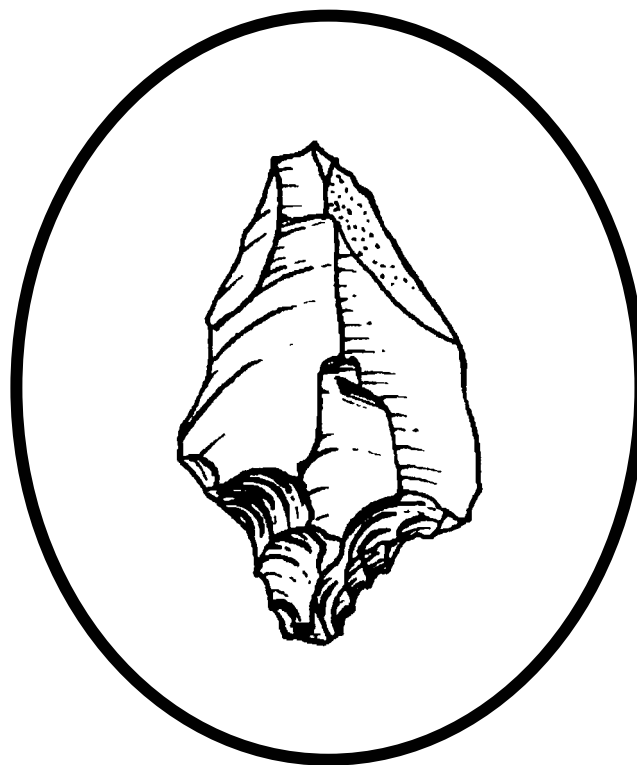

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. А. Васильев, З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева,
С. Н. Лисицын, Г. В. Сеницына

**ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ:
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ**

Санкт-Петербург
2005

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY
PROCEEDINGS VOLUME XIX

Sergey A. Vasil'ev, Zoya A. Abramova, Galina V. Grigor'eva,
Sergey N. Lisitsyn, Galina V. Sinitsyna

**THE LATE PALEOLITHIC OF NORTHERN EURASIA:
PALEOECOLOGY AND SITE STRUCTURE**

St.Petersburg
2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. ТОМ XIX

С. А. Васильев, З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева,
С. Н. Лисицын, Г. В. Сеницына

**ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ И
СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ**

Санкт-Петербург
2005

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

С. А. Васильев, З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева, С. Н. Лисицын, Г. В. Сеницына. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. — СПб., 2005. — 107 С. (Труды Института истории материальной культуры РАН, т. XIX).

Книга посвящена вопросам палеоэкологии и структуры памятников завершающей поры палеолита Северной Евразии, времени от 14—13 до 10 тыс. лет назад. Этот период был отмечен резкими неоднократными изменениями климата, что позволяет проследить динамику взаимодействия древних сообществ и природной среды для достаточно «тонких» (по палеолитическим критериям) хронологических срезов. Книга содержит широкий сопоставительный анализ стоянок двух крупных регионов на территории нашей страны — Русской Равнины и Южной Сибири. Подробно рассмотрены две различные модели культурной адаптации человека к условиям позднеледникового. С одной стороны, это «классическое» поселение охотников на мамонтов мадленского времени — стоянка Юдиново на р. Судости с насыщенным остатками мощным культурным слоем и четко выраженными жилыми структурами. С другой стороны, это памятники с тонкими культурными слоями и кострищами, сезонные поселения финала палеолита (Подол 3 и Баранова Гора на Верхней Волге).

ISBN 5-98683-029-6

© С.А.Васильев, З.А.Абрамова, Г.В.Григорьева,
С.Н.Лисицын, Г.В.Сеницына, 2005

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия изучение древнейшего прошлого Северной Евразии продвинулось далеко вперед. Благодаря разветвленной сети региональных центров, ведущих активную полевую деятельность, многократно увеличилось число известных местонахождений. Целые области, бывшие еще недавно белыми пятнами на археологических картах, заполнились стоянками. Все это создает источниковую базу для углубленной разработки вопросов реконструкции хозяйственной деятельности, образа жизни и характера поселений.

В этой связи нельзя не отметить, что успехи, достигнутые в деле изучения палеолита в России, порой оборачиваются односторонней ориентацией исследовательских усилий, сосредоточенных на выделении сугубо местных особенностей культурного развития в том или ином регионе, прослеживании локальных вариантов, обычно в нашей литературе именуемых археологическими культурами. По-прежнему большинство отечественных работ посвящены анализу материалов конкретных памятников, или содержат обзоры региональной культурной истории. В данной публикации мы, напротив, намерены сосредоточиться на проблемах палеоэкологии и палеоэкономики в широком пространственном контексте.

Изучение палеоэкологии и палеоэкономики ставится во главу угла в современной мировой науке о палеолите. За рубежом накоплен богатый опыт регионального анализа групп сосредоточения верхнепалеолитических памятников с целью реконструкции систем расселения, технологии и стратегии добывания средств к существованию древних обществ (Jochim, 1976, 1998, Soffer, 1985, White, 1985, Hahn, 1986, Eriksen, 1991, Straus, 1992 и др.). С регионального уровня некоторые исследователи поднялись до сводок общеевропейского масштаба (Gamble, 1982, Dennell, 1985). Сходные тенденции ощущаются в отечественной науке (Леонова, Несмеянов, 1993), хотя пока еще не столь заметно, как за рубежом.

Книга содержит рассмотрение богатейших материалов по поздней поре верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. В хронологическом плане речь пойдет о временном отрезке примерно от 14 – 13 до 10 тыс. лет назад (в условных радиоуглеродных годах). В Западной Европе это время существования мадленских и эпиграветтских индустрий, на севере континента замещающихся в финале плейстоцена разнообразными культурами с наконечниками (гамбургская, крезвельская, свидерская, аренбургская культуры, федермессер и др.).

Последние десятилетия в европейской археологии отмечены активным исследованием памятников финального отрезка плейстоцена. Выяснилось, что между эпохой широчайшего распространения мадлена и началом собственно мезолита на континенте происходила сложная культурная перестановка с возникновением серии эпипалеолитических культур. Этот период был отмечен резкими неоднократными изменениями климата, что позволяет проследить динамику взаимодействия древних сообществ и природной среды для достаточно «тонких» (по палеолитическим критериям) хронологических срезов. С точки зрения палеоистории, основным содержанием данной эпохи было продвижение первобытных групп на север, освоение ими территорий, еще недавно непригодных для заселения из-за близости ледника. Ряд памятников последних тысячелетий плейстоцена изучен достаточно детально и многопланово. Это дает возможность рассмотреть, помимо традиционных культурно-исторических сюжетов, такие аспекты, как характер расположения стоянок на местности, их функциональная дифференциация, облик жилищ, реконструировать виды охотничьей деятельности и технологию каменных индустрий.

Подобные интригующие возможности для реконструкции древности обуславливают постоянный интерес исследователей к памятникам данного хронологического отрезка (Sonneville-Bordes, 1979, Burdukiewicz, 1986, Straus, 1986, 1995, Rensink, 1993, Eriksen, Bratlund, 2002).

Что касается пространственных рамок нашей работы, то мы ограничимся рассмотрением материалов по Русской Равнине и Южной Сибири, двух регионов на территории Российской Федерации, где наиболее полно представлены и детально изучены стоянки интересующего нас времени.

В рамках проекта было проведено широкое сопоставление данных, разбросанных по литературным и архивным источникам, а также целенаправленные полевые изыскания, ориентированные на получение новой информации о характере культурного слоя и структур обитания поздней поры верхнего палеолита. В качестве объектов полевых работ были использованы две группы памятников, представляющих собой различные модели культурной адаптации человека к условиям позднеледниковья. С одной стороны, это «классическое» восточноевропейское поселение охотников на мамонтов мадленского времени — стоянка Юдиново на Судости, с ее насыщенными остатками мощным культурным слоем и четко выраженными жилыми структурами. С другой стороны, это памятники с тонкими культурными слоями и кострищами, сезонные поселения финала палеолита (Подол 3 и Баранова Гора на Верхней Волге).

Что касается сибирской части, то, помимо литературных источников, здесь обобщен огромный материал по памятникам интересующей нас поры, накопленный в ходе крупномасштабных новостроечных работ в долине Енисея, в первую очередь на стоянках кокоревско-новоселовской и майнской групп.

Основные параметры, имеющие значение для анализа стоянок и групп их сосредоточения, следующие:

1. Расположение памятников на местности, реконструкция палеоэкологии древних поселений на основе геолого-геоморфологических данных о местонахождении и районе его ближайшего окружения, свидетельств палинологии и фауны. На этой базе в ряде случаев удается выдвинуть гипотезы относительно возможных причин дислокации поселений, сезонности их обитания.

2. Характер культурного слоя, как в плане общей организации обитаемого пространства, так и отдельных участков и структур (очагов, кострищ, скоплений расщепленного камня и костей, выкладок, жилищ и т.д.).

3. Состав фаунистических остатков и возможные предположения о характере охотничьей деятельности, приносе добычи на поселение, процессах ее разделки.

4. Характер каменной индустрии с точки зрения состава сырья (исследования возможных источников его получения и доставки на стоянку), технологии расщепления и производства орудий. На этой базе можно получить представление о функциональной специфике памятника.

Разумеется, рассматривая во многом новую для нашего палеолитоведения тему, мы ограничены наличным уровнем имеющейся документации. Это заметно сужает реальные возможности анализа. В абсолютном большинстве случаев мы располагаем крайне скудным публикационным фондом неравномерного качества. Так, геолого-геоморфологические данные в основном представлены в виде результатов комплексного изучения стратиграфических колонок стоянок без исследования окружения памятника. Данные о сырьевом составе и технологических особенностях каменных индустрий немногочисленны и чаще всего лишены статистического подкрепления. Сведения о фауне практически везде представлены в виде суммарных списков без количественного определения костей по частям скелета, а порой даже по видам, обходя молчанием применяемую методику подсчета минимального числа особей.

Надеемся, что предлагаемый опыт сравнительного описания позднепалеолитических памятников Русской Равнины и Сибири будет интересен для широкого круга исследователей у нас в стране и за рубежом. Именно путем подобного крупномасштабного сопоставления можно будет выявить как общие черты в организации верхнепалеолитических сообществ, так и осветить особенности регионального развития, словом, глубже проникнуть в далекий от нас мир охотников-собираателей эпохи последнего великого оледенения Евразии.

Полевые работы, на материалах которых во многом основана книга, проводились сотрудниками Отдела палеолита ИИМК РАН в центральной части Европейской России (З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева, Г. В. Сеницына, С. Н. Лисицын) и в Южной Сибири (З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, Н. Ф. Лисицын, С. А. Васильев).

В раскопках стоянки Юдиново в разные годы, начиная с 1980 г., принимали участие археологи Л. В. Грехова, Л. М. Тарасов, Б. А. Черномордик, Т. Ю. Гречкина, Л. Б. Вишняцкий, Г. Г. Сорокина, К. Н. Гаврилов, В. Я. Шумкин, Т. И. Щербакова, Е. М. Колпаков, В. Е. Кудряшов, Г. А. Хлопачев, В. Г. Моисеев, А. М. Буровский, С. С. Зяблицкий, М. Н. Праслова, Е. А. Андриянова, Л. А. Яковлева, а также художники-чертежники Е. Э. Фролова, Т. Ю. Паянская, Е. В. Козлова, О. А. Симонова, Е. К. Зайцев, И. А. Кожевникова, М. В. Решетникова и другие.

По инициативе председателя колхоза М. С. Баранка и директора Краеведческого музея с. Юдиново Л. И. Гришина над остатками двух жилищ из костей мамонтов был построен музейный павильон «Палеолит». Консервационные работы внутри музейного павильона проводили: Е. П. Мельникова, разработавшая методику сохранения костей, И. М. Соскина и И. В. Мамонова.

В раскопках на Верхней Волге принимали участие археологи А. А. Сеницын, М. Н. Желтова, О. М. Тихомирова, Л. С. Андрианова, Н. В. Косорукова и Н. Б. Васильева. Раскопки посетили В. И. Тимофеев, В. Я. Шумкин, В. В. Питулько, Г. И. Зайцева.

Разумеется, работа строится на базе прочного творческого союза с десятками представителей естественных наук, многолетние усилия которых позволили датировать археологические памятники и реконструировать облик природной среды финала плейстоцена. Геологию и палеогеографию стоянки Юдиново в поле изучал отряд Института географии АН СССР (РАН) под руководством А. А. Величко. Фауну стоянки определяли В. Е. Гарутт, И. Е. Кузьмина, М. В. Саблин, А. К. Маркова, Н. Д. Бутова. Геолого-морфологическое описание памятников Верхней Волги было выполнено Ю. А. Лаврушиным (ГИН РАН), спорово-пыльцевой анализ был проделан Е. А. Спиридоновой (ИА РАН), палеомагнитный анализ — Е. Г. Гуськовой (СПбФ ИЗМИРАН), геохимический анализ — М. А. Кульковой (ИИМК

РАН). Радиоуглеродные даты в различных лабораториях получили Л. Д. Сулержицкий, Г. И. Зайцева, Ю. С. Свеженцев.

Кроме того, полноценное исследование сибирских памятников было бы невозможным без содействия С. М. Цейтлина, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских, А. А. Ямских, Н. М. Ермоловой, А. К. Каспарова, Я. В. Кузьмина, Т. Джулла и других.

Помимо авторских материалов, при подготовке рукописи были использованы сведения о памятниках и коллекциях палеолита Сибири. За любезно предоставленный доступ к ним мы благодарны А. П. Деревянко, Р. С. Васильевскому, В. Т. Петрину, С. В. Маркину, М. В. Шунькову, В. Н. Зенину, Ю. В. Гричану, А. Л. Кунгурову, С. Н. Астахову, Н. Ф. Лисицыну, Т. Ю. Гречкиной, Н. И. Дроздову, Е. В. Акимовой, Л. Ю. Блейнису, Н. П. Макарову, А. С. Вдовину, А. А. Бокареву, А. А. Викулову, И. В. Стасюку, Е. А. Томиловой, Е. В. Артемьеву, Г. И. Медведеву, М. П. Аксену, А. В. Генералову, Т. А. Абдулову, И. Л. Лежненко, Л. В. Лбовой, И. И. Кириллову, М. В. Константинову, А. В. Константинову, О. В. Кузнецову, Л. В. Семиной, И. И. Разгильдеевой, О. Ю. Черенщикову.

Введение, 4 глава работы и заключение написаны С. А. Васильевым, 1 глава — С. Н. Лисицыным, 2 глава — З. А. Абрамовой и Г. В. Григорьевой, 3 глава — Г. В. Сеницыной. Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». В разные годы исследовательские усилия авторов были поддержаны грантами РФФИ (№ 02-06-80456, 02-06-80497, 03-06-80418, 03-06-07003), РГНФ (№ 95-06-17255, 95-06-17256, 96-01-16101), Фонда содействия отечественной науке, программы INTAS (№ 03-51-4269) и Санкт-Петербургского научного Центра РАН.

ГЛАВА 1. РУССКАЯ РАВНИНА НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА: ПРИРОДНАЯ СРЕДА, СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЯ

Период на стыке двух геологических эпох, ледниковой (плейстоцена) и нынешней межледниковой (голоцена), является одним из самых интересных и, вместе с тем, слабо изученных эпизодов каменного века. На это время, общей протяженностью порядка пяти тысяч лет, приходится деградация ледникового покрова валдайского (вюрмского) оледенения в северной Европе и формирование природных условий, близких современным. В археологической периодизации данный период соответствует заключительному этапу верхнего палеолита. В устоявшейся периодизации поздний верхний палеолит охватывает промежуток времени от завершения максимума последнего оледенения после 17 тыс. лет назад до начала процесса необратимого потепления, начавшегося примерно 14 – 13 тыс. лет назад. Финальный палеолит соответствует последующей стадии прогрессирующей деградации ледника, имевшей несколько фаз похолоданий и потеплений. Этот период завершился с наступлением голоцена около 10 тыс. лет назад. Иногда последний промежуток времени называют дриасовым периодом и не без оснований относят к древнему голоцену.

В настоящее время абсолютная хронология восточноевропейского финального палеолита, в отличие от верхнего палеолита, имеющего относительно полную колонку радиоуглеродных датировок, изучена крайне фрагментарно, поскольку природные условия на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали разрушению культурного слоя, а песчаные почвы не позволили сохраниться органическим материалам, пригодным для абсолютного датирования. Отдельные финальнопалеолитические памятники относительно надежно датированы в юго-восточной Прибалтике, а также в южной части Русской Равнины, где сохранность органических остатков позволила сделать палинологические и радиоуглеродные определения. Для большей части Восточной Европы такие данные единичны. Поэтому материалы финального палеолита часто датируются произвольно в широком временном диапазоне. Нижний предел финального палеолита определяется как время исчезновения наиболее поздних памятников верхнепалеолитического облика, имеющих радиоуглеродные определения 14 – 13 тыс. лет назад (Синицын и др., 1997, Лисицын, 1999, Грехова, 1994). Верхним хронологическим репером служит появление мезолитических культур, которые имеют наиболее ранние абсолютные датировки порядка 10,3 – 9,6 тыс. лет назад, а именно кундской в Восточной Прибалтике, бутовской и иеневской на Верхней Волге (Кольцов, Жилин, 1999, Жилин 1999, Кравцов, 1999). Таким образом, хронологически промежуточные финальнопалеолитические памятники, попадают во временную лакуну длительностью 3 – 4 тысячелетия, что для позднего каменного века является весьма ощутимым пробелом в археологической летописи.

Проблема поиска «предков» мезолитических культур среди памятников ледникового времени и обоснование культурной преемственности на рубеже плейстоцена и голоцена остается наименее разработанной темой в источниковедении восточноевропейской археологии каменного века (Кравцов, 2004, Сорокин, 2002, Кольцов, 1996, Залізняк, 1995). Попытки построения генеалогического древа мезолитических культур делались и делаются с использованием достаточно скудных средств. Обычно для культурно-генетических построений избираются одна-две категории изделий в индустриях верхнего палеолита, к которым подбираются мезолитические аналогии. Причем в качестве «родительских» памятников верхнего палеолита зачастую называются стоянки с плавающей хронологией и/или недостаточно полно опубликованные. В целом это неизбежно приводит к спекулятивным гипотезам, которые практически невозможно доказать, но и нельзя опровергнуть. Следуя стремлению объективного анализа источников, приходится с известной долей скептицизма относиться к наполнению громоздкими палеоисторическими реконструкциями нынешней лакуны между палеолитом и мезолитом, имеющейся из-за объективного недостатка данных (Лисицын, 2001а, б). Как представляется, основная проблема, которая препятствует решению вопроса о временном и культурном соотношении верхнего палеолита с финальным палеолитом и мезолитом, кроется в отсутствии дробной периодизации, основанной на синтезе данных по абсолютной хронологии памятников заключительной поры палеолита. Рассмотрение картины переходного времени на Русской Равнине в целом, на широком территориальном и культурном фоне, с учетом объективных естественнонаучных данных, прежде всего радиоуглеродной хронологии, дает реальные шансы для выделения локальных и общих вариантов развития материальной культуры первобытного человека на рубеже плейстоцена и голоцена. Ниже предлагается аналитический обзор данных по указанной проблематике. За пределами обзора мы намеренно оставляем вопросы, связанные с проблемами источниковедческой терминологии, межкультурного взаимодействия, хозяйственной деятельности и т.д., каждая из которых является темой для отдельной работы.

ПОЗДНИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Приледниковые области Русской Равнины

В позднеледниковое время области постоянного обитания палеолитического человека располагались к югу и востоку от валдайского ледникового щита, языки которого доходили тогда до современных истоков Днепра и Оки. В днепровском бассейне группа поздневалдайских верхнепалеолитических памятников известна в верхнем течении Десны. К надежно датированным памятникам здесь относятся стоянки Юдиново, Тимоновка, Елисеевичи, Косица, Супонево (рис. 1; см. главу 2 настоящей книги). Данные радиоуглеродных датировок относят существование этих поселений от 16 – 15 до 14 – 13 тыс. лет назад (все датировки не калиброванные). Единичные определения порядка 12 тыс. лет назад и моложе, такие как, например, полученная для стоянки Курск 1 дата 11600 ± 200 (ГИН-8568), так же как удревненные даты со значениями до 17 тыс. лет назад и более, явно выпадают из серии. Поэтому верхнюю границу существования стоянок следует отнести к 13 тыс. лет назад, чему не противоречат стратиграфия и фаунистические данные.

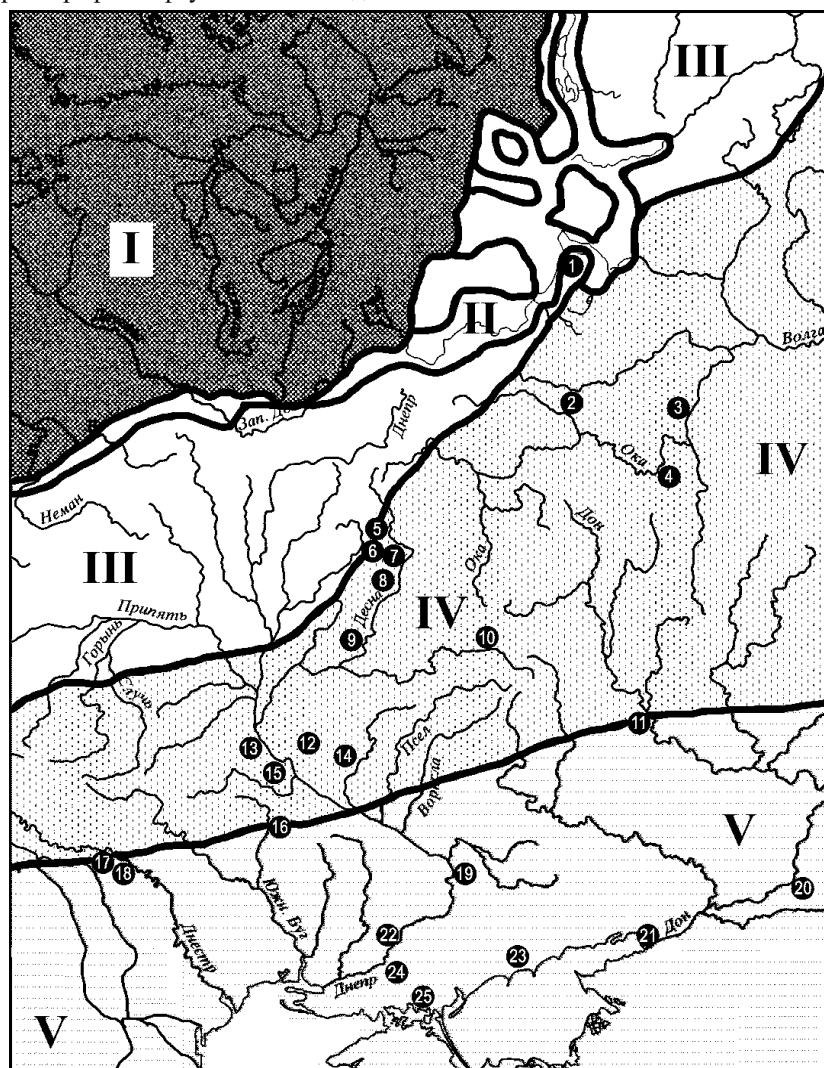

Рис. 1. Природное окружение первобытного человека в конце верхнего палеолита.

I – область оледенения; II – крупнейшие приледниковые водоемы; III – перигляциальная тундра; IV – тундростепь; V – степь с участками лесостепи; опорные памятники: 1 – Золоторучье 1; 2 – Заозерье 1; 3 – Карачарово; 4 – Шатрищи; 5 – Косица; 6 – Тимоновка 1-2; 7 – Супонево; 8 – Елисеевичи, Юдиново; 9 – Мезин; 10 – Курск 1; 11 – Борцево 2; 12 – Добраничевка; 13 – Гонцы; 14 – Семеновка 1; 15 – Межирич; 16 – Владимировка; 17 – Молодова 5, Атаки 2; 18 – Косоуцы; 19 – Осокоровка; 20 – Похлебин 1; 21 – Каменная Балка 1-2; 22 – Леонтьевка; 23 – Федоровка; 24 – Дмитровка; 25 – Соленое Озеро.

Указанные стоянки были оставлены населением с так называемой «мамонтовой экономикой». Хозяйственная деятельность обитателей стоянок была ориентирована на эксплуатацию мамонта как основного объекта добычи, занимающего доминирующую позицию среди фаунистических остатков, тогда как иные промысловые животные представлены в незначительном числе. Массовое вымирание мамонтовой фауны совпадает по времени с исчезновением верхнепалеолитических поселений. Датировки Севского природного кладбища мамонтов, открытого в Брянской области, в пределах 13 тыс. лет назад, свидетельствуют о кризисном состоянии мамонтовой популяции именно в этот период.

Другая группа памятников конца верхнего палеолита располагается в бассейне Оки. Среди них стоянки Заозерье 1, Шатрищи, Карачарово. При этом первый памятник представлен коллекцией подъемного материала, но общий облик каменного инвентаря полностью соответствует поздневалдайским памятникам с мамонтовой экономикой. Материалы из стоянки Шатрищи, напротив, недостаточны для типологического анализа, но наличие остатков мамонта и радиоуглеродные даты в 12 и 14 тыс. лет назад уверенно помещают памятник в ту же культурно-хронологическую группу. Карачаровская стоянка вот уже более 125 лет остается своего рода «белой вороной» среди палеолитических памятников. И не только потому, что позднейшие попытки обнаружить оригинальную «уваровскую стоянку» не увенчались успехом, но также из-за специфичности форм кремневого инвентаря, которые не находят аналогов среди памятников Русской Равнины. Однако, четыре радиоуглеродные даты, сделанные по костям и зубам мамонта из культурного слоя, помещают Карачарово в 15 тысячелетие от наших дней, что соответствует поздневалдайскому времени (Синицын и др., 2002). Кроме перечисленных памятников, Х. А. Амирханов (2002, 2004) упоминает о возможном поздневалдайском возрасте ряда местонахождений, которые, по его мнению, продолжают граветийские культурные традиции комплекса верхнего культурного слоя Зарайской стоянки, имеющего крайние в серии датировки порядка 17 – 16 тыс. лет назад

В литературе мы найдем отрывочные сведения о нескольких пунктах в бассейне Верхней Волги, отнесенных к позднему верхнему палеолиту. К сожалению, материалы этих памятников практически не опубликованы. Палеолитический возраст кремневых изделий, найденных на таких памятниках как Скнятино 2 и Авсерьгово 1, определяется лишь по технико-типологическому облику (Кольцов, 1994). Геологическую привязку к позднеледниковым отложениям имеют типологически невыразительные находки со стоянки Золоторучье 1 и из нижнего культурного слоя Алтыново (Кольцов, 1989). Палинологические данные говорят о позднеплейстоценовом возрасте последнего комплекса (причем далеко не самом позднем, порядка 16 – 17 тыс. лет назад; Кравцов, 1998). В литературе упоминаются находки остатков северного оленя, сопровождавших кремневые артефакты на стоянках Федюково и Золоторучье 1 (Zhilin, 1996), однако абсолютные даты здесь отсутствуют. Материалы стоянки Елин Бор (нижний слой), прежде считавшиеся палеолитическими (Кольцов, 1966), вероятно, можно исключить из числа плейстоценовых памятников (Сорокин, 2002). Дальнейшего продолжения, безусловно, требуют работы Н. К. Анисюткина (2002) для уточнения вопроса о палеолитическом возрасте находок на стоянке Вашана в Тульской области, сопровождавшихся позднеледниковой фауной.

Следует отметить, что картирование верхневолжских памятников, отнесенных к позднему верхнему палеолиту (Бадер, 1974), показывает, что, если эти стоянки существовали в позднеледниковое время, то они располагались очень близко к краю ледника, в отличие от деснинских и окских памятников, отделенных от последнего более чем 300 км буферной зоной.

Вледниковые области, средняя полоса Русской Равнины

Памятники поздневалдайского времени за пределами перигляциальной зоны, как по археологической характеристике, так и по радиоуглеродной хронологии, близки к деснинским и окским стоянкам. В бассейне среднего Днепра к ним относятся, прежде всего, такие надежно датированные стоянки, как Гонцы, Межирич, Добраничевка, Семеновка 1-3 и другие памятники, отнесенные к тому же периоду по стратиграфическим, палинологическим и археологическим данным (Палеолит СССР..., 1984, Синицын и др., 1997). Памятники входят в состав историко-культурной области с мамонтовой экономикой. Время прекращения их функционирования относится в целом к отрезку порядка 14 – 13 тыс. лет назад.

Более проблематичной выглядит хронология позднего верхнего палеолита в бассейне Среднего Дона. Здесь по-прежнему, за исключением одной даты 14800±140 лет назад (ГИН-8568), полученной для стоянки Похлебин 2 на Цимлянском водохранилище, единственные данные по позднему верхнему палеолиту доставила стоянка Борщево 2. Оценка геоморфологического и хронологического положения памятника среди наиболее полно изученных в Восточной Европе стоянок Костенковско-Борщевского района, противоречива. Стоянка приурочена к отложениям, слагающим пониженный уровень первой надпойменной террасы Дона. Культурные остатки первоначально были разделены П. И. Борисовским и П. П. Ефименко на основании стратиграфических наблюдений на три культурных горизонта (Ефименко,

Борисковский, 1953), из которых на всей площади поселения был представлен лишь нижний. Верхний культурный горизонт, залегающий на глубине 1,5 м от поверхности, был приурочен к прослойке темной гиттии озерно-болотного происхождения и перекрыт делювиальным суглинком; средний и нижний горизонты залегают в толще опесчаненного суглинка ниже уровня гиттии. Однако последовательное залегание всех горизонтов нигде не фиксировалось. В возвышенной, северо-западной части поселения, прослеживались средний и нижний, а в пониженной, юго-восточной, части — верхний и нижний культурные горизонты (Борисковский, Дмитриева, 1982). Более поздние полевые работы, проведенные А. А. Синицыным (1979) и Ю. Ю. Цыгановым (Цыганов и др., 1994), не подтвердили факта залегания культурных остатков на трех уровнях. Изучение коллекции кремневого инвентаря Борщево 2, происходящей из старых и новых раскопок, позволило Ю. Ю. Цыганову говорить о тождестве типологического состава артефактов из всех культурных горизонтов стоянки, и предположить, что первоначально единый культурный слой подвергся разрушению, а затем был неравномерно спроецирован на низком уровне (Цыганов, 1995). Геоморфологическое положение стоянки в отложениях первой надпойменной террасы Дона соответствует, по мнению Н. Д. Праслова и ряда других исследователей, нижнему культурному слою Костенок 21. Последний памятник имеет аналогичную привязку, и доставил три радиоуглеродных даты в пределах 19,1 – 22,9 тыс. лет назад (Лазуков, 1982). Однако, серия из 11 радиоуглеродных определений по углю, кости и гумусу из разных уровней залегания культурных остатков Борщево 2, определяет их возраст в рамках 9,3 – 14 тыс. лет назад, с основной группировкой дат в диапазоне от 13,2 до 13,5 тыс. лет назад (Синицын и др., 1997, С. 32). Таким образом, время существования поселения может быть отнесено к финальному отрезку валдайской эпохи, что подтверждается обликом кремневого инвентаря Борщево 2 (мелкопластинчатые заготовки, отсутствие наконечников с боковой выемкой). Последний выглядит более поздним по сравнению как с комплексом 3 слоя Костенок 21, так и с материалами стоянки Борщево 1, занимающей сходное положение в долине Дона.

Внеледниковые области, Юг Русской Равнины

Памятники позднеледникового в нижнем течении великих рек Русской Равнины и степной зоны Причерноморья менее всего изучены с точки зрения абсолютной хронологии. К концу ледниковой эпохи в Северном Причерноморье может быть отнесено лишь несколько стоянок. Для стоянки Каменная Балка 1 на нижнем Дону опубликована дата 14670 ± 105 (AA-4797; Leonova, 1994). Каменная Балка 2, на которой в последнее время выделено несколько горизонтов обитания, имеет серию радиоуглеродных дат в пределах 15 – 10 тыс. лет назад, с основной группировкой от 15 до 13 – 12 тыс. лет назад (Леонова, Виноградова, 2004). Пока не вполне ясно, насколько данная колонка отражает последовательность периодов обитания на стоянке, так как разброс дат в серии даже для однослойных памятников является нормальным явлением. Для Дмитровки на Херсонщине, к сожалению, есть лишь одна дата 16520 ± 95 (Ki-5826; Оленковський, 2001), которая позволяет отнести этот комплекс к первой половине позднего валдая. Для низовьев Днепра получены даты из нижних культурных слоев стоянок Солёное Озеро 1а, 9, 9а в пределах от 14 до 13 – 12 тыс. лет назад, а также для Леонтьевки — 12150 ± 90 (Ki-5826; Оленковський, 2000, 2001). В Северо-западном Причерноморье финальноплейстоценовый возраст определен для стоянок Атаки, 2 слой — 15375 ± 830 (COAH-143) и Молодова 5, слои 3, 2, 1-1а — в пределах 13–12–10 тыс. лет назад, соответственно (Синицын и др., 1997). Единичные радиоуглеродные определения имеются также для Федоровки 1 — 14600 ± 110 (Ki-10355) и Федоровки 2 — 15200 ± 110 (Ki-10354; Кротова, 2003).

Если судить по поздним, порядка 12 тыс. лет назад, датам в сериях, полученных для многослойных стоянок Северного Причерноморья, то финал верхнего палеолита здесь, возможно, датируется чуть позднее, чем в средней части Русской Равнины и в приледниковой зоне. Он сдвигается, по меньшей мере, до рубежа беллинг/аллеред. Крайние датировки выходят за пределы 11 – 10 тыс. лет назад, но, поскольку они получены по материалам верхнепалеолитического облика, вероятно, следует считать даты омоложенными. Другой вариант интерпретации — сохранение преемственности культурных традиций в регионе вплоть до времени позднего дриаса включительно. Судя по количеству многослойных памятников с культурными слоями поздней поры верхнего палеолита, большинство из которых не имеют абсолютных датировок (Осокоровка, Владимировка, Молодова 5, Косоуцы), развитие материальной культуры верхнепалеолитического облика в южной части Русской Равнины продолжалось непрерывно на протяжении всего позднеледникового без особых потрясений (Черныш, 1974). Учитывая тот факт, что самые верхние слои многослойных памятников залегают непосредственно под черноземом, в покровных горизонтах лессовидных плейстоценовых суглинков, верхнюю границу их существования можно вплотную придвинуть к голоцену. В последнее время, правда, приводятся аргументы в пользу удревнения верхних слоев указанных памятников (Нужный, 2003, Сапожников, 2004).

Таким образом, можно суммировать имеющиеся данные по хронологии завершающего этапа верхнего палеолита на Русской Равнине:

1. Окончание функционирования верхнепалеолитических памятников на большей части территории совпадает с началом процесса окончательной деградации ледникового покрова на рубеже 14 – 13 тыс. лет назад;

2. Финал культуры верхнего палеолита, скорее всего, не был одновременным: намечается прогрессия исчезновения памятников — раньше исчезают северные стоянки, позднее — более южные.

3. Вместе с тем, процесс, возможно, не являлся общестадийным, так как самые южные районы Русской Равнины, как кажется, демонстрируют непрерывное развитие материальной культуры ледниковой эпохи практически до начала голоцена.

ДЕГЛЯЦИАЦИЯ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Отступление ледника и природно-климатическая перестройка

Территория Русской Равнины в поздневалдайское время находилась под доминирующим влиянием ледника. Ледниковый щит, краевая зона которого занимала бассейны современных рек Немана, Западной Двины и верховьев Волги, был главным фактором, определявшим устойчивость уникальной системы конца ледниковой эпохи (Палеогеография Европы ..., 1982). Палеогеографические данные свидетельствуют о том, что климат, хотя и был суровым, со среднегодовыми температурами на 10 – 15 градусов ниже современных, отличался сухостью, сильными ветрами и малоснежными зимами (Величко, Нечаев, 2005). При этом солнечная активность находилась примерно на нынешнем уровне, что благоприятно сказывалось на объеме фитомассы и обусловило повсеместное распространение тундростепи — типа ландшафта, неизвестного в современности. Для тундростепи было характерно господство травянистой степной растительности при постоянном присутствии кустарничковых и тундровых ассоциаций, а также смешанных лесных сообществ в защищенных от ветра балках и поймах. Непрерывный процесс накопления лессов, происходивший вследствие ветровой активности, а также мощный цикл водосброса в бассейнах крупных рек — Днестра, Днепра, Волги и Дона, питавшихся от приледниковых озер, обеспечивали устойчивость мозаичного ландшафта. В данном природном окружении существовал специфичный состав фауны, известный как мамонтовый териокомплекс (табл. 1). Он включал виды, которые соответствуют разным ландшафтно-климатическим зонам: тундровой (мамонт, северный олень, лемминг, песец, овцебык), лесной (заяц, благородный олень, лось, бобр) и степной (лошадь, бизон, тур, сайгак; Агаджанян, 2001, Маркова, 2005).

<i>Геологические периоды</i>	<i>Ледниковые осцилляции</i>	<i>Климат</i>	<i>тыс л.н.</i>	<i>Периодизация</i>	<i>Фаунистический териокомплекс</i>		
ГОЛОЦЕН	Межледниковье	теплый	9	мезолит	<i>современный зональный:</i>		
	Поздний дриас Аллеред Беллинг	колебания тепла и холода	10	финальный палеолит	<u>ТУНДРА</u> северный олень, лемминг, песец	<u>ЛЕС</u> лось, благородный олень, кабан	<u>СТЕПЬ</u> сайгак, суслик, лошадь, корсак
			11		<i>мамонтовый тундрово-степной:</i>	мамонт, шерстистый носорог, лошадь, северный олень, бизон, тур, овцебык, лемминг, песец, пещерный медведь, россомаха, сайгак	
			12				
ПОЗДНИЙ ПЛЕЙСТОЦЕН	Валдай	холодный и сухой	14 15	верхний палеолит			

Табл. 1. Смена фаунистического окружения первобытного человека на рубеже плейстоцена и голоцена (по: Верещагин, 2002; с дополнениями).

Несомненно, главным средообразующим животным, который определял стабильность сложившейся экосистемы на большей территории Русской Равнины, был мамонт. Доминирование мамонта в фауне позднего плейстоцена региона (кроме самых южных районов, где преобладал бизон, и западных районов с преобладанием северного оленя) с трудом поддается объяснению. Остатки мамонта количественно преобладают над остатками намного более плодовитых видов травоядных, таких как северный олень, бизон и лошадь, то есть над стадными животными, которые обладали возможностью

быстрого воспроизводства и были способны на протяженные миграции. Считается, что частота воспроизводства мамонта была примерно на уровне современных слонов (рождался один детеныш не чаще, чем раз в три года), многократно уступая копытным (Haunes, 1991). При этом мамонт успешно конкурировал с копытными вплоть до финала позднего плейстоцена. Возможное толкование данного феномена кроется в том, что мамонт занимал нишу обитателя богатых кормом речных долин, где он поддерживал пригодную для обитания пастбищную экосистему. Сходная по типу картина наблюдается в африканской парковой саванне, где слоны являются средообразующим видом: они вытаптывают молодой кустарник и пробивают световые бреши в зарослях, удобряют почву, ускоряя тем самым рост травяной растительности — своей основной пищи. Стадные копытные животные ледниковой эпохи на Русской Равнине в каком-то отношении были зависимы от господствовавших в плодородных долинах травоядных гигантов. Рост численности копытных зависел от возможностей кормовой территории, представлявшей собой мало продуктивную тундростепь (ксерофитные травы, кочкарник, лишайники и редкий кустарник), существовавшую преимущественно на водоразделах. Кроме того, контроль над численностью травоядных осуществлялся хищниками — пещерным львом, медведем, гиеной, а также волком и росомахой. Единственным же врагом мамонта был человек (Верещагин, 1971, 2002).

Теперь уже не подвергается сомнению тот факт, что мамонт был объектом интенсивной охоты. Во второй половине верхнего палеолита на Русской Равнине обитали группы населения, которые специализировались на охоте на мамонта (Аникович, Анисюткин, 1995, Аникович, 1998, Soffer, 1985). Сбор костей (использовавшихся для домостроительства, отопления и как поделочный материал), так же, как использование других ресурсов, играли важную, но не ведущую роль. Занимая нишу специализированного и, вместе с тем, высоко адаптированного хищника, человек конца верхнего палеолита, безусловно, был необходимой частью пищевой цепочки и выполнял функцию регулятора численности травоядных. Следовательно, распад мамонтового териокомплекса на рубеже плейстоцена и голоцена неминуемо влек за собой кризис в экономике первобытного человека, особенно в центральной части Русской Равнины, где добыча копытных (прежде всего, северного оленя) многократно уступала охоте на мамонта. Перестройка источников основных пищевых ресурсов, связанная с таянием ледника, и постепенное замещение холодолюбивой флоры и фауны на теплолюбивую, не могла пройти для первобытных коллективов безболезненно.

Процесс дегляциации шел на протяжении кратковременного, по геологическим меркам (4 – 5 тысячелетий), но вобравшего в себя кардинальные перемены во всех аспектах природного окружения древнего человека, дриасового периода. Наиболее отчетливые следы дегляциации и освобождения значительной территории Восточной Европы от ледника фиксируются в конце плейстоцена, около 15 – 14 тыс. лет назад. Ледник в краевой зоне тогда распался на множество микроязыков (вепсовская стадия).

В раннем дриасе, 13,0 – 12,8 тыс. лет назад, сопровождавшемся суровыми климатическими условиями и распространением полярной флоры, ледник частично сохранял контроль над междуречьем Западной Двины и Волги.

Лишь в беллинге, 12,8 – 12,3 тыс. лет назад, льды повсеместно отступили, и на приледниковых территориях обычная береза вытеснила карликовую березу.

Похолодание среднего дриаса, 12,3 – 12,0 тыс. лет назад, было отмечено на Русской Равнине несколькими поясами конечно-моренных образований, свидетельствующих о последовательном регрессивном характере дегляциации. Стоит сказать, что многие современные исследователи не выделяют средний дриас как отдельный стадиал, а рассматривают его как завершение беллинга (Фаустова, 1994).

Глобальное потепление в аллереде, 12,0 – 11,0 тыс. лет назад, когда климатические условия почти не отличались от современных, способствовало распространению на большей территории Русской Равнины сосново-березовых лесов с участием ели и примесью широколиственных пород.

Последнее, наиболее значительное похолодание в позднем дриасе, 11,0 – 10,3 тыс. лет назад, ознаменовалось временным возвращением перигляциальных условий. В палинологических спектрах пыльца трав вытесняет лесные сообщества, появляются холодолюбивые виды, включая карликовую березу (Климанов, 1994). Район верховьев Волги, Западной Двины и Днепра представлял тогда зону кустарников и предтундровых редколесий, сохранявшихся по долинам рек и озер. Однако ухудшение климата не сопровождалось продвижением ледника южнее северной части Карелии.

Наступление раннего пребореального потепления, 10,3 – 10,0 тыс. лет назад, положило конец господству холодолюбивой растительности. На рубеже плейстоцена и голоцена формируется климат, близкий к современному (Сапелко, 2005). Распространяются сосново-березовые лесные массивы с примесью ели и широколиственных деревьев. Некоторое понижение среднегодовых температур в позднем пребореале, 10,0 – 9,3 тыс. лет назад, выразилось в резком увеличении роли травяных и кустарниковых ассоциаций за счет сокращения древесных пород. Лесные массивы вновь приобрели вид редколесий, но не достигли позднедриасового уровня деградации. С наступлением бореала, 9,3 – 8,0 тыс.

лет назад, вместе с которым вернулись теплые климатические условия и теплолюбивая флора, голоценовые климатические колебания носили уже преимущественно локальный характер.

Процесс дегляциации на территории Русской Равнины имел катастрофическое влияние на климатическую обстановку. Определяющими векторами природных изменений были увеличение среднегодовых температур вместе с резким ростом влажности и постепенное облесение территории (Хотинский, 1977). Не менее важным событием было изменение климатической зональности. В ледниковое время природно-климатические пояса были радиально-зональными. Ледниковая пустыня, приледниковая тундра, тундростепь, лесотундра, лесостепь и степь, — все эти климатические зоны опоясывали ледниковую шапку по окружности, радиально расходясь от центра, располагавшегося в Скандинавии, к периферии. В период дриасовой перестройки климата эколого-климатическое районирование начинает постепенно приближаться к современному широтному, но, благодаря позднеледниковым осцилляциям, процесс носил колебательно-поступательный характер. Главным природным фактором в этот период выступал лес. Первичное облесение огромных пространств, как следует из палиноспектров финальноплейстоценовых разрезов, происходило, главным образом, за счет кустарников, ольхи и березы — наиболее адаптивных древесных пород (Спиридонова, 1991, Спиридонова, Алешинская, 1999). Вторым эшелонем выступал хвойный лес, причем в относительно ксерофитных районах первое место среди хвойных принадлежало сосне, а во влажных условиях первенствовала ель. В оптимум аллереда, который также еще называют максимумом ели, северная часть Русской Равнины приближалась по растительному покрову к темнохвойной тайге, а средняя полоса — к боровым лесам. Широколиственные породы в дриасовое время не являлись постоянной составляющей лесных массивов Русской Равнины, кроме крайних южных районов, так как неустойчивость климатической обстановки сдерживала поступательность их роста. Общее увлажнение и облесение территорий стало основным фактором, определившим вымирание мамонта. Самые поздние мамонты на Русской Равнине в южной части их прежнего ареала обитания имеют даты около 12 тыс. лет назад, а наиболее поздние находки с территории Вологодской области датируются 9,8 тыс. лет назад (Яшина, 2002).

В сложившихся в дриасовый период условиях, вслед за исчезновением основного конкурента, копытные получили возможность резкого увеличения численности. На первичном этапе распространения лесов, представлявших собой сосново-березовые редколесья на фоне сменивших тундростепь луговых сообществ, северный олень и лошадь стали основными обитателями огромных территорий. Следует отметить, что эти виды, прежде обитавшие в составе мамонтового териокомплекса фактически чересполосно, начинают постепенно разделяться по ареалам формирующихся климатических зон. Северный олень занял резко сузившийся ареал тундростепей, а лошадь — более южные лесостепные области, поделив на тебеневке степь с резко сократившимся в численности бизоном (Верещагин, 2002). Разраставшийся пояс лесов, в конце концов, полностью разделил ареалы этих видов травоядных. Параллельно происходило увеличение роли собственно лесных видов — лося, кабана, благородного оленя, зубра, бобра и др. Именно на таком природном фоне шло формирование сообществ финальнопалеолитических охотников.

Палеогеография гидросистем

Огромное и зачастую недооцененное значение для палеогеографических реконструкций рубежа плейстоцена и голоцена имеет перестройка гидросети Восточной Европы, связанная с таянием ледника. Все памятники палеолита на Русской Равнине в той или иной мере связаны с долинами рек. В финале плейстоцена этот регион был еще и приледниковым поозерьем, по масштабам и геоэкологическим особенностям сопоставимым с областью Великих Озер Северной Америки. Решающее влияние на среду обитания первобытного человека в рассматриваемое время оказывало молодое руслообразование, изменившее модели функционирования местного животного и растительного мира (Панин, Сидорчук, 2005). Формирование основных речных артерий Русской Равнины в их современных руслах началось со становления водораздела крупнейших рек: Днепра, Волги, Северной и Западной Двины, или, как его еще иначе называют, — Великого водораздела.

Великий водораздел на Русской Равнине, который в современности проходит по линии Витебск — Орша — Западная Двина — Рыбинск (Воробьев, 1994), в ледниковую эпоху (из-за изостатического опускания геологической платформы, вызванного ледником) располагался в сотнях километров юго-восточнее. Последнее обстоятельство является важным для понимания закономерностей формирования обширнейших приледниковых озер, которые существовали к северу от главного водораздела (Обедиентова, 1975, Квасов, 1975, Санько, 1987) и являлись основным препятствием на пути расселения древнего человека с юга на север. В позднеледниковье бассейны верхнего течения Днепра и Западной Двины образовывали систему приледниковых водоемов, частью которой являлись верхневолжские озера со стоком по днепровской прадолине. Современная линия водораздела сложилась в раннем голоцене за

счет спуска озер, возникших на месте ледниковых стоков юго-западного направления, когда Волга переместила свой исток от Вышневолоцкой гряды к центру Валдайской возвышенности.

В позднеледниковое время сток осуществлялся по двум схемам: 1. от края ледника в сторону краевой зоны; 2. от зоны краевых образований в сторону ледника. В первом варианте реки пользовались унаследованными доледниковыми долинами на участках, не заполненных ледниковыми осадками. Достигнув зоны краевых образований, они огибали ее с внутренней стороны, протекая параллельно краю ледника, пока не прокладывали новые русла, или не поворачивали обратно к леднику. Во втором случае речные потоки шли из зоны краевых образований и, достигнув ледника, поворачивали в параллельном к леднику направлении, а затем прорезали новые русла через зоны наиболее молодых краевых образований (Саммет, 1963, С. 56). Сложная многофакторная схема гидросистемы региона способствовала петлеобразному характеру формы речных долин, часто не соответствующему направлению стока по основному современному водоразделу. Таким образом, территориально зона распространения приледниковых озер и наследующих им водоемов охватывает более южные территории, нежели те, которые диктует топография современной гидросистемы.

Формирование бассейнов трех крупных основных рек Русской Равнины, берущих начало на Великом водоразделе, — Днепра, Западной Двины и Волги, имело разный характер. Наиболее древней долиной среди крупных рек обладает Днепр. Считается, что территория верхнего течения реки не была полностью покрыта ледниковым щитом, но сама долина с современным направлением стока сформировалась лишь в финале плейстоцена (Квасов, 1975, С. 54–55). Полагают, что Суражско-Каспьянская депрессия, соединявшаяся высокой седловиной на широте Витебской возвышенности с долинообразной Гусинской депрессией, тяготеет к прадолине Днепра времени позднеледниковья (Санько, 1987, С. 9). Упомянутая депрессия представляет собой цепь понижений, занятых в древности проточными озерами, сформировавшими нынешнее русло. Есть, однако, мнение, что верхнее течение Днепра имеет более древний, плейстоценовый, возраст (Горецкий, 1970, С. 6–9). Террасообразование Верхнего Днепра очень сложно коррелируется с долинными аллювиальными отложениями в среднем течении реки. Здесь выделяются две надпойменные террасы, из которых наиболее ранняя (вторая), высотой 18 – 20 м, фиксируется на участке Смоленск-Могилев и относится ко второй половине среднего валдая. Считается, что верхняя свита террасы образовалась не позднее конца валдайского ледникового максимума. Формирование первой надпойменной террасы происходило, видимо, в позднеледниковье в хронологических рамках от померанцевской (вепсовской) стадии валдая до аллереда включительно (Вознячук, 1973, С. 64–65). В верховьях Днепра эта терраса замещается озерной террасой Дорогобужского приледникового озера высотой до 35 м. Ниже Смоленска терраса превращается в озерную песчаную террасу, коррелирующуюся с древним Оршанским озером. Первая терраса образовалась после спуска озер, произошедшего вследствие прорыва Днепра в районе Орши вслед за вепсовской стадией деградации ледника (Квасов, 1975, С. 55–63).

Образование аллювиальных отложений в верховьях Западной Двины менее изучено. Отложения финальноплейстоценовой усвячской аллювиальной свиты мощностью 20 – 25 м сформировались в перигляциальных условиях. Ледниковые талые воды не принимали участия в ее сложении, так как течение реки в валдайское время было направлено в сторону ледникового покрова. Усвячская свита, находящаяся ныне ниже подошвы валдайской морены, сложена мелкими и тонкими слабослоистыми песками, алевролитами и суглинками (Вознячук, 1973, С. 63–64). Накопление этих слоев происходило в условиях застойного перигляциального режима водных потоков, образывавших подпруженные приледниковые водоемы (Санько, 1987, С. 50). Нижняя часть свиты сформировалась в средневалдайское время, а верхняя — в позднем валдае. Первой надпойменной террасе Днепра в бассейне Западной Двины соответствуют от 5 до 6 надпойменных террас. Шестая и пятая террасы состоят каждая из 2 – 3 уровней эрозионного вреза реки, образовавшихся во время спуска приледниковых озер с высотным уровнем от 20 до 50 м над современным урезом воды. Четвертая терраса, чей возраст сопоставляется с беллингом, и третья — с аллередом, завершают валдайский цикл. Две более низкие голоценовые локальные террасы составляют пойму реки (Вознячук, 1973, С. 65–66). В верховьях реки и на современном водоразделе Западной Двины и Днепра в поздневалдайское время существовала система приледниковых водоемов. Входившие в нее Оршанское, Лучесинское, Суражское, Межинское и Каспьянское (Демидовское) проточные озера представляли собой плесы крупного Оршанско-Суражского озера, опоясывавшего Витебскую возвышенность, которая была тогда островом (Квасов, 1975, С. 57). Сток из этого водоема осуществлялся на юг через бассейн р. Сож. Лишь после отступления ледника от краевых образований вепсовской стадии и прорыва Днепра в районе Орши водосброс поменял направление на западное, в сторону Полоцкого озера, которое питалось также водами подпруженного Привалдайского озера. Последнее занимало современные долины р. Великая и р. Ловать. Спуск Полоцкого озера в период лужской стадии деградации ледника положил начало современной долине Западной Двины в ее верхнем течении.

<i>Геологический период</i>	<i>Тыс. л. н.</i>	<i>Верхняя Западная Двина</i>	<i>Верхний Днепр</i>	<i>Верхняя Волга</i>
<i>Вепсовская стадия</i>	15,5 - 14,5	Финальная фаза существования обширной Оршанско-Суражской приледниковой системы озер со стоком в бассейн Сожа и далее в Днепр		Финальная фаза верхневолжской озерной системы ледникового цикла со стоком по Клязьме и Оке и частично по Днепру
<i>Отступление ледников от краевых образований вепсовской стадии</i>	14,5 - 13,5	Прорыв Суражского озера в Полоцкую низину. Одновременно сохраняется сток в бассейн Днепра через Межинское и Касплянское озера. Возникло Привалдайское озеро со стоком в Полоцкое озеро	Прорыв Дорогобужского озера через Оршанскую седловину. Начало постепенного вреза русла Верхнего Днепра в озерную террасу и формирование современной долины	Прорыв приледниковой системы озер в северном направлении через сквозную долину Северной Двины. Прекращение стока южного направления в черноморский и каспийский бассейны
<i>Дальнейшее отступление ледников до краевых образований лужской стадии</i>	13,5 - 12,8	Привалдайское озеро получило западно-балтийский сток через образовавшуюся сквозную долину. Начало формирования русла Западной Двины по обмелевшим Суражскому и Полоцкому озерам	Образование водораздела между Днепром и Западной Двиной. Снижение уровня верхнеднепровской цепочки проточных озер. Прекращение водосброса в бассейн Сожа	Снижение уровня верхневолжских озер. Освобождение стока через Белозерскую низину. Включение в озерную сеть освобожденных от мертвого льда верхневалдайских озер
<i>Беллинг и лужская стадия</i>	12,8 - 11,8	Снижение уровня Привалдайского озера и разделение его на ряд отдельных бассейнов. Врез русла Ловати со стоком в образовавшееся Новгородское озеро	Углубление речного ложа Днепра. Спуск цепочки верхнеднепровских озер и накопление аллювия первой надпойменной террасы	Верхневолжские озера получают дополнительный сток через Онежскую низину в систему Привалдайских озер и современный сток на юго-восток по долине прорыва в районе г. Плеса
<i>Аллеред и стадия сальпауселья</i>	11,8 - 10,2	Формирование четвертой и третьей надпойменных террас	Завершение формирования первой надпойменной террасы	Формирование первой надпойменной террасы валдайских озер
<i>Ранний голоцен</i>	10,2 - 7,9	Образование локальных второй и первой террас	Накопление аллювия высокой поймы.	Накопление аллювия первой надпойменной террасы
<i>Средний и поздний голоцен</i>	7,9 - ...	Пойменная фация	Пойменная фация	Пойменная фация

Табл. 2. Опыт синхронизации основных этапов дегляциации крупных рек Русской равнины (по данным Л. Н. Вознячука, Д. Д. Квасова, А. Ф. Санько, Г. В. Обедиентовой).

Верховья крупнейшей реки Русской равнины — Волги являются геологически молодым образованием. Характерная черта бассейна Верхней Волги — слабая степень эрозионной

расчлененности. Выраженная расчлененность рельефа связана не с водно-эрозионными процессами, а с первичными неровностями ледниково-аккумулятивного рельефа. Протекающие здесь речки и ручьи не имеют разработанных долин и пассивно следуют древним понижениям, многие из которых заняты озерами или заболочены (Лопатников, Шик, 1963, С. 115). Формирование речной долины Волги от истоков и до бассейна Оки связано с несколькими позднеледниковыми стадиями спуска исчезнувших ныне крупнейших приледниковых озер, которые заполняли современные низины: Волго-Шошинскую, Молого-Шекснинскую и Ярославско-Костромскую. Формирование современного верхнего русла реки относится, как и у Верхнего Днепра, ко времени, следующему за вепсовской стадией. В этот период Верхневолжская система озер получила сток в северном направлении через Белозерское приледниковое озеро, а в лужскую стадию — и через Онегу. В беллинге возник прорыв Волги у г. Плеса (Квасов, 1975, С. 81–84), и Верхневолжская система озер постепенно обмелела и приобрела современные черты, получив сток на запад. Лишь Привалдайское озеро, в дно которого врезалась р. Ловать, сохранило северный сток.

В бассейне верхней Волги, в пределах распространения валдайского оледенения, позднеплейстоценовые террасы, связанные с речной деятельностью, не выявлены. Московско-валдайская терраса микулинского возраста и более низкая валдайская терраса развиты на территориях, расположенных южнее рубежа продвижения валдайского оледенения (Обедиев, 1977, С. 105), который проходит на уровне пос. Селижарово Тверской области. В верховьях реки на некоторых участках зафиксирована терраса рубежа плейстоцена-голоцена высотой до 5 м, которая ниже по течению прислонена к валдайской. Эта терраса развита по берегам верхневолжских озер Стерж, Пено, Вселуг и Волго и сложена слоистой супесью и мелким песком. Формирование террасы связано с невыработанностью продольного профиля русла, которое продолжало энергично врезаться в раннеголоценовое время (Обедиев, 1977, С. 140–146). Голоценовая терраса, высотой местами до 10 м, в виде локальных слабо наклоненных к реке участков, наблюдается во всем бассейне Верхней Волги, а ниже по течению реки образует задровую зону.

Таким образом, пространство, осваиваемое человеком, регулировалось, в огромной степени, состоянием не только климата, но и гидросистем (трансгрессиями и регрессиями водоемов), а также деятельностью речных стоков. В позднеледниковые сеть крупных проточных приледниковых озер на северо-западе Русской Равнины находилась в активной фазе развития, а верхнее течение рек Волги, Днепра, Оки и Западной Двины только формировалось (табл. 2). Интенсивная эрозионная и паводковая деятельность рек препятствовала быстрому освоению низких террасовых уровней, наиболее пригодных для обитания человека в освобожденных от ледника районах. Обширные территории, прилегавшие к крупным озерным системам северо-запада Русской Равнины, после дегляциации отличались сильной обводненностью. Для них была характерна заболоченная местность и смешанный лесотундровый растительный покров, обусловленный длительным сохранением погребенного льда и явлениями термокарста. Более южные районы средней полосы оказались в значительно более влажных условиях, чем в ледниковое время, но отсутствие вечной мерзлоты и термокарста способствовало быстрому облесению территорий.

Моделирование схемы расселения в бывших ледниковых областях

Освобождение северных территорий от ледника и изменение климата повлекло за собой возможности заселения огромных пространств животными и человеком. Палинологические спектры свидетельствуют о чрезвычайно быстром распространении растительности на новых территориях (рис. 2). Скорость освоения этих районов животными и охотившимся на них человеком пока не поддается оценке из-за недостаточности данных. При всем возможном многообразии модели первичного заселения могут быть сведены к нескольким вариантам: 1) следование человека за ледником вслед отступающей зоне тундростепей в попытке сохранить прежний способ хозяйствования и постепенная адаптация к меняющейся среде; 2) миграция из южных областей на осушенные территории, где уже начала формироваться экологическая ниша теплолюбивой флоры и фауны; 3) замещение охоты на крупных животных рыболовством и добычей водоплавающей дичи, как основных способов пропитания, и расселение вдоль берегов постледниковых водоемов.

Попытки моделирования процесса заселения освобожденных ото льда территорий на Русской Равнине, как правило, исходят из достаточно прямолинейных построений. Так, некоторые исследователи (Гурина, 1965, Nunez, 1987, Carpelan, 1999) говорят о непосредственном расселении человека позднеледниковья из наиболее северных районов обитания людей верхнего палеолита в бассейне Десны, Дона и Оки далее на север, рассматривая процесс колонизации вне зависимости от динамики смены природного окружения и адаптации к нему человека (вариант 1). Иная точка зрения (Кольцов, 1994, Долуханов, 2000, Шахнович, 2000) также исходит из предположения о постепенном продвижении людей с юга на север вслед за распространением благоприятной для расселения среды и соответствующей ей

миграционной волны основной массы промысловых животных (вариант 2). Вариант данной гипотезы предполагает, что первичное заселение происходило в виде нескольких достаточно быстрых миграционных волн, следовавших по маршрутам передвижения северного оленя из районов южной Балтики на северо-восток (Зализняк, 1989, 1999, Сеницына, 1996, Сеницына и др., 1997) по аналогии с заселением территории Скандинавии охотниками на северного оленя (Лисицын, 2001а, 2003). Наконец, популяризованная в учебниках по истории первобытного общества, идея о резкой смене хозяйственно-культурного типа и вынужденной адаптации палеолитических охотников в новых условиях к водным пищевым ресурсам (вариант 3) в последние десятилетия никем не рассматривается всерьез. Установлено, что, хотя людям конца палеолита было знакомо рыболовство, в раннем мезолите основную добычу человека еще составляла наземная фауна, и лишь в среднем мезолите рыболовство начинает играть существенную роль в хозяйстве (Жилин, 2004). Таким образом, нарисовать на основании имеющихся данных целостную картину судьбы верхнепалеолитического населения и хронологии освоения освобожденных от ледника территорий, пока не удастся. Однако, выявление взаимосвязей разнокультурных групп финального палеолита, источников их происхождения и распространения культурных традиций на Русской Равнине, позволяет предложить региональные схемы освоения новых территорий.

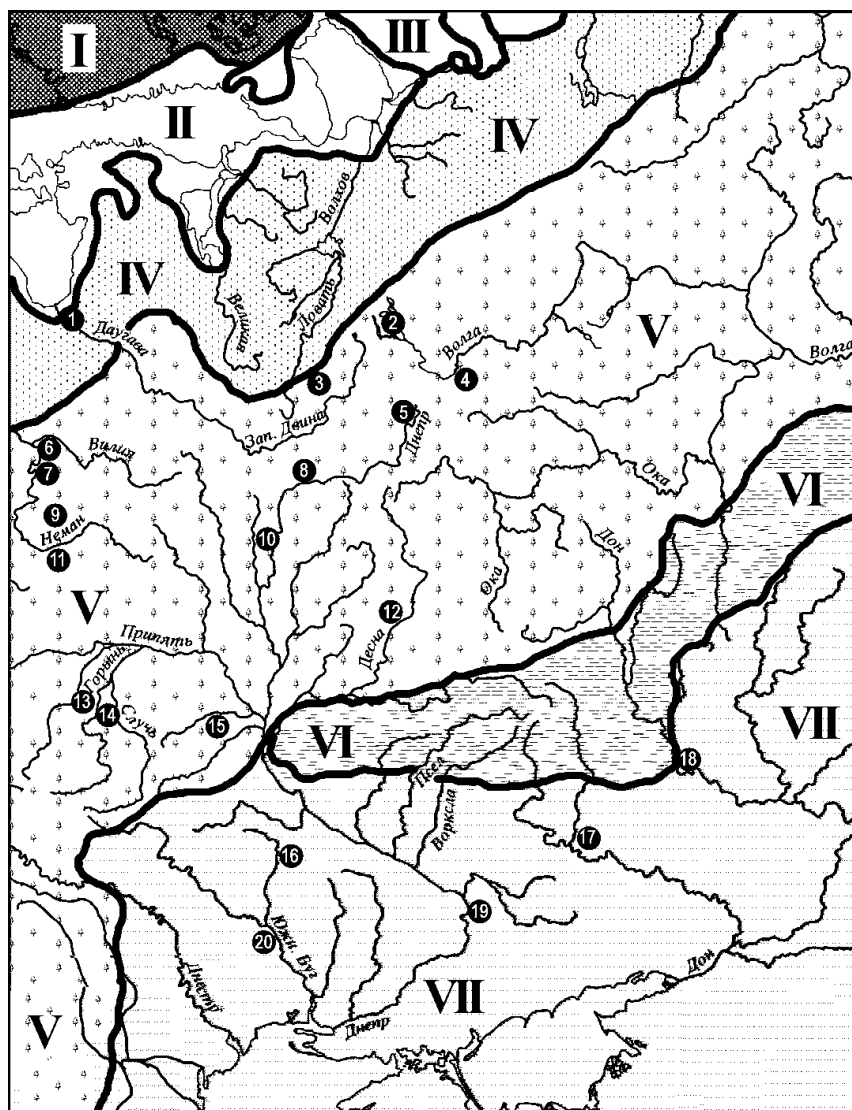

Рис. 2. Природное окружение первобытного человека в финальном палеолите.

I – область оледенения; II – крупнейшие приледниковые водоемы; III – перигляциальная тундра; IV – тундростепь; V – лес; VI – лесостепь; VII – степь; опорные памятники: 1 – Саласпилс Лаукскола; 2 – Подол 3; 3 – Иванизов Бор; 4 – Троицкое 3; 5 – Аносово; 6 – Скаруляй, Эйгуляй; 7 – Эжяринас; 8 – Кабяляй 2; 9 – Берестенево; 10 – Яново, Барколабово; 11 – Красносельский 5; 12 – Смячка 14; 13 – Красноселье Е; 14 – Тутовичи 4; 15 – Прибор 7 и 14; 16 – Владимировка; 17 – Роголикские стоянки; 18 – Самотоева; 19 – Осокоровка; 20 – Царинка.

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ

Северо-запад и Центр Русской Равнины

Археологическая характеристика стоянок финального палеолита северной части Русской Равнины, не имеющих радиоуглеродных датировок, основана на технико-типологическом анализе каменных индустрий. Последние находят прямые аналогии в южнобалтийских памятниках, принадлежащих к так называемому комплексу культур с черешковыми наконечниками. На северо-западе Русской Равнины наиболее раннему технокомплексу финального палеолита, находящему аналогии в датированных аллередом стоянках Польши и Дании, соответствуют памятники с характеристиками кремневого инвентаря типа бромме.

К технокомплексу бромме относятся, как минимум, несколько памятников на северо-западе Русской Равнины: Аносово I и IV в верховьях Днепра, Подол III (ранний комплекс), Теплый Ручей 2, Троицкое 3 в верховьях Волги. Возможно, в эту группу следует включить частично кремневый инвентарь верхнеднепровского памятника Вышегора I и верхневолжского — Баранова Гора, а также ряд других местонахождений (Гурина 1972, Кольцов, 1994, Ланцев, Мирецкий, 1996, Синицына, 1996, 2000, Лисицын, 2000а, б). Технокомплекс бромме в сопредельных регионах известен пока по единичным памятникам. В белорусском течении Днепра известна сопоставимая по составу орудий с аносовскими материалами стоянка Берестеново, принадлежащая к ранней гренской культуре (Ксензов, 1999). К технокомплексу бромме относится стоянка Красноселье и ряд других памятников в Украинском Полесье, причисленных к красносельской культуре (Зализняк, 1989, 1999). В Белорусском Понеманье исследована стоянка Красносельский 5 (Черняускі и др., 1996) с набором инвентаря типа бромме. На территории Литвы, в Понеманье, известно около четырех десятков стоянок с наконечниками типа лингби и аренсбургскими наконечниками (Римантене, 1971, 1978). В Польше к комплексам типа бромме относятся стоянки Тшебца 1 в бассейне р. Варты, Каргова Е, Яцентов 10, Новы Млын 1А и 1В, Цаловане (III) в бассейне р. Вислы (Kozłowski, Kozłowski, 1977), Волкуш 3 и 5, Бурденишки 4 в бассейне Немана (Szymczak, 1995) и другие памятники. Комплекс 5а слоя Цаловане, имеющий радиоуглеродные определения, позволяет говорить о том, что население с традициями бромме-лингби обитало здесь во время второй половины — конца аллереда (Schild et al., 1999).

Для разрешения вопроса о времени проникновения носителей культурного комплекса бромме на северо-запад Русской Равнины первостепенное значение имеют палинологические и радиоуглеродные данные стоянки Подол III (раскоп 1) на Верхней Волге. Культурный слой памятника залегает как в кровле погребенной почвы, отнесенной, судя по палинологическим данным, к финалу аллереда, так и в перекрывающих ее отложениях позднего дриаса (Синицына и др., 1997; см. главу 3 настоящей книги). Радиоуглеродные даты, происходящие из финальнопалеолитического слоя, имеют большой разброс. Самая древняя дата, 9180 ± 75 (JE-5029), соответствует пребореалу, и считается омоложенной (Синицына, 2000). Следует учесть тот факт, что к середине позднего дриаса комплекс бромме полностью исчезает на западных территориях, и то, что в конце позднего дриаса — начале пребореала на Верхней Волге, судя по палинологическим и радиоуглеродным данным, уже существовали развитые раннемезолитические комплексы иеневской культуры и ранние памятники бутовской культуры. Поэтому следует отнести материалы стоянки Подол III к периоду не позднее первой половины-середины молодого дриаса и не ранее финала аллереда, то есть 12 – 11 тыс. лет назад. Памятники типа Красносельский 5 в Понеманье, Аносово I, IV в Верхнем Поднепровье, Подол III и Троицкое 3 в Верхневолжском регионе, обладают архаичным для технокомплекса бромме обликом (крупные пластинчатые заготовки, отсутствие свидерских форм, архаичная техника раскалывания). Вероятно, они отмечают древнейшие этапы продвижения групп населения бромме с юго-запада на северо-восток. На стоянке Баранова Гора в последнее время Г. В. Синицыной открыты немногочисленные артефакты, содержащиеся в отложениях с палинологическими спектрами, характеризующими финал беллинга, но культурная принадлежность их пока не ясна (Синицына и др., 2005).

Второй и более поздний технокомплекс памятников финального палеолита на нашей территории связан со свидерской традицией. К свидерскому технокомплексу, датированному в Польше поздним дриасом, на северо-западе Русской Равнины относятся стоянки Иванцов Бор и, вероятно, Бабурова Гора в Верхнем Подвинье (Микляев, 1995, Желтова, 1997, 2003), а также комплекс из раскопа 2 стоянки Подол III на Валдае (Синицына, 1996). Возможно также отнесение сюда находок со стоянок Марьино 4 в бассейне притока Волги, р. Мологи, и Дорки 6 на Валдае (Косорукова-Кондакова, 1995, Zhilin, 1996, Зализняк, 1999). На территории Белорусского и Украинского Полесья и юго-восточной Прибалтики, которые входят в основную область распространения свидерской традиции, зафиксировано порядка тысячи стоянок и местонахождений, относящихся к этой культурной общности. К сожалению, подавляющее их число, также как и большинство остальных памятников рубежа плейстоцена и голоцена, представлено местонахождениями с разрушенным культурным слоем и стоянками, лишенными как

естественнонаучных данных, так и абсолютных датировок. Северо-запад Русской Равнины был маргинальной областью распространения финальнопалеолитических свидерских индустрий, хотя в голоценовое время в местном мезолите и раннем неолите в данном регионе сохранялись так называемые «постсвидерские» традиции (Кольцов, 1977). На сопредельных территориях известен ряд свидерских памятников. В Белорусском Поднепровье исследованы стоянки Яново и Баркалабово (Копытин, 1992, 1999). В нижнем течении р. Даугавы изучено несколько свидерских памятников (Загорская, 1981, Zagorska, 1996, 1998, 2003), среди которых наибольшей типологической выразительностью обладает стоянка Саласпилс Лаукскола. На территории Литвы в бассейне Немана известно более 60 памятников со свидерскими чертами кремневого инвентаря. Большинство из них представлено местонахождениями со смешанным набором находок, но некоторые пункты подверглись раскопкам: Скаруляй, Эйгуляй, Эжяринас 1, 4, 11, 14 и др. (Римантене, 1971). Относительно не смешанные свидерские комплексы финальнопалеолитического облика распространены практически по всему течению Припяти до Киевского Поднепровья (Березно 6, 14, Тутовичи 4, Лютка, Прибор 7 и 14, Бобровичи и др.), и, вероятно, Подесенья (Смячка XIV, Балка 1; Римантене, 1971, Гурина, 1965, Кольцов, 1977, Телегин, 1982, Зализняк, 1989, 1999, Sulgostovska, 1989).

Вопрос о времени и путях проникновения свидерского населения на северо-запад Русской Равнины достаточно сложен, но для решения его имеется больше аналитических данных. Заполнение ямы, содержащей кремневый инвентарь смешанного облика (типа бромме и свидероидного характера), из раскопа 2 на верхневолжской стоянке Подол III, доставило палинологический спектр, сопоставимый с финалом позднего дриаса (Синицына и др., 1997). Однако, присутствие в заполнении ямы двух разнокультурных комплексов кремневого инвентаря, не позволяет однозначно связывать данную хронологическую оценку со свидероидным комплексом. Геоморфологическая привязка к краю первой надпойменной террасы р. Мологи стоянки Марьино 4, доставившей позднесвидерский комплекс с чертами перехода к мезолиту (Косорукова-Кондакова, 1995), позволяет определить время ее обитания как примерно рубеж плейстоцена и голоцена, порядка 10 тыс. лет назад. Для стоянки Иванцов Бор в Верхнем Подвинье, расположенной на песчаном ледниковом холме, имеется геологическое определение возраста финалом позднего дриаса. Предполагается, что тогда материалы культурного слоя были перевезены и переотложены на низком уровне (дюнная фаза; Долуханов, 1969).

Приблизительную временную привязку имеет свидерская стоянка Саласпилс Лаукскола в Латвии. Береговая морская линия в Саласпилсе связывается с Балтийским ледниковым озером, существовавшим в позднем дриасе. Сама стоянка приурочена к одному из островов древней дельты Даугавы, образовавшемуся не ранее середины позднего дриаса, а культурные остатки могут быть отнесены к концу этого периода, времени 11 – 10 тыс. лет назад (Zagorska, 1996, 2003). Большой интерес в этом плане представляет памятник Кабяляй 2 в южной Литве (Ostrauskas, 1999). Свидерские находки из культурного слоя С на этой стоянке датируются по серии радиоуглеродных дат, подкрепленных палинологическими определениями, отрезком от финала позднего дриаса до начала пребореала. На территории Польши известно несколько сотен свидерских памятников, среди которых лишь единичные датированы. Радиоуглеродные даты имеются для слоев 6а и 6б Цаловане (раскопы I, III, V), Рыдно I и Рыдно III, Войново 2 (Schild et al., 1999). Эти датировки определяют рамки существования свидерского технокомплекса от времени не ранее середины позднего дриаса до самого начала пребореала, 10,5 – 10 тыс. лет назад.

Недостаток данных о хронологии памятников типа бромме и свидерского типа порождает ряд вопросов о соотношенности во времени и пространстве групп населения обоих технокомплексов, стоянки которых чересполосно расположены в западной части Восточной Европы (Зализняк, 1999). При этом распространение в финальном палеолите исключительно технокомплекса бромме отмечено в верховьях Днепра, а только свидерской традиции — в Латвии и Подвинье. Можно реконструировать продвижение населения бромме, начиная с конца аллереда, из пределов Повисленья в восточную Прибалтику и Среднее Поднепровье, а затем, в позднем дриасе, в верховья Днепра и Волги (рис. 3). Свидерские группы значительно позднее освоили эти территории. При этом они едва ли могли попасть на Верхнюю Волгу через долину Днепра, где их продвижение отмечено комплексом стоянки Яново (Копытин, 1992). Свидерские памятники отсутствуют в верховьях Днепра, поскольку в Белорусском и Смоленском Поднепровье непрерывно, вплоть до развитого мезолита, существовала гренская культура, производная от комплексов типа бромме. Поздний свидерский технокомплекс в верховьях Днепра зафиксирован лишь в развитом мезолите (Ксензов, 1988, 1999, Синицына, Лисицын, 2001). Скорее всего, в финальном палеолите на Верхнюю Волгу проникли свидерские группы, населявшие побережье Балтики и освоившие путь по долине Даугавы и Западной Двины. Судя по некоторым общим типам орудий и распространению импортного кремня, связи населения прибалтийской кундской культуры и верхневолжской бутовской культуры сохранялись на протяжении раннего мезолита. Это позволяет исследователям говорить об общности происхождения обеих культур на основе прибалтийских

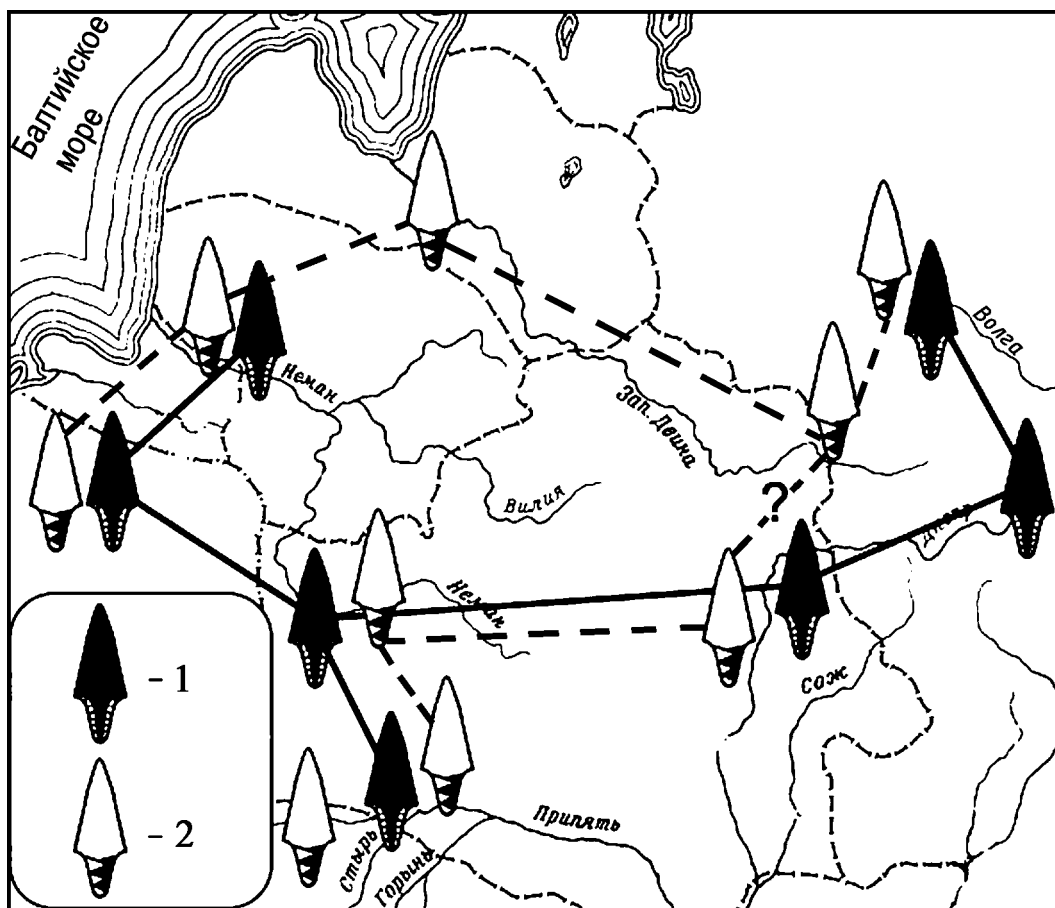

Рис. 3. Реконструкция основных маршрутов заселения Русской Равнины с запада финальнопалеолитическими охотниками – носителями культур с черешковыми наконечниками: 1 – бромме (примерно от 11 до 10,5 тыс. лет назад), 2 – свидерской традиции (примерно от 10,5 до 10 тыс. лет назад).

свидерских традиций (Sulgostovska, 1999, Жилин, 2001).

Таким образом, носители культур с черешковыми наконечниками, как бромме, так и свидерской общности, заселяли Русскую Равнину с запада. Интересным является факт широтного, а не меридионального распространения этих традиций, поскольку обычно они связываются с группами охотников на северного оленя. Для последних же, судя по детально изученным аренсбургским и гамбургским стоянкам в северной Германии, мадленским в Парижском бассейне и Бельгии, были характерны именно меридиональные перекочевки (Bosinski et al., 1995, Crombe, Verbruggen, 1999, Djindjian et al., 1999). Впрочем, в свете данных о лесном составе флоры и фауны на некоторых датских стоянках культуры бромме, а также об облесенности (начиная уже с конца беллинга) северо-запада Русской равнины, перекочевки северного оленя более не выглядят как главный побудительный фактор такой миграции, по крайней мере для этапа первичного заселения.

Восток и юг Русской Равнины

Иные традиции финального палеолита, не связанные своим происхождением с комплексом культур с черешковыми наконечниками, характерны для восточной части Русской Равнины в дриасовый период. Район сосредоточения памятников рубежа плейстоцена и голоцена на востоке рассматриваемого региона расположен в нижнем течении Камы. Судя по залегаанию культурных слоев в кровле поздневалдайских отложений, стоянки-мастерские по обработке кремня Лобач 2, Камское Устье 2 (нижний слой) и Долгая Поляна 2 (нижний слой), могут быть отнесены к концу верхнего палеолита (Галимова, 2001). К финальному палеолиту причисляется ряд памятников ранней усть-камской культуры, среди которых наиболее древними, судя по стратиграфическим и палинологическим данным, являются такие стоянки как Камское Устье 2 (средний слой), Долгая Поляна 2 (средний слой), Сюкеевский Взвоз, Тетюшская 3, Беганчик, Семеновская, Усть-Вихлянская (Галимова, 2001). К

особенностям кремневой индустрии перечисленных комплексов относится сочетание пластинчатой и отщеповой техник расщепления, массивность заготовок. Микропластинчатый инвентарь не характерен; наряду с набором типичных верхнепалеолитических орудий устойчиво встречаются рубящие изделия и крупные микролиты-трапеции, в том числе специфические трапеции усть-камского типа с вогнутыми краями.

На территории юга Русской Равнины финальный палеолит представлен многочисленными памятниками, не имеющими абсолютных датировок, и обнаруживающих сходство с верхним палеолитом в облике кремневого инвентаря (Янисоль, Федоровка, Ворона 1, Дубовая Балка, Кайстрова Балка и др.). Помимо этого, здесь выделена специфичная группа стоянок, объединяемая исследователями в единую культурную общность. Эта общность или область еще не получила устойчивого наименования и в разных работах фигурирует под названиями: осокоровская культура, рогаликско-осоковская или рогаликско-царинковская культурная область по эпонимным стоянкам Осокоровка (слой 3в) на Днепре, Рогалик на Северском Донце и Царинка в Побужье (Кротова, 1986, Горелик, 2001). Не вдаваясь в дискуссию о культурной принадлежности, периодизации и территориальных границах этой общности, включающей более 20 памятников, большинство из которых представлены местонахождениями с разрушенным культурным слоем, остановимся лишь на памятниках, имеющих хронологическую привязку.

К подобным пунктам относятся стоянки Рогаликско-Передельского района на Северском Донце. Среди 22 памятников, относящихся к финальному палеолиту (Горелик, 2001), датировки получены для пунктов Рогалик 2А, 7, 12 и Передельское 1. Палеомагнитные и термолюминесцентные датировки указывают на то, что возраст культурных остатков здесь не древнее беллинга, а палинологический анализ определил вмещающие культурные остатки отложения как погребенную почву аллередского времени. Аллередскому возрасту соответствует радиоуглеродная дата 11400 ± 140 (Ki-8476), полученная для стоянки Рогалик 7 (в инвентаре этого памятника не содержалось трапеций), а пребореальному — дата 9470 ± 110 (Ki-5026) для перекрывающих культурный слой отложений на стоянке Рогалик 12 (Горелик, 2001). Памятники зимниковской раннемезолитической культуры, вероятно, хронологически продолжают в пребореале развитие традиций индустрий с трапециями (Гавриленко, 2000). Недавно в бассейне Среднего Дона были открыты интересные памятники, по-видимому, связанные в культурном отношении с комплексами типа Рогалик-Вязовка 4а — Самотоевка (Бессуднов, 1997) и Плаутино 2 (Федюнин, Сурков, 2005).

Индустрии финального палеолита в юго-восточной части Русской Равнины характеризуются преобладанием пластинчатого расщепления при минимальной роли микропластинок и микроорудий. Специфические черты инвентарю придает наличие крупных микролитов-трапеций с элементами микрорезцовой техники. Происхождение данной традиции связывается то с каменнобалковской культурой и влиянием кавказских культур, то с днепро-донецкой культурной общностью конца позднего палеолита. Уникальность рогаликских стоянок для финального палеолита Русской Равнины заключается в том, что их культурные слои, в отличие от большинства синхронных памятников с разрушенным культурным слоем, сохранились практически в не потревоженном состоянии. Фаунистические остатки показывают, что местное население принадлежало к специализированным охотникам на лошадей (Горелик, 2001). Данная культурно-хозяйственная ниша еще во многом напоминает верхний палеолит.

Выводы относительно хронологии финального палеолита на Русской Равнине могут быть сведены к следующему:

1. На основании особенностей материальной культуры могут быть выделены, по меньшей мере, две не связанные друг с другом крупные провинции местного финального палеолита: западная область с черешковыми наконечниками и восточная с трапециями. Отсутствие в южной степной зоне датированных дриасовым временем памятников с пластинчатым инвентарем, продолжающим верхнепалеолитические традиции, не позволяет пока говорить о существовании еще одной провинции. Но, по крайней мере, позднемолодовская культура, возможно, доживает до рубежа голоцена.

2. Западный комплекс с черешковыми наконечниками связан своим происхождением с южно-балтийским миром, и появление его на Русской Равнине относится к концу аллереда. Непосредственной связи с местным верхним палеолитом не прослеживается.

3. Происхождение восточного комплекса не столь очевидно, так как многие черты кремневого инвентаря указывают на параллели в местном верхнем палеолите (ланцетовидные остря, микропластинки с притупленным краем). Хронологически наиболее ранние памятники с крупными трапециями относятся к аллереду, а возможно и более древнему времени. Скорее всего, они продолжают существовать и в позднем дриасе.

4. Несмотря на видимые типологические различия западной и восточной культурных областей финального палеолита, у них имеются общие черты: сокращение роли микропластинчатого

инвентаря, появление рубящих орудий, массовое распространение новых типов орудий, таких как черешковые острия и трапеции.

Таким образом, материальная культура первобытных людей в финальном палеолите на Русской Равнине оказалась приспособлена к новым природным условиям своеобразной эпохи постледникового переселения народов. В это время культура верхнепалеолитического населения северной части Русской Равнины прекратила свое существование и была замещена пришельцами, а на юге и востоке, трансформировалась под влиянием неизвестных пока факторов. Финальный палеолит на Русской Равнине как стадийное явление, или просто как промежуточный этап между палеолитом и мезолитом, может быть охарактеризован как эпоха адаптации человека к меняющимся условиям природной среды, когда задачи жизнеобеспечения решались за счет еще палеолитической по сути технологии и, возможно, уже мезолитической по типу мобильной стратегии обитания.

Проблемы культурной преемственности групп населения на рубеже плейстоцена и голоцена

Устойчивость экосистемы позднеледниковой эпохи, а, следовательно, и стабильность культурных групп, обеспечивалась до начала общей климатической перестройки дриасового времени за счет эксплуатации фауны верхнепалеолитического фаунистического комплекса, прежде всего, мамонта, а в южной области бизона и лошади (Старкин, 2001). Северный олень в период доминирования этих животных не играл сколько-нибудь видной роли, за исключением района Поднестровья и Крыма (Cohen, 1997). Следовательно, естественным маркером начала эпохи охотников древнего голоцена является исчезновение среди остатков фауны костей плейстоценовых животных. Наиболее поздние по времени верхнепалеолитические памятники, в облике материальной культуры которых не обнаруживается еще признаков финального палеолита, известны в Среднем Поднепровье (Рогачев, Аникович, 1984). Нижние слои Осокоровки характеризуются смешанным фаунистическим составом: бизон, северный олень, мамонт, шерстистый носорог (?); отсюда происходят комплексы кремневого инвентаря, близкого межиричско-добраничевской традиции (Левицкий, 1947, Колосов, 1964). Средние культурные слои того же памятника (IV – III) с практически неизменным типологическим составом инвентаря, уже не содержат остатков плейстоценовой фауны, за исключением костей бизона. Появление крупных трапеций фиксируется лишь в Шв слое Осокоровки. Типологически сходные материалы получены на многослойной стоянке Дубовая Балка, Кайстрова Балка IV и ряде других памятников Надпорожья (Колосов, 1964, Рогачев, 1949, Смирнов, 1977). Вместе с многослойным поселением Владимировка в бассейне Южного Буга (Черныш, 1950, 1953) и Журавка на Черниговщине (Рудинский, 1930, Борисковский, 1953), эти индустрии демонстрируют переживание верхнепалеолитических традиций в юго-западной части Русской Равнины уже после исчезновения мамонтовой фауны. К сожалению, ни один из памятников не имеет абсолютных датировок, а многие комплексы известны только по поверхностным сборам или представлены материалами из старых раскопок, коллекции из которых утрачены.

Ранние мезолитические памятники юга Русской Равнины, по мнению некоторых археологов, имеют прототипы в верхнепалеолитических культурах. Так, В. Н. Станко объединил в одну группу днепровские стоянки Кайстрова Балка IV и слой 3в Осокоровки, генетически связанных, по его мнению, с комплексами гонцовско-борщевского типа. Ивашково VI, 1–2 слои Владимировки, Срединный Горб в Побужье обозначены им как группа памятников – наследников сагайдакско-мураловской традиции (Станко, 1980, С. 11–12, Станко и др., 1989, С. 108–109). Д. Я. Телегин склонен сопоставлять осокоровско-рогаликский тип памятников с такими комплексами как Гонцы и Борщево 2 (Телегин, 1982, С. 81). Рассматривая культурную ситуацию в Восточной Европе в переходный период от верхнего к финальному палеолиту, Л. Л. Зализняк выделяет несколько археологических культур с пережиточными верхнепалеолитическими традициями в кремневой индустрии (Zaliznyak, 1999). Так, позднемолодовская культура представлена в Поднестровье группой комплексов — Молодова I/1, V/1-1a, Оселивка I, Атаки VI. Кормань IV и др. С эпиграветтом в широком смысле, по мнению исследователя, могут быть сопоставлены такие среднеднепровские памятники как Мезин, Межирич, Добраничевка, Гонцы, равно как и стоянки южной зоны — Владимировка, Амвросиевка, Большая Аккаржа, Анетовка 2, Каменная Балка 1, 2 и др. К осокоровской культуре, для которой характерен верхнепалеолитический набор орудий в сочетании с массивными низкими трапециями, им отнесены Осокоровка, Леонтовка на Днестре, Царинка под Одессой, Рогалик 1 и 2 на Северском Донце. К шан-кобинской культуре причисляются крымские памятники Шан-Коба (слои 4–6), Фатьма-Коба (слои 5–6), Буран-Кая и другие комплексы с раннемезолитическим набором инвентаря и геометрическими микролитами разных форм. Из всех четырех выделенных культурных групп лишь позднемолодовские памятники обладают единичными радиоуглеродными определениями, свидетельствующими о доживании молодых традиций до позднего дриаса. Эпиграветтийские традиции, представленные в ряде верхнепалеолитических культур,

по мнению Л. Л. Зализняка, занимают хронологически промежуточное место между Амвросиевкой с радиоуглеродными датами порядка 18 – 19 тыс. лет назад, и кукрекской мезолитической культурой. Не касаясь проблемы периодизации памятников мезолита южной зоны Русской Равнины, которая далеко выходит за рамки данной работы, следует отметить, что отсутствие абсолютных датировок и комплексов переходного облика не позволяет заполнить временную лауну между верхнепалеолитическими и кукрекскими памятниками. Осооровская культура, судя по стратиграфическим наблюдениям и характеру фаунистических остатков, предположительно относится к дриасовому времени (возможно, к аллереду). Однако, хронологическое соотношение данной культурной традиции с верхнепалеолитическими и мезолитическими памятниками кукрекской и зимниковской культур, остается не вполне ясным (Гавриленко, 2000).

Происхождение мезолита Поднепровья от местного позднего верхнего палеолита отставал В. Ф. Копытин. По мнению белорусского исследователя, ранние памятники гренской культуры продолжают развитие традиций Мезина, а также Добраничевки и Межирича (Копытин, 1977, 1992, 1999). Сопоставление с верхнепалеолитическими памятниками проводится суммарно по формам орудий, приемам вторичной обработки и технике расщепления. Так, в кремневом инвентаре стоянки Боровка В. Ф. Копытин отмечал характерное для Мезина преобладание ретушных резцов, присутствие выемчатых форм, срединных и угловых проколов “мезинского типа”, комбинированных скребков-резцов. Аносово I, по мнению В. Ф. Копытина, относится к этой же культурной традиции (Копытин, 1992, С. 14–18, 1999, С. 258–259). Отсутствие пластинок с притупленным краем, господство отщепов в качестве заготовок, серия наконечников стрел, а также иное процентное соотношение скребков и резцов в Боровке, не находящее соответствия в мезинской индустрии, В. Ф. Копытин объяснял за счет не культурных, а хронологических различий. Датировка самой стоянки Боровка неясна — памятник расположен на второй террасе Днепра, культурный слой залегает под дерном в песке, органические остатки не сохранились. Датировка Мезинской стоянки также проблематична. Для последнего памятника имеются три радиоуглеродные даты, полученные по зубу мамонта, и имеющие значения примерно в 27, 21 и 15 тыс. лет назад, соответственно. Стратиграфическое положение стоянки, приуроченной к балочной террасе, позволило А. А. Величко считать, что возраст Мезина не может быть древнее 20 тыс. лет назад (Величко и др., 1999, С. 37). Верхний временной предел существования поселения определяется залеганием культурных остатков в позднеледниковых отложениях, перекрытых делювиальной толщей позднеледникового возраста. Таким образом, дата 15100±200 (ОхА-719) представляется наиболее приемлемой для Мезинской стоянки.

Стоянка Коромка и стоянка Хвойная, по мнению В. Ф. Копытина, продолжают линию межиричско-добраничевской верхнепалеолитической культуры. Сходство с инвентарем Добраничевки и Межирича отмечается в технике расщепления (господство двухплощадочных плоскостных нуклеусов и мелких заготовок) и орудийном наборе: преобладание ретушных резцов, присутствие укороченных, двойных и округлых скребков, косоретушных острий, выемчатых изделий и наконечников. Геоморфологическое положение Коромки и Хвойной аналогично Боровке; иные данные для датировки отсутствуют. Верхнепалеолитические стоянки на Киевщине имеют более надежные хронологические позиции. Добраничевка доставила радиоуглеродную дату 12700±200 (ОхА-778), которая позволяет отнести памятник к группе достаточно поздних верхнепалеолитических поселений. Этому не противоречит факт залегания культурного слоя в лессе на склоне высокой террасы р. Супой (Шовкопляс, 1972, Гладких, 1973, 1977). Межиричская стоянка приурочена к первой террасе р. Рось, являющейся конусом выноса древней балки (Величко и др., 1999, С. 37–39). Время накопления культурного слоя, залегающего в лессовидных супесях, определяется серией из 14 радиоуглеродных дат, имеющих разброс от 11,7 до 19,2 тыс. лет назад, среди которых компактные группы концентрируются в пределах 13,2 – 14,7 и 17,7 – 19,2 тыс. лет назад (Синицын и др., 1997, С. 37). Таким образом, хронологический разрыв между верхнепалеолитическими и гренскими памятниками, (которые не могут быть древнее позднего дриаса — пребореала), представляется значительным. Следует отметить, что гренские стоянки, такие как Коромка, Боровка, Хвойная и Берестенево, типологически близки не к верхнепалеолитическим, а к финальнопалеолитическим памятникам типа бромме. Последние на территории Белоруссии представлены комплексом Красносельский 5.

Иневская мезолитическая культура в бассейне Верхней Волги, по мнению А. Е. Кравцова (1998) и Х. А. Амирханова (2004), может иметь предшественников в верхнепалеолитических индустриях. Так, на ряде иневских памятников (Высокино 6, Богоявление, Пеньково, Дальний Остров, Белиево 4А, Еловка 2 и др.) обнаружены ланцетовидные острия с притупленным обушком, близкие типу федермессер. Данные формы, согласно А. Е. Кравцову, находят аналогию в верхнепалеолитических комплексах типа Заозерье 1 и Борщеве 2, где встречены единичные ланцетовидные острия. Заметим, что ланцетовидные изделия представлены не в самых ранних комплексах иневской культуры (в древнейшем из них, Усть-Тудовке, они, например, отсутствуют). Если хронология иневской культуры, укладываемой в пределы раннего голоцена, в целом разработана (Кравцов, 1999), то датировка

упоминавшихся верхнепалеолитических памятников неясна. Стоянка Заозерье 1 расположена на второй цокольной террасе Москва реки. Культурный слой здесь был уничтожен, и только разрозненные кремневые изделия встречались, начиная с пахотного слоя и до глубины 0,6 – 0,7 м, в прослойке лессовидной супеси и суглинке, относящихся к позднеплейстоценовому времени (Фролов, 1987). А. С. Фролов находит аналогии кремневому инвентарю стоянки в деснинских комплексах типа Тимоновки 1, которая датирована по радиоуглероду в интервале 12,2 – 15,3 тыс. лет назад.

Процесс сложения бутовской мезолитической культуры в Верхнем Поволжье также включал, по мнению Л. В. Кольцова и М. Г. Жилина, верхнепалеолитические компоненты. Наряду со свидерским культурным компонентом, исследователи предполагают, что бутовские группы заимствовали вкладыши с притупленным краем у носителей культуры “федермессер” или “восточный федермессер”, к которой они относят комплексы Заозерье 1 и нижний слой стоянки Алтыново (Кольцов, 1994, Zhilin, 1996, Кольцов, Жилин, 1999, С. 75). Ранний этап бутовской культуры датируется, начиная с рубежа позднего дриаса и пребореала, тогда как комплексы Заозерья 1 и Алтыново, как уже указывалось, очевидно, намного древнее.

Отдельного рассмотрения, которое выходит за рамки нашего обзора, заслуживает позиция А. Н. Сорокина, находящего истоки ресетинской мезолитической культуры бассейна Оки в костенковско-авдеевских памятниках. Исследователь предложил оригинальную концепцию происхождения кундской и бутовской культур на основе ресетинской, что влечет за собой удревнение до позднеледниковья комплексов, атрибутированных как ранне-ресетинские (Таруса 1, Суконцево 8 и 9; Сорокин, 2002). Не касаясь предложенной А. Н. Сорокиным хронологии ресетинской культуры, которая оспаривается другими исследователями (Кольцов, Жилин, 1999, С. 73–74), следует отметить, что разрыв между граветтийскими и ресетинскими памятниками слишком велик. Наиболее поздние радиоуглеродные датировки восточного граветта составляют 17900±120 (ГИН-7991) для стоянки Гагарино и 15600±300 (ГИН-6035) для верхнего горизонта Зарайской стоянки. В целом развитие восточнограветтийской традиции не выходит за временной рубеж валдайского ледникового максимума.

Выводы

Таким образом, на Русской Равнине культурный и хронологический разрыв наблюдается не между мезолитом и палеолитом в целом, а между верхним и финальным палеолитом. Напротив, мезолит, судя по облику материальной культуры, имеет много общего с местным финальным палеолитом.

Природная и культурная перестройка в конце плейстоцена на территории Русской Равнины имела характер катастрофы для первобытного человека. Ее наступление в разных областях синхронизируется с фазами отступления ледника. Чем ближе к леднику был расположен регион, тем раньше там происходили изменения. Таким образом, наблюдалась радиальная зональность распространения культурных трансформаций:

— Зона 1. Включает перигляциальные области, расположенные в центре Русской Равнины. Мамонтова экономика первобытного населения бассейнов Днепра, Десны, Оки и Дона разрушилась с началом перестройки природной среды в дриасе. Только на рубеже голоцена здесь произошла культурно-демографическая стабилизация, связанная с реколонизацией территории охотниками — носителями культур с черешковыми наконечниками, которые адаптировались к местным условиям и достаточно быстро восприняли мезолитические инновации. В данной зоне произошла, таким образом, полная смена населения.

— Зона 2. Охватывает юг Русской Равнины и Северное Причерноморье. Начавшиеся в дриасе климатические изменения привели в данном регионе к возникновению новой схемы адаптации (представленных, вероятно, памятниками осокоровско-рогаликской или каменнобалковско-федоровской групп), включавшей элементы мезолитизации (трапеции), но не вытеснившей полностью традиционный уклад хозяйства. Экономика верхнепалеолитического типа полностью исчезает здесь только во время кризиса, случившегося на рубеже голоцена. Мезолитизация происходила по схеме выработки абсолютно нового технокомплекса (кудлаевского) или частично наследующего палеолитическому (зимниковскому).

— Зона 3. Юго-запад Русской Равнины, Приднестровье. Здесь, вероятно, позднеледниковый кризис почти не ощущался, и происходило постепенное нарастание технико-типологических инноваций. Культурное развитие носило здесь замедленный эволюционный характер, а мезолитизация произошла позднее, чем в тех областях, где имела место резкая смена населения.

ГЛАВА 2. СТОЯНКА ЮДИНОВО — ПОСЕЛЕНИЕ ОХОТНИКОВ НА МАМОНТА МАДЛЕНСКОГО ВРЕМЕНИ

Открытие и изучение жилищ из костей мамонта в верхнем палеолите Русской Равнины является одним из выдающихся достижений российской археологической науки. В настоящее время на обширных просторах европейской части России, на Украине, в Польше, Молдавии и Моравии известны поселения, относящиеся к разным ступеням среднего и верхнего палеолита, в жизни которых роль мамонта была исключительно высокой. Особое место среди них занимает стоянка Юдиново, материалы которой позволяют моделировать структуру палеолитического поселения и культурную адаптацию человека к окружающей среде в условиях поздней фазы последнего оледенения.

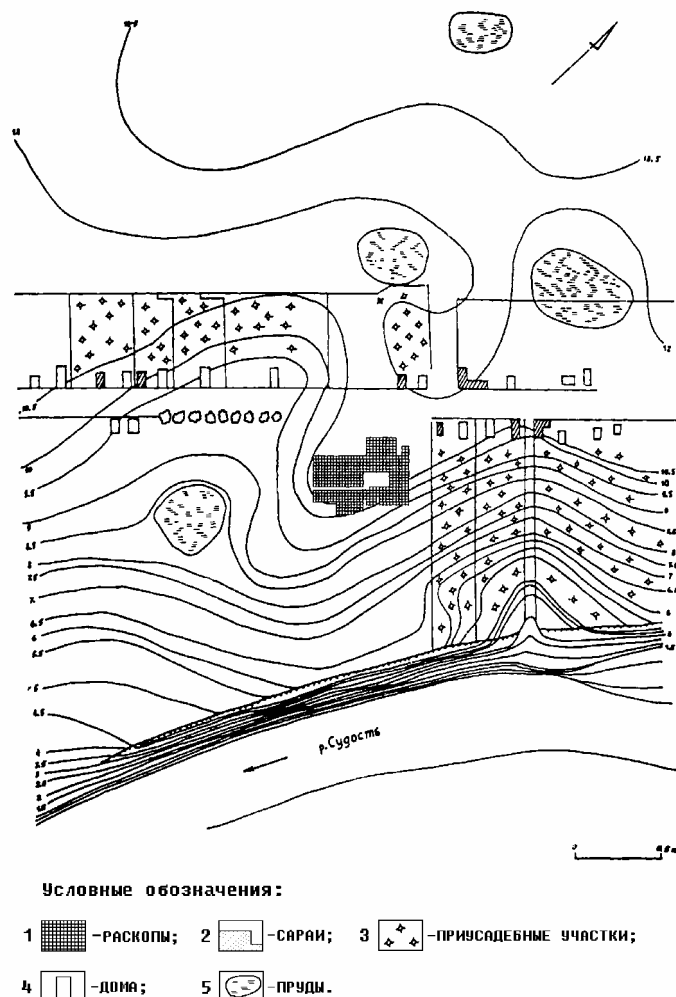

Рис. 4. Топографический план стоянки Юдиново.

Поселение Юдиново расположено на правом берегу р. Судости, правого притока р. Десны, на юго-западной окраине с. Юдиново, в 18 км выше по течению от районного центра Погар Брянской области (рис. 4, 5). Памятник был открыт в 1934 г. К. М. Поликарповичем, изучавшим его в 1947 и 1961 г.г., и опубликовавшим лишь частично (Поликарпович, 1968). Затем, в 1962, 1964, 1966 и 1967 г.г., раскопки были продолжены В. Д. Будько. Результаты работ нашли краткое и неполное отражение в печати (Будько, 1964, 1966, 1967а, 1967б, 1969, Будько, Вознячук, 1969). После длительного перерыва исследования в Юдиново были возобновлены в 1980 г. под руководством З. А. Абрамовой. С 1995 г. раскопки поселения были продолжены Г. В. Григорьевой при участии с 2001 г. Г. А. Хлопачева, и длятся с небольшими перерывами, не зависящими от археологов, до сих пор (Абрамова, 1995, Абрамова и др., 1997, Абрамова, Григорьева, 1997, Григорьева, 1995, 1997; рис. 2).

Приднепровье, на территории которого находится Юдиново, является одним из центров развития палеолита на Русской Равнине. В бассейнах Днепра и Десны сосредоточено большое

количество стоянок и местонахождений. К наиболее крупным верхнепалеолитическим памятникам относятся Хотылево II, Пушкари I, Мезин, Межирич, Елисеевичи, Тимоновка и Юдиново.

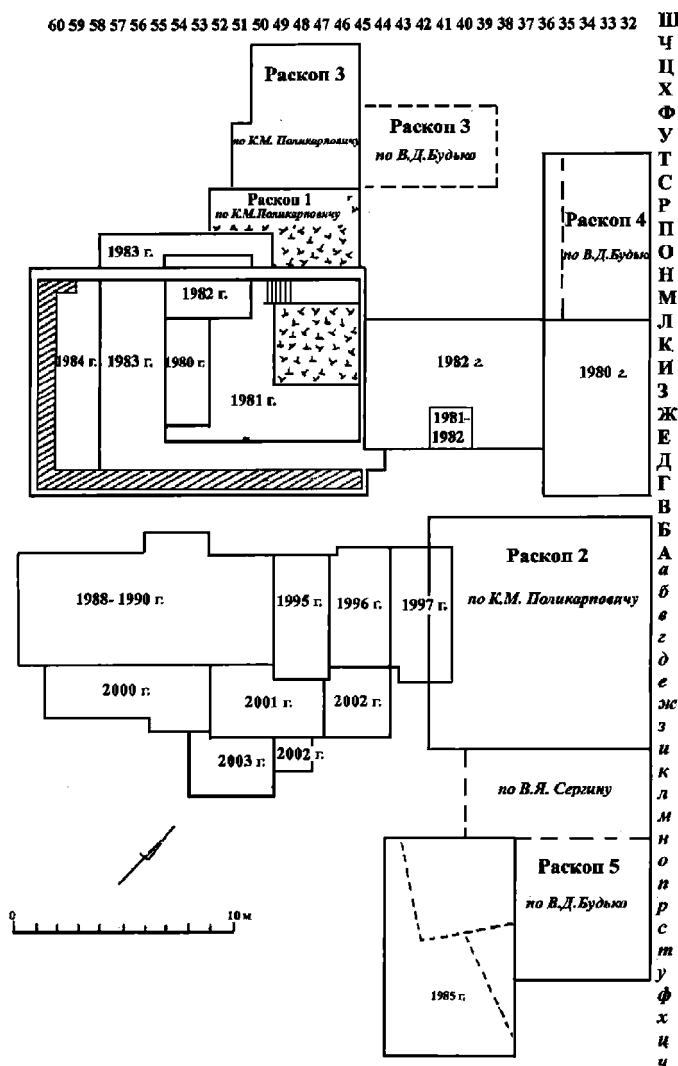

Рис. 5. Исследованная площадь стоянки Юдиново.

По современным данным, активное заселение региона происходило в период поздневалдайского оледенения. Выделено три этапа освоения территории в верхнем палеолите (Величко и др., 1997). Первый из них — это финал брянского интерстадиала, 25 – 27 тыс. лет назад, время существования памятников Хотылево II, Новгород-Северский, Бердыж, Юровичи. В северных областях Русской Равнины этому этапу соответствуют такие пункты, как Зарайск, Сунгирь, Русаниха и Бызовая. Второй этап, поздневалдайское оледенение, датируется от 20 до 16 тыс. лет назад. Следует заметить, что даже в период максимального похолодания (20 – 18 тыс. лет назад.) люди не оставляли этих мест. Это время бытования стоянок Пушкари I и Елисеевичи I. Третий этап, валдайское позднеледниковье, отнесен ко времени 15 – 12 тыс. лет назад. Среди памятников данного хронологического отрезка может быть выделено два типа. Первый тип — стоянки и местонахождения, расположенные на высоких террасах и водоразделах, поблизости от выходов меловых пород, содержащих кремний: Тимоновка I, II, Чулатово, Мезин и др. Второй тип памятников, к которому относится Юдиново, связан с первой надпойменной террасой притоков Днепра. Стоянки этой разновидности размещались на высоких участках возле рек, но были удалены от источников сырья. Таким образом, геологические данные свидетельствуют о том, что, начиная с брянского интерстадиала, и, кончая позднеледниковьем, охотники на мамонтов не покидали Приднепровья.

Поселение Юдиново находится в 40 – 50 м от р. Судости, на слабо выраженном мысу, ограниченном выположенными ложбинами, осложненными позднеплейстоценовыми термокарстовыми

западинами (Величко и др., 1999). Протяженность ложин 100 – 120 м; своими верховьями они заходят в пределы второй надпойменной террасы (Величко, 1961).

Геологами в Юдиново выделены три основных пачки отложений. Нижняя из них связана с аллювиально-пойменным этапом седиментации. Средняя пачка относится к переходному циклу, когда отложения накапливались в результате активных склоновых поступлений обломочного материала, происходивших во время периодического затопления участка паводками. Завершение цикла и стабилизация поверхности отразились «...в формировании горизонта слабо выраженного почвообразования» (Величко и др., 1999, С. 33). В этом горизонте и были сосредоточены культурные остатки памятника. Особенностью нижнего уровня горизонта гумусированности является наличие мелкополигональной структуры, образованной клиновидными трещинами, ширина которых 2 – 3 см, а глубина 20 – 30 см. Происхождение клиновидных трещин связывают с сезонными процессами многолетней мерзлоты. В Юдиново отмечена система параллельно расположенных микросбросов, которые позволяют проследить вертикальное смещение культурного слоя (Величко и др., 1999; рис. 6). Эти нарушения направлены не к долине р. Судость, а к блюдцеобразному понижению термокарстовой западины, находящейся недалеко от стоянки. Отмеченные деформации произошли, вероятно, после того, как памятник бы покинут людьми. Во время существования стоянки ее поверхность напоминала современную. Основное отличие заключалось в том, что мыс, на котором стоянка располагалась, был наиболее высоким участком поймы и не подвергался затоплению благодаря широкому шлейфу склоновых отложений, напоминающему конус выноса балок и оврагов. Происхождение шлейфа связано с устьевой частью «широкого и пологого балочного понижения», слабо выраженного в современном рельефе (Величко и др., 1999, С. 35).

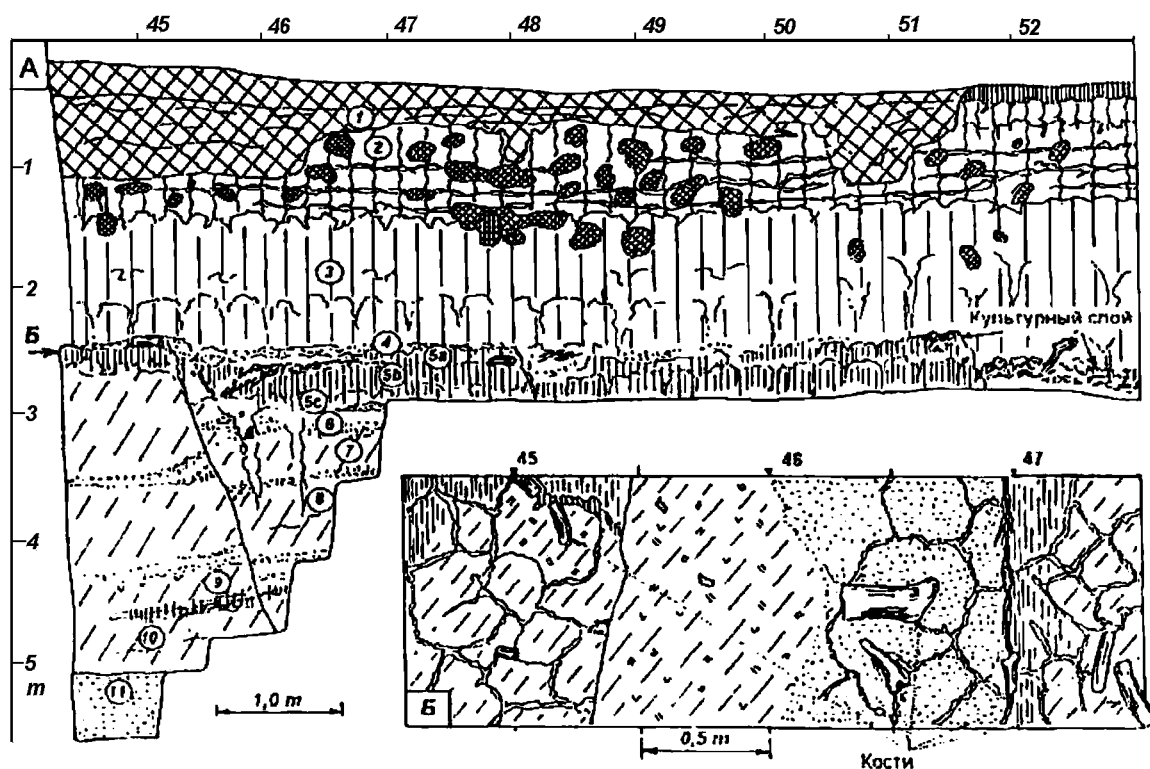

Рис. 6. Стратиграфия стоянки Юдиново (по: Величко и др., 1999, рис. 12).

В ископаемой флоре Юдиново преобладают мезофиты; отмечено небольшое количество ксерофитов, например, полыни (*Artemisia* s/gen. *Seriphidium*), терескена (*Eurotia ceratoides*), ланцетолистного подорожника (*Plantago lanceolata*). Ценогический анализ флоры обнаружил растения, характерные для лесных и лугово-лесных мест обитания. К ним относятся бореальные и аркто-бореальные породы деревьев, растения семейства вересковых, лесные плауны (*Lycopodium complanatum*, *L. tristahium*, *L. selago*, *L. clavatum*), орляк (*Pteridium aquelinum*), цитовник Линнея (*Dryopteris Linnaeana*), синюха (*Polemonium coeruleum*) и виды родов василистника (*Thalictrum*). В период позднего валдая, возможно, здесь существовали лесные массивы вдоль рек и балок. В спектрах обнаружена пыльца кустарников — ивы (*Salix*), ольховника (*Alnaster fruticosus*), приземистой березы (*Betula humilis*), карликовой березы (*Betula nana*).

№	Название	К.М. Поликарпович, В.И. Громов	В.Д. Будько	Н.К. Верещагин, И.Е. Кузьмина (1947 г.)	Н.К. Верещагин, И.Е. Кузьмина (1980, 1983-1985, 1987-1990 гг.)	А.К. Маркова (1980, 1983-1985, 1987- 1990 гг.)	Н.Д. Бурова (1983- 1985, 1987-1990, 1995, 1996 гг.)	М.В. Саблин (2000- 2003 гг.)
	Звери:							
1.	Мамонт	+	+	102/10	/более 50			619/
2.	Песец	+	+	109/25	/140		22186/173	583/
3.	Овцебык				34/		80/5	9/
4.	Северный олень	+	+		50/		39/2	2/
5.	Лошадь			6/2	3/		7/2	1/
6.	Волк			8/3	45/		62/4	1/
7.	Благородный олень	+	+					
8.	Бизон			6/2				
9.	Лисица		+					
10.	Заяц			1/1			2/1	
11.	Медведь бурый	+		7/2	8/		9/1	
12.	Медведь пещерный				4/			
13.	Лев пещерный						3/1	
14.	Сурок			2/1	17/		54/5	2/
15.	Суслик					2/		
16.	Слепушонка обыкновенная					4/		
17.	Лемминг сибирский		+			105/		
18.	Лемминг копытный					1031/		
19.	Пеструшка степная					11/		
20.	Полевка водяная					2/		
21.	Полевка рыжая					1/		
22.	Полевка узкочерепная					570/		
23.	Полевка-экономка					1/		
24.	Бобр обыкновенный						1/1	
	Птицы:				29/			
25.	Гусь				2/			
26.	Орел				7/			
27.	Филин				1/			
28.	Рыбы:							1/
	Всего			241/	190/	1727/	22443/	1218/

Табл. 3. Фауна стоянки Юдиново (по материалам раскопок 1980, 1983 – 1985, 1987 – 1990, 2000 – 2003 г.г.). В числителе количество костей, в знаменателе число особей.

Толща, подстилающая культурный слой, выделяется преобладанием пыльцы травянистых растений и отнесена к первой пыльцевой зоне. Вторая пыльцевая зона горизонта слабо выраженного почвообразования с основным скоплением культурных находок отличается возрастанием пыльцы злаковых. Кроме того, отмечена пыльца вересковых и разнообразных травянистых растений. Все это позволяет предполагать, что во время формирования уровня почвообразования имело место смягчение климата и увеличение облесенности территории. Третья пыльцевая зона выделяется значительным сокращением пыльцы древесных (до 20 %). Больше половины пыльцевых и споровых зерен принадлежит цикориевым (Cichoriaceae). Высказано предположение, что это может быть связано с разрушением растительного покрова на памятнике. Четвертая пыльцевая зона соответствует лессовой супеси, перекрывающей культурный слой, с бедным составом флоры. Отмечено присутствие пыльцы ели, сосны, березы, ольховника, распространенных семейств травянистых растений и спор папоротника семейства Polypodiaceae. Полученные данные позволили А. А. Величко и соавторам прийти к выводу, что в период обитания стоянки Юдиново в бассейне Десны господствовали открытые пространства перигляциальной лесостепи при резко континентальном климате и многолетней мерзлоте (Величко и др., 1999).

Основное место в хозяйственной деятельности юдиновцев занимала охота. Главным объектом охоты был мамонт (табл. 3). По данным К. М. Поликарповича, на поселении численно преобладал мамонт; собрано много остатков песка, попадались и кости северного оленя. В. И. Громов отмечал многочисленные остатки бурого медведя и благородного оленя (Поликарпович, 1968). Фаунистические остатки из раскопок 1947 г. определены Н. К. Верещагиным и И. Е. Кузьминой (Верещагин, Кузьмина, 1977). В. Д. Будько в отчете 1964 г. отметил дополнительно остатки лисицы и лемминга (Абрамова, 1995). Начиная с 1980 г., фауну стоянки Юдиново изучали В. Е. Гарутт, И. Е. Кузьмина и Н. К. Верещагин (Абрамова, Григорьева, 1997); остатки песцов — И. Е. Кузьмина и М. В. Саблин. С использованием данных из Елисеевичей ими выделен новый вид песца *Alopes lagopus rossicus subsp. nova* (Кузьмина, Саблин, 1993). Видовой состав грызунов был изучен А. К. Марковой (Маркова, 1995); часть костей определена Н. Д. Буровой (Бурова, 1999). Последние четыре года фаунистическими определениями в поле занимался М. В. Саблин. Все исследователи единодушно отмечали преобладание в Юдиново остатков мамонта и песка.

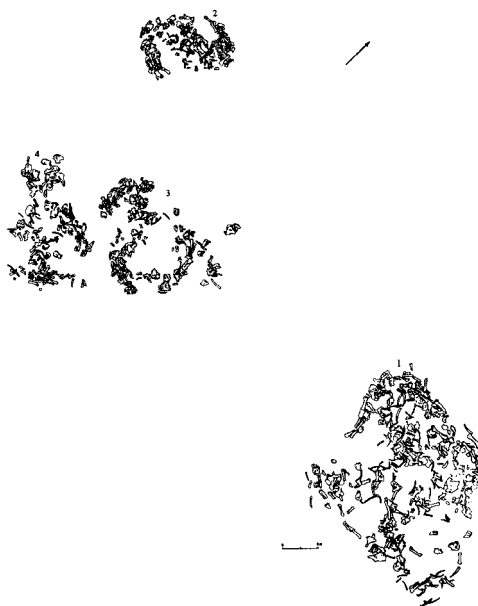

Рис. 7. План расположения жилых структур на стоянке Юдиново (составлен Г. Г. Сорокиной).

В Юдиново представлены животные разных мест обитания: тундры, леса, степи. Однако преобладание субарктических видов и степных грызунов указывает на существование перигляциальной тундростепи.

Помимо фаунистических остатков, на поселении обнаружены антропологические находки. В шурфе № 17, заложенном К. М. Поликарповичем в 1947 г., в 17 м от бровки надпойменной террасы и в 370 м северо-восточнее раскопа № 2, найден сильно фоссилизированный фрагмент правой плечевой кости без нижнего эпифиза. На диафизе сохранился след древнего излома. По мнению К. М. Поликарповича,

лесс шурфа № 17 стратиграфически соответствует культурному слою памятника (Поликарпович, 1968). В 1990 г. около очага был обнаружен зуб человека (Григорьева, 1990).

К настоящему времени в Юдиново известно 4 жилища из костей мамонта, расположенных на вскрытой площади достаточно компактно (рис. 7), не исключено, что имеются другие жилища. К сожалению, многие данные о первых двух жилищах отсутствуют, что затрудняет их сравнительный анализ. Можно сказать лишь, что все сохранившиеся остатки конструкций разные по форме и размерам, а также по количеству и отбору использованных костей.

Первое жилище было открыто и изучено К. М. Поликарповичем в 1947 г., но материалы раскопок оставались малоизвестными. Они были подготовлены к печати и опубликованы А. Н. Рогачевым после смерти автора (Поликарпович, 1968). Остатки жилища представляли собой скопление костей мамонта в форме неправильного овала размером 9,5х9 м. Толщина ограждения местами достигала 1 м. Внутренняя часть стен состояла, как правило, из черепов мамонта, поставленных вертикально, альвеолами вниз и лобными костями внутрь сооружения. На северном и западном участках преобладали трубчатые кости конечностей, главным образом, плечевые, бедренные, большие и малые берцовые. Отмечены половины тазовых костей, лопатки, нижние челюсти, куски позвоночного столба по 10–12 позвонков в анатомической связи. Очень редко упоминаются бивни. Внутренняя площадь жилища была заполнена множеством ребер.

Точных данных о количестве костей мамонта не приводится, упоминаются лишь 30 черепов и характерные для всех юдиновских жилищ кости с пробитыми отверстиями: 7 тазовых, 20 лопаток и 6 бедренных. В отверстие одной из лопаток было продето длинное ребро. Отмечено также, что концы двух бедренных костей лежали один на другом, и на каждом из них было сделано по отверстию, которые совпадали. Эти данные, как и примеры из других жилищ Юдиново, свидетельствуют о намеренном пробивании отверстий с конструктивными целями. В западной части ограждения находился очаг диаметром 2 м. К. М. Поликарпович уверенно определил первое скопление костей как развалины жилища — одну «из первых весьма полно выраженных древнейших архитектурных форм» (Поликарпович, 1968, С. 153). Важно напомнить более раннее замечание К. М. Поликарповича о приоритете этого открытия, поскольку «аналогичных сооружений на других стоянках верхнего палеолита раньше встречено не было», и только позже остатки подобных жилищ были найдены в Аносовке 2, Добраничевке и Костенках 2 (Поликарпович, 1957). Но если, согласно К. М. Поликарповичу, полезная внутренняя площадь сооружения составляла около 46 кв. м, то В. Я. Сергин приводит более приемлемую цифру — менее 25 кв. м. Опираясь, главным образом, на аналогии с другими жилищами, В. Я. Сергин полагает, что в основании жилища лежал круг из 17 черепов мамонта диаметром около 5 м. Выкладки из костей мамонта, вероятнее всего, по мнению В. Я. Сергина, служили для утепления жилища и защиты его от сточных вод (Сергин, 1974).

Второе жилище было исследовано К. М. Поликарповичем в 1947 г. и В. Д. Бутько в 1964 г., но материалы раскопок так и не были опубликованы в должной мере (Поликарпович, 1957, 1968, Бутько, 1966). Жилище имело, скорее всего, не овальную (как думал В. Д. Бутько), а округлую форму, поскольку юго-восточная часть ограждения как бы срезана по прямой линии. Это легко объясняется наличием ямы от колхозного погребца, названной К. М. Поликарповичем раскопом I, разрушившей культурный слой. Длина сохранившегося скопления костей мамонта по внутреннему овалу была равна 3,4 м, по внешнему — до 5 м. В. Д. Бутько отмечает, что основание жилища было несколько углублено в землю. Из полевого отчета за 1964 г. следует, что в сооружении было использовано 7 черепов мамонта; 11 нижних челюстей; 2 бивня; 16 лопаток (почти все они имеют отверстия в плоской части, иногда в гребне), 3 обломка тазовых костей; 6 бедренных; 25 больших берцовых; 2 малые берцовые (одна из которых находилась в связке с большой берцовой), 6 плечевых костей, которые вместе с бедренными и берцовыми были расположены по всей длине восточной стенки ограждения. Лучевых костей насчитывалось 3, хотя, судя по чертежу (Бутько, 1966, рис. 1), определение двух из них сомнительно. Таким образом, вместе с неопределимыми костями, во внешнем ограждении имелась 81 кость. О количестве костей внутри жилища данных нет.

Следует заметить, что, если остатки первого жилища были оставлены на месте и, при необходимости, возможно повторное их вскрытие, то кости, составляющие второе жилище, были сняты В. Д. Бутько и перевезены в Минск с целью воссоздания натурального макета сооружения. К сожалению, это намерение так не было осуществлено.

Третье жилище, раскопанное З. А. Абрамовой в 1981 – 1985, 1987 г.г., представляло собой округлую конструкцию с внешним диаметром 5 м (Абрамова, 1995, Абрамова, Григорьева, 1997; рис. 8). Внутренняя часть его была углублена в землю на 0,5 – 0,6 м. Это жилище может служить примером функционального и продуманного использования костей мамонта в условиях сурового климата позднеледниковья, создававших прочную конструкцию основания сооружения, этого «пространства, сконструированного для жизни», по выражению А. Леруа-Гурана (Leroi-Gourhan, 1984, P. 13).

Стены толщиной около 1 м были сложены различными костями мамонта, в первую очередь, черепами, расположенными, чаще всего, вертикально на альвеолах; поэтому хрупкие теменные и затылочные кости оказались разрушенными. В общей сложности насчитывалось 32 черепа, главным образом, принадлежавших взрослым животным, у которых происходила смена зубов. Черепа детенышей или очень старых особей были единичны. Как правило, зубы были оставлены в челюстях, но нет ни одного случая, чтобы в альвеолах сохранились бивни. Черепа были расположены группами по три, реже по четыре.

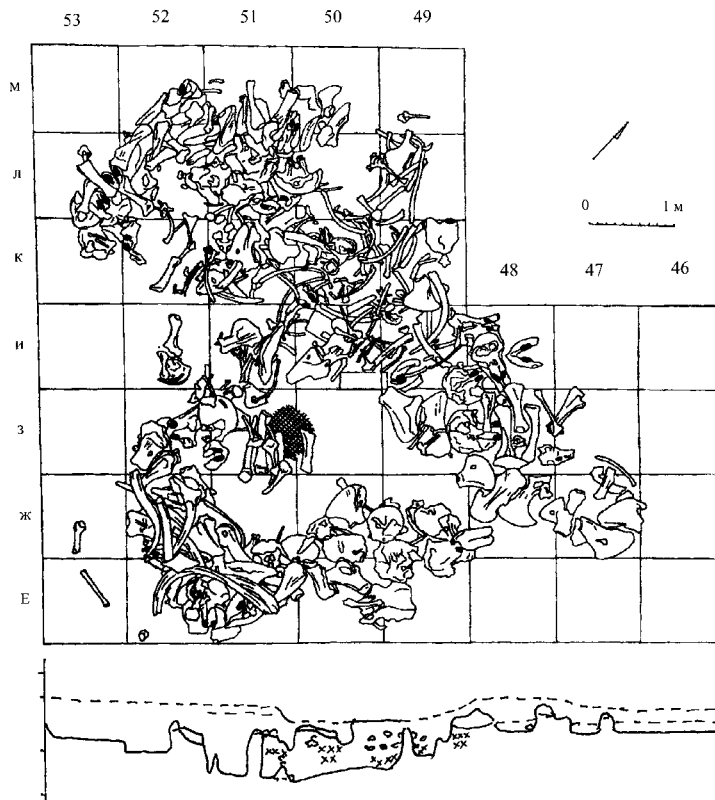

Рис. 8. Стоянка Юдиново. План жилища 3.

Бивней насчитывалось 21. В конструкции одной из секций ограждения, главное место занимали 8 крупных переплетенных бивней, помещенных дугами вверх и опирающихся на другие кости. Если количество и расположение черепов в этом жилище было аналогично представленным в жилище № 1, то подобная сложная конструкция из бивней уникальна. Кроме того, следует отметить, что на одном из бивней имелся треугольный вырез по всей длине, а два бивня несли следы скалывания пластин с поверхности. Очевидно, обилие этого превосходного сырья позволяло не дорожить им и даже использовать уже отработанный материал с другой целью — укрепить стенку жилища.

Интересна конструктивная роль лопаток мамонта. Их насчитывалось 35: 18 левых, 17 правых, в том числе одна принадлежавшая детенышу. Гребнем вверх было расположено 20 лопаток, гребнями вниз — 13. Отверстиями были снабжены 19 лопаток. Внутри жилища удалось выявить любопытную строительную деталь. Около завалившегося внутрь крупного черепа мамонта к стене была прислонена лопатка суставом вверх и гребнем к земле. Из пробитого в плоской части лопатки округлого отверстия торчала кость, возможно, обломившаяся при первоначальной расчистке слоя, когда контуры лопатки еще не были выявлены. Кость была округлой в сечении, с неровной поверхностью; не исключена интерпретация данного предмета как стержня.

В сооружении жилища участвовали также нижние челюсти мамонта в количестве 19 штук. Из них 10 челюстей залегали зубами вверх, 3 были перевернуты, 6 лежали на боку. 6 челюстей соприкасались с продетыми в них ребрами. Имелось также 11 тазовых костей, представленных только отдельными частями, 14 плечевых костей (левых и правых поровну), 5 локтевых костей (две левых, две правых, и один эпифиз), 1 лучевая кость, 4 бедренные кости (из них удалось определить только одну левую, так как кости лишены эпифизов). Отдельно были встречены две головки бедренных костей. Иные элементы были представлены 6 большими берцовыми костями (из них определены 3 левые и 1 правая), 1

малой берцовой костью (последняя была поставлена наклонно в анатомической связке с большой берцовой костью во внешнем ограждении жилища). Имелись, кроме того, две неопределимые трубчатые кости. Таким образом, всего насчитывалось 150 крупных костей, не считая использованных при строительстве множества ребер и позвонков с длинными остистыми отростками.

Внутри жилища, под мощным завалом костей, в северной половине конструкции, была обнаружена яма диаметром 0,5 – 0,6 м и глубиной 0,6 м от поверхности пола. Она была заполнена обломками ребер и кусками бивня со следами резания, иногда стоящими вертикально, и представляла собой своего рода кладовую для хранения поделочного материала. В другом месте, около западной стенки жилища, на полу были расчищены остатки зольного пятна, прикрытого крупными костями, несшими следы пребывания в огне. Другое, более четко выраженное зольное пятно, примыкало снаружи с северо-запада к скоплению костей, имевшего вид «пристройки» к жилищу. Назначение последней конструкции остается непонятным, возможно, это род тамбура, своеобразного входа в жилое помещение. Вероятно, данное скопление костей было повреждено естественными процессами, поскольку здесь проходила трещина сброса.

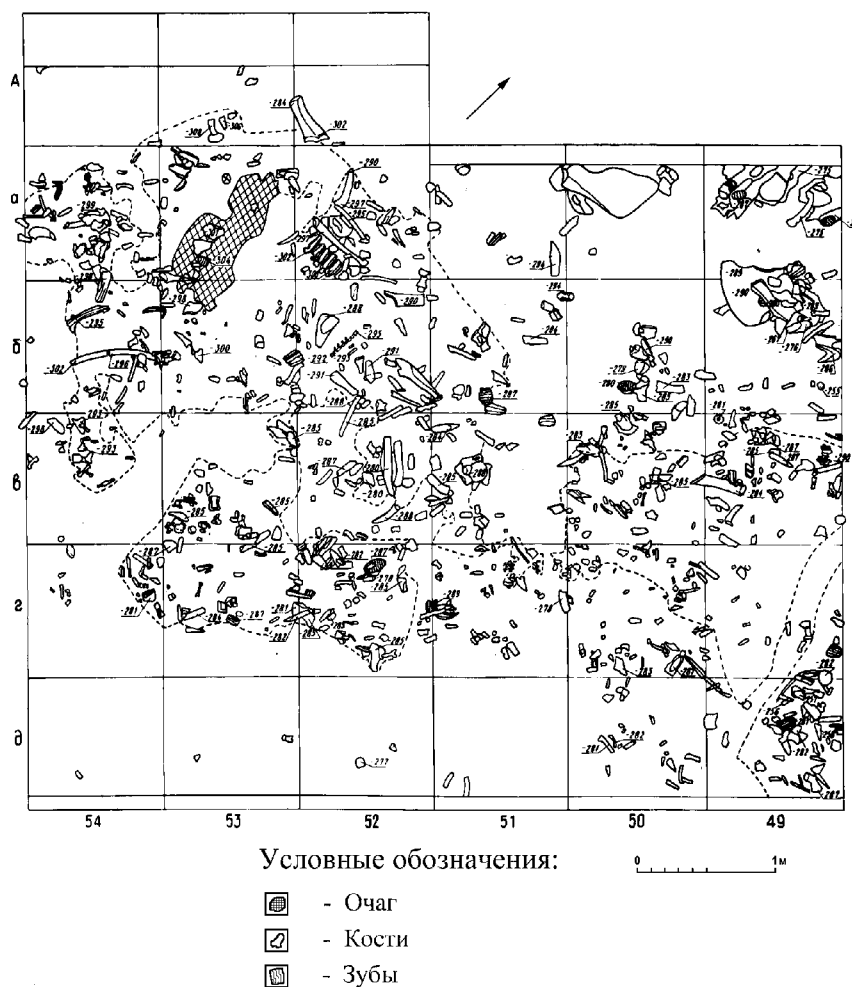

Рис. 9. Стоянка Юдиново. План жилища 4.

Четвертое жилище, раскопанное в 1983 – 1985, 1987 – 1989 г.г., было вскрыто на расстоянии 1 – 2 м к западу от третьего (Абрамова, 1995; рис. 9). Два этих жилища были расположены рядом одно с другим, но разделены узким пустым пространством, — это редкий случай для памятников Русской Равнины. Остатки четвертого строения имели почти такие же размеры, как и цоколь третьего, но отличались конструктивными деталями. Западная часть ограждения жилища частично уходила под стенку музейного павильона; можно предположить, что диаметр жилища не превышал 5 м. Наиболее интересной деталью, отсутствовавшей в других жилищах, было наличие четко прослеживаемого места входа, ограниченного с двух сторон черепами мамонта. С одной стороны входа было три, а с другой — четыре черепа. Лопатки, которые могли служить для перекрытия входа, упали как внутрь, так и за

пределы входа. Этот «лаз» имеет 2 м длиной и 0,7 м шириной. Пол его лишен культурных остатков. Здесь не было найдено ни одного целого бивня, встречено только три небольших обломка. Во внутреннем пространстве жилища, почти лишенного культурных остатков, залежали 4 черепа мамонта, перевернутые и как бы утопленные в зольном пятне, перекрывающем южную часть жилища. Всего в конструкции принимали участие 19 черепов, из них 4 представлены обломками, так что об их первоначальном положении можно судить лишь предположительно. Остальные встреченные здесь черепа мамонта также были плохой сохранности. 7 черепов лежали лицевой частью вниз, 3 — на боку, 1 — на затылочной части, и 4 черепа стояли на альвеолах. Нижних челюстей было встречено 4, все они, по-видимому, неполные и лежали на боку. Найдено 22 лопатки мамонта (9 правых и 13 левых). Они не всегда были видны при расчистке, так что количество отверстий в них может быть занижено. Во всяком случае, 2 лопатки имеют отверстия в гребне, а 8 лопаток — в заостренной части. Отметим, что в 7 случаях здесь пробито по одному отверстию, а в одном — два отверстия. Здесь же найдена редкая для Юдиново кость крестца, 8 фрагментированных тазовых костей мамонта. В сооружении восточной стенки жилища заметную роль играли 5 крупных кусков позвоночника, в которых находятся в анатомической связи 8, 6, 4, 7 и 7 позвонков. Особенно многочисленны трубчатые кости, лежавшие рядами, создавая, по выражению К. М. Поликарповича, «поленницы». Их в общей сложности насчитывается 90 (16 плечевых костей, 22 локтевые кости, 20 бедренных костей, 18 больших берцовых костей, 2 малые берцовые кости, 12 неопределимых трубчатых костей). Это были преимущественно кости, принадлежавшие молодым животным, с отслоившимися и утраченными эпифизами. Иногда при расчистке культурного слоя были видны лишь небольшие части диафизов, что затрудняло определение. Если считать куски позвоночника за отдельные конструктивные единицы, то в сохранившейся части строения было представлено 152 кости.

Одной из основных проблем изучения поселения является установление одновременности постройки и функционирования жилищ. Этот вопрос может быть решен при условии, если стоянка будет вскрыта на всей площади и ее план покажет закономерное и продуманное, или, напротив, хаотичное, расположение жилищ. Судя по плану Юдиновского поселения, никакой закономерности не прослеживается. Другим не очень доказательным моментом может оказаться нахождение фрагментов одного предмета в разных жилищах. Одинаковые условия залегания и однообразный инвентарь препятствует установлению хронологической последовательности сооружений построек, хотя очевидно, что они не могли строиться практически одновременно, поскольку для их конструкций требовалось накопление большого количества костей и значительная затрата труда. К сожалению, не может помочь и остеологический материал, касающийся наличия костей одной особи в разных сооружениях. Фантастична надежда, что когда-либо в отдаленном будущем все кости из жилищ могут быть собраны воедино и рассмотрены в этом ключе.

Несомненно, жилища принадлежали одной человеческой группе, поскольку культурные остатки не имеют различий, но мы не знаем, функционировали ли они одновременно или последовательно, идет ли речь о едином поселении с определенной планировкой в расположении жилищ, или каждое из жилищ возводилось на новом месте при последующем посещении стоянки, когда старые постройки уже успели разрушиться. Этот вопрос до сих пор не решен и для других поселений с сохранившимися остатками сооружений. Нет никакой закономерности в их расположении ни в Межириче, ни в Добраничевке. Может быть, только в Мезине жилища последовательно (или одновременно?) размещались на правом борту выходящей к Десне балки, но и здесь далеко не все ясно при сопоставлении результатов раскопок разных лет.

Сравнение юдиновских жилищ с аналогичными «костно-земляными» сооружениями аносовско-мезинского типа подтверждает правильность выделения А. Н. Рогачевым этого особого и, пожалуй, наиболее выразительного типа конструкций из костей мамонта в верхнем палеолите Русской Равнины. В широких хронологических рамках, которые предстоит уточнить, аносовско-мезинский тип жилищ может быть отнесен к периоду 16 – 13 тыс. лет назад. Территориальные границы его распространения в бассейне Десны — Днепра в меридиональном направлении идут от самого северного памятника (Супонево) до самого южного (Межирича) на протяжении приблизительно 420 км. Несмотря на ряд индивидуальных особенностей, жилища этого типа составляют явное культурно-хронологическое единство.

Входят ли в это единство несколько более древние донские памятники Аносковка 2 (слой 1а) и Костенки 2, отстоящие от Десны к востоку на расстояние 320 км? Несмотря на определенные параллели в конструкции жилищ, облик кремневого инвентаря и других элементов материальной культуры не дает оснований для включения этих комплексов в данную культурную общность.

Особенностью Юдиновского поселения является отсутствие характерных ям-хранилищ, окружающих жилые сооружения. Тем не менее, здесь, в одном метре от южной стенки жилища № 4, то есть ниже по склону к реке, располагалось углубление, состоявшее из двух ям, соединенных зольным

заполнением (Абрамова, 1995; рис. 10). Общая длина углубления с запада на восток составляла около 6 м, ширина его неизвестна, так как структура уходила под стену музейного павильона. Одна из ям, диаметром 1,1 м и глубиной 0,6 м, была ограничена с двух сторон бивнями, заполнена костями мамонта (здесь присутствовали не представляющими кулинарной ценности кости, такие как обломки тазовых костей и лопаток) и густо насыщена костным углем.

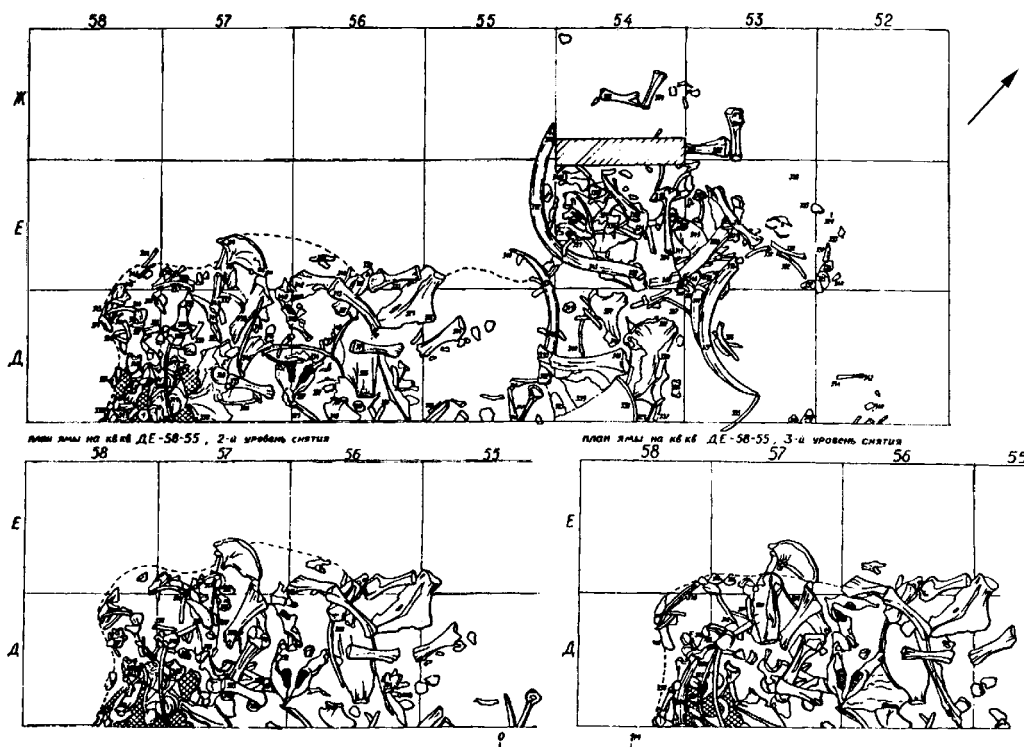

Рис. 10. Стоянка Юдиново. План зольника.

Вторая яма, исследованная лишь частично, имела в длину 2,5 м и ширину не менее 1,1 м. В данном случае речь идет, скорее всего, о естественной западине глубиной до 0,4 м с хорошо сохранившимися северной и западной стенками, от которых четко отделялось заполнение в виде углистых и окрашенных золой мелких линз и прослоек. В заполнении ямы, помимо костей мамонта, находились достаточно редкие на поселении кости северного оленя, овцебыка, волка, медведя, птицы, сурка и масса костей песка, часто в виде кусков позвоночника и конечностей, залежавших в анатомической связи. Довольно много здесь было предметов расщепленного кремня, особенно чешуек и других отходов производства. Вместе с тем, здесь высок процент различного рода орудий. Имелись здесь отходы от обработки бивня мамонта. Природа комплекса неясна. Вероятно, это было или место изготовления орудия из камня, кости и бивня, или свалка ненужных и использованных вещей. Но тогда почему все предметы, за исключением иголок и шильев из костей песка, найдены целыми, в том числе и орнаментированная фибула из бивня мамонта?

После окончания строительства музейного павильона, исследования продолжались как внутри перекрытой зоны, так и за ее пределами.

В 6 м южнее жилища № 4 был выявлен слегка углубленный в земле на 3 – 4 см очаг неправильно-удлиненной формы. Длина его составляла от 0,95 до 1 м, ширина колебалась в пределах 0,34 – 0,28 – 0,38 м (Григорьева, 1990; рис. 11). Поверх заполнения очага лежали не обожженные кости. В заполнении были найдены отдельные обгорелые кремни. В 0,5 м восточнее очага был расчищен кусок позвоночного столба мамонта из 5 позвонков, а рядом — залежавшие крест на крест два бивня. Вокруг очага было собрано много мелких осколков бивня, фрагментов ребер, трубчатых костей, зубов мамонта и костей песка (кости конечностей в анатомическом порядке, лопатки, обломки челюстей и черепа, позвоночный столб). Найдено множество бус-нашивок и кусок бивня — заготовка для производства бус. Особо следует выделить находку зуба человека.

Примерно в 8 м западнее жилища № 1 была обнаружена небольшая яма овальной формы со своеобразным в плане выступом, расположенным с северной стороны структуры (Григорьева, 2001).

Размеры ямы составляли 1,4 – 1,5 x 1 – 1,35 м, глубина 0,2 – 0,25 м. Длина выступа была равна 0,4 – 0,45 м, ширина 0,5 – 0,6 м. Сверху яма была перекрыта культурным слоем. Южная и восточная стенки ямы были почти вертикальными, в то время как северо-западная, северная стенки, равно как и стенки выступа плавно переходили в культурный слой. В центральной и южной частях ямы ее неровное дно было углублено в серовато-голубую супесь. В заполнении ямы были встречены костные остатки и кремни. У южной стены ямы, на ее дне лежали три хвостовых позвонка мамонта в анатомическом порядке. В северной части выступа был найден крупный кусок бивня, рядом с которым находилось охристое пятно.

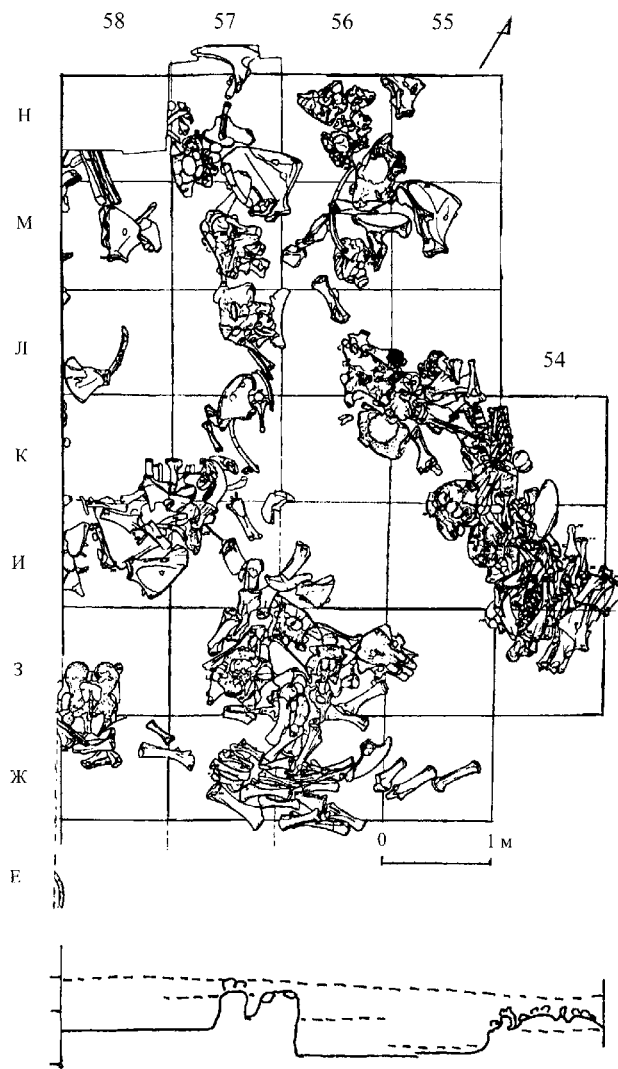

Рис. 11. Стоянка Юдиново. Очаг, расположенный за пределами жилища.

На исследованной к настоящему времени площади поселения выявлены участки, где, видимо, производилась обработка кремня, кости, и бивня (Григорьева, 1995, 1997). Подобные рабочие площадки занимали площадь от 0,2 кв. м до 2 кв. м. Здесь было найдено большое число предметов расщепленного кремня, преимущественно отходов производства, пластинок и пластинок из бивня, осколков костей; встречались и готовые изделия. На небольших по площади рабочих площадках насчитывалось от 170 до 250 кремней, пластинок и осколков бивней и костей, на более крупных — до 6000 – 8000 кремней, сотни пластинок бивня и десятки осколков костей. На двух площадках были обнаружены орнаментированные молотки из рога северного оленя. На двух других площадках было собрано более 500 костей песцов. Не исключено, что на одних рабочих площадках расщепляли кремень и обрабатывали бивень, тогда как на других разделявали тушки и шкуры песцов.

Огромное значение мамонта как основного источника существования юдиновцев, не вызывает сомнения. Вопрос о роли мамонта в жизнедеятельности палеолитических охотников широко освещен в

отечественной литературе и кратко суммирован нами (Абрамова, Григорьева, 1997). О том, что древние люди имели дело с живыми существами, а не с извлеченными из мерзлоты трупами, может указывать, на наш взгляд, возрастной состав «стада», где представлены все категории от утробных детенышей до старых особей.

Юдиновцы были не только отменными охотниками на мамонтов, но и искусными изготовителями каменных (табл. 4) и костяных изделий. Сырьем для каменных орудий служил, помимо кремня, также кварцит, плитки сланца, известняка, песчаника. В долине р. Судости и окрестностях с. Юдиново выходов кремня нет. Кремень, вероятнее всего, добывали из меловых отложений берега р. Десны. На стоянку кремень приносили в виде желваков и плиток, которые обрабатывали на месте. Чаще всего использовался черный меловой прозрачный кремень, реже серый кремень с мелкими темными и светлыми включениями, светло-серый кремень и изредка цветной кремень.

№	Название	Количество по годам			
		2000	2001	2002	2003
1	Орудия	130	375	114	153
2	Нуклеусы	4	24	4	6
3	Пластинки, пластины	370	1471	941	970
4	Резцовые сколы	126	582	107	165
5	Краевые сколы	29	66	38	24
6	Сколы с нуклеусов с частью ударной площадки	15	7	8	5
7	Отщепы	468	1357	1012	604
8	Чешуйки	3343	16382	7291	8733
9	Осколки	20	63	40	25
10	Плитки сланца	1			
11	Плитки песчаника	1			
12	Плитки кварцита			1	1
	Всего	4508	20327	9556	10686

Табл. 4. Каменный инвентарь стоянки Юдиново (по материалам раскопок 2000 – 2003 г.г.).

Техника расщепления была призматической, пластинчатой. Для получения заготовок использовали одно-, дву- и многоплощадочные призматические нуклеусы. Среди них имеются экземпляры разной формы — удлиненные, короткие, подтреугольные, торцевые и единичные дисковидные. Кроме того, нуклеусы употребляли как отбойники. В качестве заготовок служили пластинки, реже пластины 5 – 7 см длиной, и отщепы. Для оформления орудий применяли технику резцового скола, притупливающую, полупритупливающую, мелкую краевую ретушь и подтеску.

Основные группы орудий (табл. 5) представлены резцами, скребками и ретушированными пластинками. Среди резцов преобладают ретушные, затем следуют двойные, угловые, двугранные, единичны тройные и четырехлезвийные резцы. Обилие резцовых сколов является доказательством того, что изготовление и переоформление орудий производили на поселении. Среди скребков имеются одинарные концевые, полукруглые, округлые и двойные. Пластинки и пластины оформлены притупливающей краевой ретушью, расположенной по краям или на концах изделия. Плитки из сланца,

песчаника и кварцита обитатели стоянки могли употреблять как наковальни или изготавливать из них орудия, на что указывает оббитость краев у двух плиток.

№	Название	Количество по годам раскопок			
		2000	2001	2002	2003
1	Резцы	54	191	34	85
2	Скребки	30	36	24	18
3	Скребки-резцы	4	10	1	1
4	Ретушированные пластинки	32	128	42	32
5	Острия		1	1	3
6	Долотовидные формы	1	1		2
7	Ретушированные краевые сколы	5	2	2	2
8	Ретушированные отщепы	3	6		8
9	Ретушированные осколки			1	2
10	Отбойники			3	
11	Сколы с отбойников	1			
12	Обломки орудий			5	
	Всего	130	375	114	153

Табл. 5. Орудия стоянки Юдиново (по материалам раскопок 2000 – 2003 г.г.).

Обилие костяных изделий в Юдиново позволяет предполагать, что каменные орудия служили, главным образом, для обработки бивня и кости.

Судя по общему облику каменного инвентаря, к материалам из Юдиново близки коллекции таких памятников как Тимоновские стоянки, Чулатово II и Бугорок.

Юдиново выделяется среди стоянок днепро-деснинского региона по богатству и разнообразию костяного инвентаря (табл. 6). Основным сырьем для изготовления костяных поделок служил бивень, реже трубчатые кости, ребра, рога (Абрамова, Григорьева, 1993). Обработка бивня достигла высокого развития. Для выделки бивня и кости применяли резание, пиление, строгание и сверление. На отдельных лопатках и тазовых костях мамонта сохранились следы резания; их могли использовать в качестве подставок при обработке бивней и костей. Многие бивни служили нуклеусами для получения заготовок. Обилие пластин и пластинок бивня свидетельствует об употреблении их для изготовления орудий, украшений и других изделий.

Многочисленны и разнообразны костяные изделия Юдиново. Выразительной серией представлены предметы охотничьего вооружения — наконечники копий и дротиков, употреблявшиеся при охоте на крупных животных, стержни и стрелки, служившие для добычи мелких животных. Обилие орудий свидетельствует о развитом охотничьем промысле. Значительную группу составляют орудия труда: шилья, иглы, землекопные орудия из ребер и др. Они указывают на разнообразие хозяйственной деятельности древних людей. Обширную группу составляют украшения — миниатюрные бусы-нашивки из бивня, подвески различной формы, «фибулы», орнаментированные пластины. Среди украшений следует отметить несколько десятков раковин моллюсков с отверстиями. По определению Я. И. Старобогатова, преобладали раковины черноморских видов моллюсков.

Особого внимания заслуживает геометрический орнамент, которым были украшены многие изделия из Юдиново. Основным элементом орнамента являлся ромб. Сетки из разновеликих ромбов наносились на поверхность наконечников, стержней, пластин из бивня, бивней мамонта. Отдельные

ромбы были прорезаны на стрелках и некоторых бивнях. Орнамент был представлен как сложными элементами, такими как зигзаги и шевроны, так и простыми штрихами, линиями, насечками, изредка ямками.

№	Название	Количество по годам раскопок			
		2000	2001	2002	2003
1	Наконечники и их заготовки	2	9	8	5
2	Стрелки	1	6		3
3	Стержни и их фрагменты	18	95	25	25
4	Шилья и их фрагменты	2	10		7
5	Иглы	2	3	3	
6	Землекопные орудия	3	6	2	
7	«Светильники»			1	
8	Поделки из бивня	3			1
9	Заготовки орудий	5	2	2	1
10	Подвески и их фрагменты	2	5	6	1
11	Бусы-нашивки и их фрагменты	156	390	194	278
12	Заготовки бус-нашивок и их фрагменты	237	202	110	70
13	Бивни и кости с орнаментом	1	9	10	1
14	Пластины бивня с насечками		1		
15	Пластины бивня и кости с гравировкой	10	11	3	6
16	Поделка с четырьмя просверленными отверстиями			1	
17	Кости песка с нарезками	2	4	5	9
18	Кости с заглаженной поверхностью	6	2	1	
19	Пластинки бивня (фрагменты)	2095	3429	323	1261
20	Обломки и отщепы бивня	105	25	40	53
	Всего	2650	4209	734	1721

Табл. 6. Костяной инвентарь стоянки Юдиново (по материалам раскопок 2000 – 2003 г.г.).

Костяные изделия Юдиново свидетельствуют о развитой материальной и духовной культуре древних охотников, высоком уровне их художественной деятельности, проявившейся в изготовлении украшений и орнаментике изделий.

Юдиновское поселение, судя по облику жилищ из костей мамонта, хозяйственно-бытовых комплексов, характеру материальной культуры (кремневый и костяной инвентарь, геометрический орнамент), составу фаунистических остатков и моллюсков, близко к другим памятникам бассейнов Днепра и Десны и входит в состав среднеднепровской культурной области, выделенной И. Г. Шовкоплясом (Шовкопляр, 1965). Среднеднепровские стоянки составляют особый регион развития палеолита Русской Равнины. Здесь была широко представлена оригинальная костяная индустрия, многочисленны и разнообразны изделия из бивня, украшения, особенно бусы-нашивки, произведения искусства и орнамента. Не исключено, что различия в облике костяных изделий между памятниками, от Хотылево II до Юдиново и Тимоновских стоянок, отражают эволюционные тенденции в развитии костяного инвентаря при относительно стабильном и во многом сходном наборе каменных орудий.

№	Индекс	Материал образца	¹⁴ C дата
1.	ОхА - 696	Костный уголь, органическая фракция	12300 ± 200
2.	ЛЕ - 5518	Костный уголь	12850 ± 200
3.	ЛЕ - 3401	Костный уголь	12980 ± 320
4.	ЛЕ - 5519	Костный уголь	13200 ± 200
5.	ОхА - 695	Костный уголь	13300 ± 200
6.	ЛЕ - 3303	Кость	13380 ± 160
7.	ЛУ - 153	Костный уголь	13650 ± 200
8.	ЛУ - 103	Костный уголь	13830 ± 850
9.	ISGS - 2085	Кость мамонта	13980 ± 110
10.	ИГАН - 1266	Костный уголь	13980 ± 180
11.	ИГАН - 1270	Зуб мамонта	14010 ± 230
12.	ISGS - 2084	Костный уголь	14300 ± 110
13.	АА - 4801	Кость	14470 ± 160
14.	Beta - 199779	Костный уголь	14480 ± 80
15.	ГИН - 5588	Костный уголь	14500 ± 200
16.	ГИН - 5661	Костный уголь	14610 ± 60
17.	АА - 4802	Кость	14650 ± 105
18.	ЛЕ - 3835	Зуб мамонта	14870 ± 150
19.	ЛЕ - 3302	Зуб мамонта	14980 ± 110
20.	ЛУ - 127	Кость мамонта	15660 ± 180
21.	ЛЕ - 3301	Кость	15790 ± 320

Табл. 7. Радиоуглеродные даты стоянки Юдиново.

О времени существования Юдиновского поселения дают представление радиоуглеродные даты, полученные в разных лабораториях (Abramova, Grigorieva, 2000, Abramova et al., 2001; табл. 7).

Юдиново, как и многие памятники среднеднепровской культурной области, по характеру материальной культуры и времени существования соответствуют европейскому мадлену, как полагает большинство изучавших их исследователей.

Еще в 1923 г. В. А. Городцов выделил мезинскую культуру как своеобразный вариант восточно-европейской культуры мадленского времени (Городцов, 1923). В приледниковой Европе В. А. Городцов обозначил три локальные варианта мадленской культуры: 1) приатлантический или западноевропейский; 2) придунайский или среднеевропейский; 3) восточноевропейский. В. А. Городцова поддержал А. Н. Рогачев. Признавая особенности верхнепалеолитических памятников Среднего Приднепровья при сравнении с комплексами других регионов, А. Н. Рогачев считал их мадленскими только в плане временной привязки (Рогачев, 1961).

Обращаясь к Юдиново, еще раз подчеркнем, что памятник отличается однообразным, устойчивым набором каменных орудий, отсутствием диагностичных форм; совершенством костяных изделий, богатством украшений, геометрическим орнаментом, то есть характеристиками, свойственными мадленским стоянкам Западной и Центральной Европы. Вместе с тем, в Юдиново нет типичных для мадлена гарпунов, но эти формы отсутствуют, например, и в варианте мадлена с так называемыми "челноками" (Allain et al., 1985). Экономика обитателей стоянки Юдиново была основана на охоте на мамонтов, в то время в мадлене она базировалась на добыче лошадей и северных оленей. Юдиново, несмотря на свои локальные особенности, по многим данным в большей степени соответствует европейскому мадлену.

Итак, поселение Юдиново представляет собой эталонный памятник своей эпохи на Русской Равнине и дает ключ к пониманию жизни и культуры обитавшей на нем общности людей в какой-то, более или менее длительный, промежуток времени в пределах периода от 14 до 13 тыс. лет назад. Полученные при раскопках данные позволяют представить, как эта общность обеспечивала себя необходимым человеку во все времена, как-то пищей, кровом, топливом, одеждой, средствами производства орудий. Основой существования являлась преимущественно охота на мамонта. Остатки травоядных, северного оленя и овцебыка, встречены в значительно меньшем числе, а бизона и лошади в ничтожном количестве. Мамонт, северный олень, овцебык и песец — индикаторы суровых климатических условий, которые требовали от человека умения сооружать утепленные жилища и шить одежду. Развитое домостроительство было основано на использовании при сооружении фундамента крупных костей мамонта, в то время как более тонкие и длинные костяк (бивни, ребра и грудные позвонки) служили в качестве опоры для перекрытия жилищ. Несомненно, что для последней цели использовались также жерди, создававшие каркас крыши и вставлявшиеся в затылочные отверстия черепов и в естественные или намеренно пробитые отверстия в плоских костях мамонта (тазовых и лопатках). Деревом дорожили, оно никогда не шло на топливо. Очаги в жилищах и за их пределами состояли из массы пережженных, расколотых на мелкие куски, трубчатых костей с толстыми стенками. Помимо шкур северного оленя, для шитья одежды использовали мех пушных зверей, особенно песца, костями которого был насыщен культурный слой. Можно предполагать, что интенсивная добыча песца свидетельствует о существовании обменных связей обитателей Юдиново с другими, более южными группами. В свою очередь, последние доставляли юдиновцам такие экзотические украшения, как причерноморские раковины. Не исключено, что обмен мог быть многоступенчатым. Возможно, в обменных процессах были задействованы мелкие бусы-нашивки из бивня, производство которых было налажено с размахом. В окрестностях стоянки отсутствует меловой кремь, пригодный для изготовления орудий труда. Скорее всего, кремь приносили в виде подготовленных желваков и плиток, извлеченных из обнажений долины Десны. Можно предполагать, что в качестве одного из источников кремья служил пункт Чулатово II, расположенный в 80 км южнее Юдиново. На самом же поселении изготавливали необходимые, обычные для этого периода орудия, прежде всего резцы и скребки. Обилие такого великолепного поделочного материала, как бивень, позволило палеолитическим умельцам выработать изощренное мастерство в производстве охотничьего вооружения и предметов повседневного обихода, в том числе и украшений. Об эстетических пристрастиях древних юдиновцев свидетельствует резной геометрический орнамент, достигший высокой точности и свидетельствующий о потрясающем глазомере мастеров.

ГЛАВА 3. СТОЯНКИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ — СЕЗОННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОХОТНИКОВ ФИНАЛА ПЛЕЙСТОЦЕНА

В финале плейстоцена на смену охотникам на мамонта приходят культуры охотников на северного оленя, носители которых вели подвижный образ жизни. На севере Центральной Европы в этот период установлено распространение культур с черешковыми наконечниками: гамбургской, федермессер, бромме, аренсбургской, свидерской. Наиболее ярким их проявлением на северо-западе и в центре Русской Равнины является открытый в последнее десятилетие финальнопалеолитический технокомплекс бромме-лингби (Синицына, 1996, 2003).

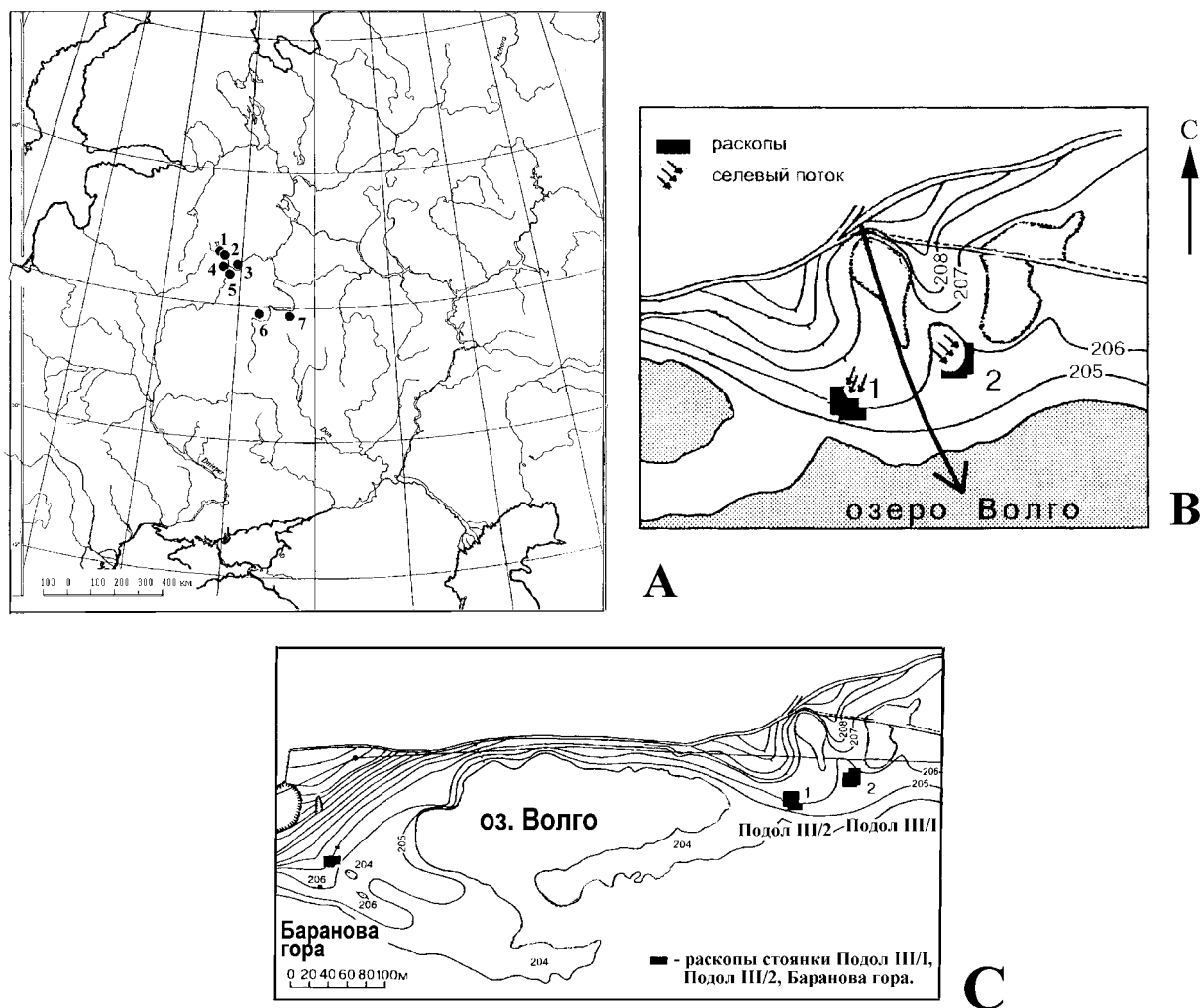

Рис. 12. А – местоположение памятников подольской культуры: 1 – Баранова Гора; 2 – Подол III; 3 – Троицкое 3; 4 – Теплый Ручей; 5 – Усть-Тудовка; 6 – Ладыжино; 7 – Ростиславль; В – схема схода селевого потока на северном берегу озера Волго; С – топографический план стоянок Подол III/1, Подол III/2 и Баранова Гора на северном берегу озера Волго.

Основной ареал культуры бромме-лингби — Дания и Шлезвиг-Гольштейн. Выделенная в конце XIX в., культура лингби была датирована дриасом III на основании спорово-пыльцевого анализа отложений, к которым были приурочены находки. В середине XX в. был изучен более древний, аллередский, этап данной культуры, представленный комплексом материалов со стоянки Бромме. Поэтому термин бромме в западной археологии получил более широкое распространение.

Стоянки, определенные как принадлежащие технокомплексу бромме-лингби, зафиксированы в Великобритании (Roberts, Barton, 2000), Германии (Taute, 1968) Польше (Schild, 1975, Schild et al., 1999),

Литве (Римантене, 1971), Белоруссии (Ксензов, 1994, Чарняускі и др., 1996), Украине (Зализняк, 1989, 1998), и России, на верхней Волге (Синицына, 1996). Столь широкое распространение этой культурной традиции обусловлено, на наш взгляд, палеогеографическими факторами, а именно формированием на обширных пространствах северной части Европейского континента во время, соответствующее границе аллереда и дриаса III, холодных сухих лесостепей с фауной северного оленя. Л. Л. Зализняк (1989, С. 164) также считает, что благоприятные условия охоты на северного оленя явились причиной миграции из Ютландии населения культуры лингби. Другие авторы (Амирханов, 2002, 2004, С. 16), кроме миграционных процессов, объясняют наличие технокомплекса бромме-лингби на территории Русской Равнины как продолжение развития восточно-граветтских традиций.

Исследованиями Валдайской экспедицией ИИМК РАН на северном берегу озера Волго в Тверской области открыты и частично исследованы многослойные стоянки, материалы которых дают возможность рассмотреть вопросы первоначального заселения северо-запада Восточной Европы, освободившейся от ледникового щита. Данная группа памятников имеет исключительное значение, поскольку здесь удалось зафиксировать фрагменты культурных слоев и определить время их существования по сумме естественнонаучных методов. Как правило, памятники рубежа плейстоцена и голоцена находятся в переотложенном состоянии, поскольку время дриаса III характеризуется особенно резким похолоданием и сильнейшей эрозией почв, из-за чего культурные слои стоянок оказываются разрушенными. Датировка стоянок на северном берегу озера Волго (Подол III/1 и Подол III/2) показала, что они синхронны памятникам бромме-лингби и датируются в пределах аллереда и дриаса III. Между тем, вплоть до недавнего времени, предполагалась возможность заселения территории только в постгляциальный период (Микляев, 1995).

Более того, на многослойной стоянке Баранова Гора зафиксированы отложения времени беллинга и среднего дриаса, причем здесь на небольшой площади открыт своеобразный комплекс находок (Синицына и др., 2005). Этот памятник дает ключ к пониманию смены культурных традиций в позднеледниковье в пределах одного археологического микрорайона.

Наиболее полно исследованное поселение Подол III располагалось в районе бывшей деревни Подол на узкой наклонной площадке между озером Волго и прилегающим коренным склоном, сложенным известняками карбонового возраста. Памятник был приурочен к бортам древнего овражка (рис. 12). Исследования велись в двух раскопах, расположенных на расстоянии 50 метров друг от друга на правом (Подол III/1) и на левом бортах (Подол III/2). Всего на памятнике было вскрыто 353 кв. м: 166 кв. м в раскопе I и 187 кв. м в раскопе II.

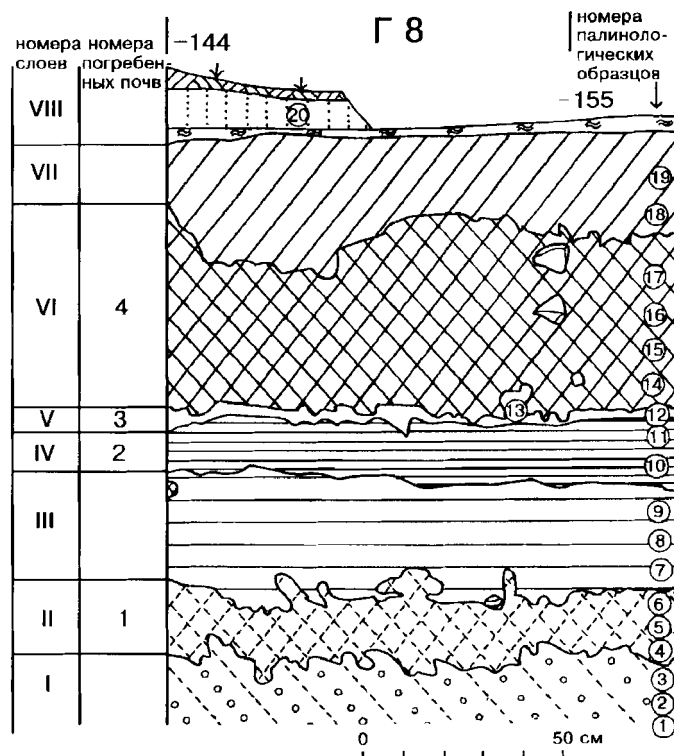

Рис. 13. Стоянка Подол III/2. Разрез по южной стенке раскопа на кв. Г-8.

Несмотря на то, что находки финального палеолита были зафиксированы на обоих участках поселения, культурный слой времени аллереда сохранился только на участке, исследованном в раскопе 1 (Подол III/1), а культурный слой времени дриаса III — только в отложениях конуса выноса селевого потока в раскопе 2 (Подол III/2).

При изучении стратиграфии стоянки Подол III/1 Ю. А. Лаврушиным (Синицына и др., 1997) была установлена последовательность генетически разнородных отложений (озерных, пролювиальных, горизонтов почвообразования) и связанных с ними культурных слоев (нумерация слоев идет снизу вверх; табл. 8, рис. 13).

Номера слоев	Периоды Блитта-Сернандера	
VIII	Sa 2	Пачка горизонтальнослоистых песков, мощностью до 0,5 м, соответствующих одному из высоких уровней озера
VII	Sa 1	Современная почва, представленная темно-серым гумусированным песком с беспорядочно распределенной щебенкой известняка, мощностью до 0.15 м, к которой приурочены позднесредневековые находки.
VI	ATL	Черный гумусированный песок со щебенкой, мощностью до 0,6 м (четвертая погребенная почва), в который включены находки раннего средневековья.
V		Третья погребенная почва - интенсивно гумусированный песок темно-серого цвета, мощностью 0,07-0,08 м. Имеет прерывистый характер и прослеживается только в южной части памятника. Находки эпохи неолита.
IV		Гумусированный коричневато-серый песок (вторая погребенная почва) мощностью до 0,1 м. Находки эпохи неолита.
III	нет	Толща гомогенного слабо гумусированного желтого песка мощностью до 0,4 м. В песке встречается редкий гравий, мелкая щебенка. По типу строения не исключено, что отложения слоя представляют собой материал склонового смыва. Остатков зерен пыльцы не обнаружено
II	AL	Бурый ожелезненный песок, представляющий горизонт вмывания. Нижний контакт, типично почвенный, с мелкими клиновидными структурами. В верхней части отмечена концентрация известняковой щебенки.
I		Толща отложений берегового озерного вала, представленная желто-серыми разнозернистыми песками с отчетливо выраженной косою слоистостью, имеющей падение 8-10° в сторону озерной впадины. Вскрытая толща песков имеет мощность до 0,3 м. Эти отложения фиксируют высокий уровень озерного водоема.

Табл. 8. Стратиграфия стоянки Подол III/1. Разрез по южной стенке раскопа 1995 г. на кв. Г-8 (по Ю. А. Лаврушину и Е. А. Спиридоновой; Синицына и др., 1997).

В основании разреза были вскрыты желто-серые разнозернистые пески с отчетливо выраженной косою слоистостью, имевшей падение 8 – 10° в сторону озерной впадины, и мощностью до 0,3 м (слой I). Данные отложения интерпретируются как осадки озерного прибрежного вала.

Эта толща была перекрыта бурым ожелезненным песком с включением щебенки известняка, с мелкими клиновидными структурами, видимыми на нижнем контакте, — горизонтом вмывания погребенной почвы (слой II).

В данной части разреза важно отметить наличие четкого стратиграфического перерыва между отложениями прибрежного вала и погребенной почвой. Если слой I фиксирует высокий уровень стояния водоема, то перекрывающая почва — этап низкого стояния.

Раскоп был расположен на слабо наклонной поверхности, которая представляла собой небольшой конус выноса существовавшего ранее оврага, по которому периодически проходили селевые потоки (рис. 12). Селевые выносы способствовали попаданию в почвенный горизонт мелкой щебенки. Подтверждением этому являются скопления глыб известняка, наблюдаемые на поверхности площадки, на участках, примыкавших со стороны коренного берега непосредственно к раскопу. Скопления глыб также принадлежат к отложениям селевого потока, в месте его приращения к прибрежному валу. В виде гряд обломочного материала они были зафиксированы в разрезе раскопа II.

Поверх уровня погребенной почвы, с четким контактом, залегала толща слабо гумусированных песков мощностью до 0,4 м (слой III). В песке встречалась мелкая галька, гравий и щебенка известняка. Этот горизонт можно отнести к отложениям второго прибрежного вала, фиксировавшего последующее повышение уровня озера. Наличие в песках обломочного материала связано, вероятно, с волновой деятельностью и перемывом примыкавших к валу пролювиальных отложений.

Находки кремневых изделий финальнопалеолитического облика были приурочены к основанию песков и, скорее всего, первоначально находились на поверхности погребенной почвы (слой II). По данным палинологического анализа, почве соответствует лесная растительность, сопоставимая с природными условиями конца аллередского межстадиала, времени порядка 12 тыс. лет назад. Данные палеомагнитного анализа, позволяющие связать возраст погребенной почвы с экскурсом геттеборг; геохимический анализ отложений не противоречит такому варианту интерпретации возраста отложений (Синицына и др., 2005).

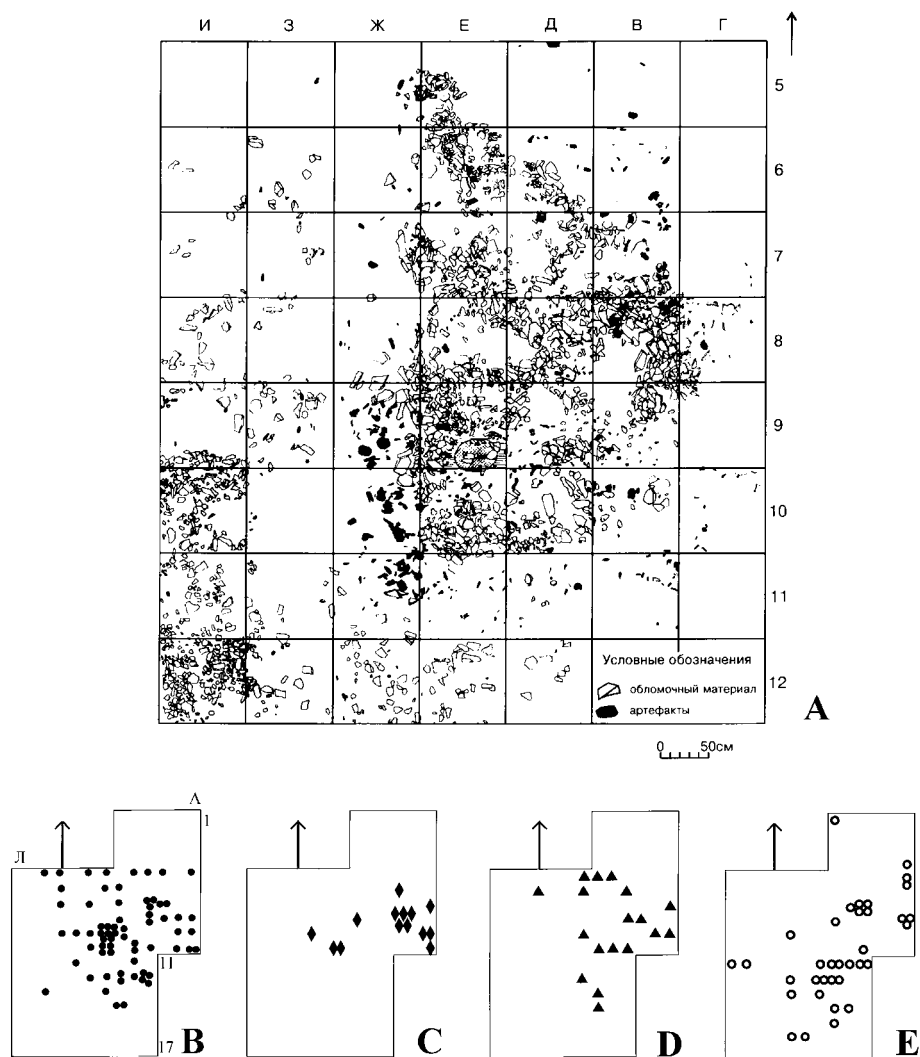

Рис. 14. Стоянка Подол III/2. Разрезы по стенкам раскопа II. А – разрез по восточной стенке на кв. А-11-15; В – разрез конуса выноса селевого потока на кв. Г-7.

Стратиграфия, изученная в раскопе 2 (Подол III/2), существенно отличалась от описанного выше разреза. Здесь были вскрыты (снизу вверх; рис. 14):

1. Песок бурый крупнозернистый, местами пятнистый за счет линз более мелкого песка, с редкими включениями обломков известковых плит. Предполагается аллювиальный генезис толщи.
2. Песок палевый, не слоистый, более мелкий, чем слой 1. Включает пятна вышележащего гумусированного песка литологического слоя 3, а местами внедряется в него в виде горизонтальных и волнистых линзочек. Представляет собой горизонт В погребенной почвы слоя 3.

3. Песок черный гумусированный, местами пятнистый — погребенная почва лугового типа.
4. Песок темно-серый гумусированный, насыщенный органическими остатками, местами с пятнами ожелезнения. Подошва слоя нечеткая, волнистая. Верхний контакт четкий и фиксирует полосу размыва.
5. Пески слоистые. В верхней и нижней частях слоя представлены тонкими ленточными прослоями песка и супеси разной зернистости; цвет варьирует от черного до светло-коричневого. В средней части слоя — однородные пески с нечетко выраженной слоистостью. Слой содержит остатки органики. Интерпретируется как отложения мелководного залива.
6. Дерновый слой.

В культурном слое финального палеолита, вскрытом в раскопе I (Подол III/1), были выявлены разнообразные структуры обитания. Здесь было исследовано овальное в плане жилище размерами 6х2,5 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток (рис. 15). Интересно отметить наличие коридорообразного входа. Жилище прорезало бурую ожелезненную почву литологического слоя II, и было углублено в нижележащие желтые косослоистые пески на 30 – 40 см. Вход в жилище был менее углублен (до 15 см), образуя своего рода ступеньку. В центре жилища располагался очаг округлой формы (размерами 40х50 см), незначительной мощности (5 – 10 см). Южнее от очага было зафиксировано пятно прокаленного песка красноватого оттенка расплывчатых контуров (130х100см), мощностью 5 – 20 см. Далее к югу были выявлены две округлые в плане небольшие линзы серого гумусированного песка с включением мелких угольков. В разрезе они имели чашевидную форму, мощностью от 20 до 45 см. Третье, аналогичное, пятно было расчищено с северной стороны жилища. Возможно, данные структуры являлись следами столбовых ямок.

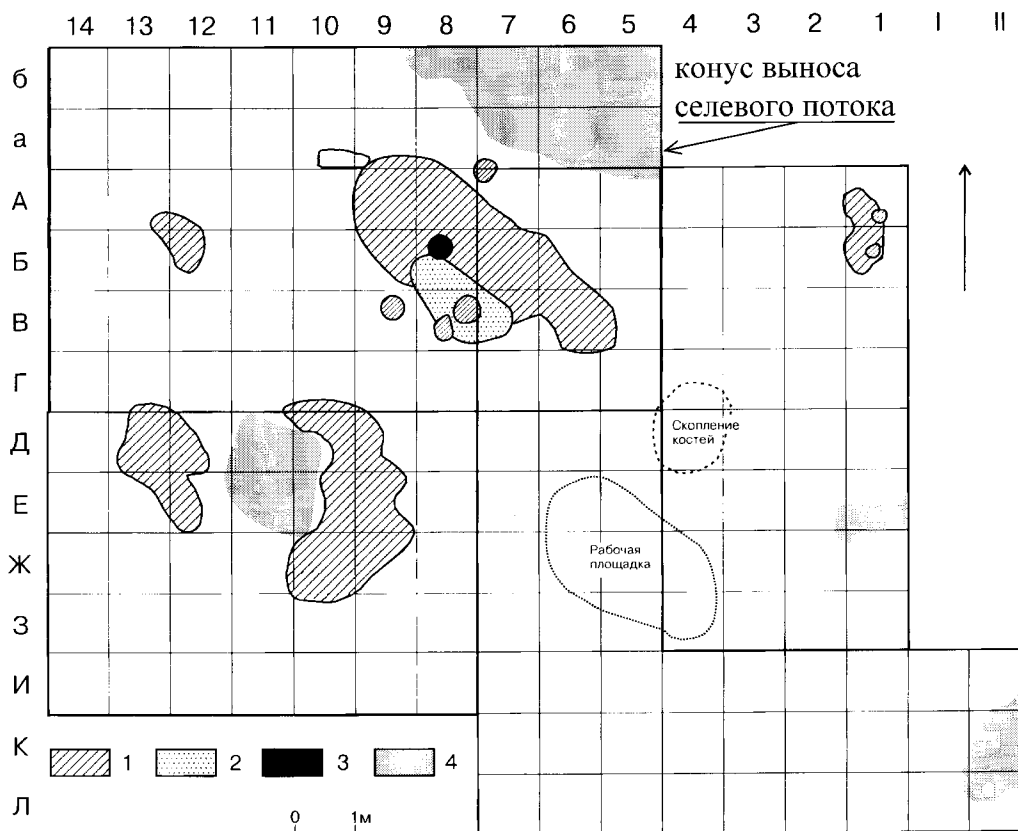

Рис. 15. Стоянка Подол III/1. План раскопа на уровне нижнего культурного слоя.

Условные обозначения: 1 – заполнение жилища; 2 – заполнение столбовых ямок; 3 – прокаленный песок; 4 – кострище.

В основании жилища были найдены многочисленные отщепы и чешуйки, фрагменты скребков, призматические нуклеусы, обломок наконечника стрелы, продольное скребло (Синицына, 1996). Палинологический анализ показал, что пол жилища был покрыт сосновой хвоей.

Помимо описанного жилища, в культурном слое были зафиксированы остатки «рабочей площадки» — места по обработке кремня. В пределах данной структуры площадью около 3 кв. м, было

обнаружено 2633 предмета расщепленного камня, в том числе 26 нуклеусов, 8 нуклеидных осколков, 13 преформ, 84 массивных пластинчатых скола, 13 сколов оживления ударных площадок, 53 ребристые пластины, 49 массивных пластин, 53 пластины, 177 пластинок, 119 мелких пластинок. Отщепы составляли 68% от числа находок и были представлены 31 массивным отщепом, 127 крупными отщепами, 405 отщепами средней величины, 1243 мелкими отщепами и чешуйками, 215 осколками кремня. Здесь же были найдены наковальня, топор, 4 резца (2 угловых и 2 срединных), 4 концевых скребка на пластинах. Кроме того, в слое были расчищены скопления мелких кальцинированных костей, и следы хозяйственных ям.

На вскрытой раскопом II площади культурные остатки позднепалеолитического облика представляли собой три скопления, залегающие между груд обломочного материала. Здесь, на кв. Г – 7-8, была вскрыта округлая в плане (размерами 130x140 см, глубиной до 95 см) яма, перекрытая обломочным материалом. В разрезе яма читалась как чашевидное скопление темно-серого гумусированного песка (рис. 16). На основании палинологических данных (Спиридонова, Алешинская, 1999, С. 133), период функционирования ямы отнесен ко времени дриаса III.

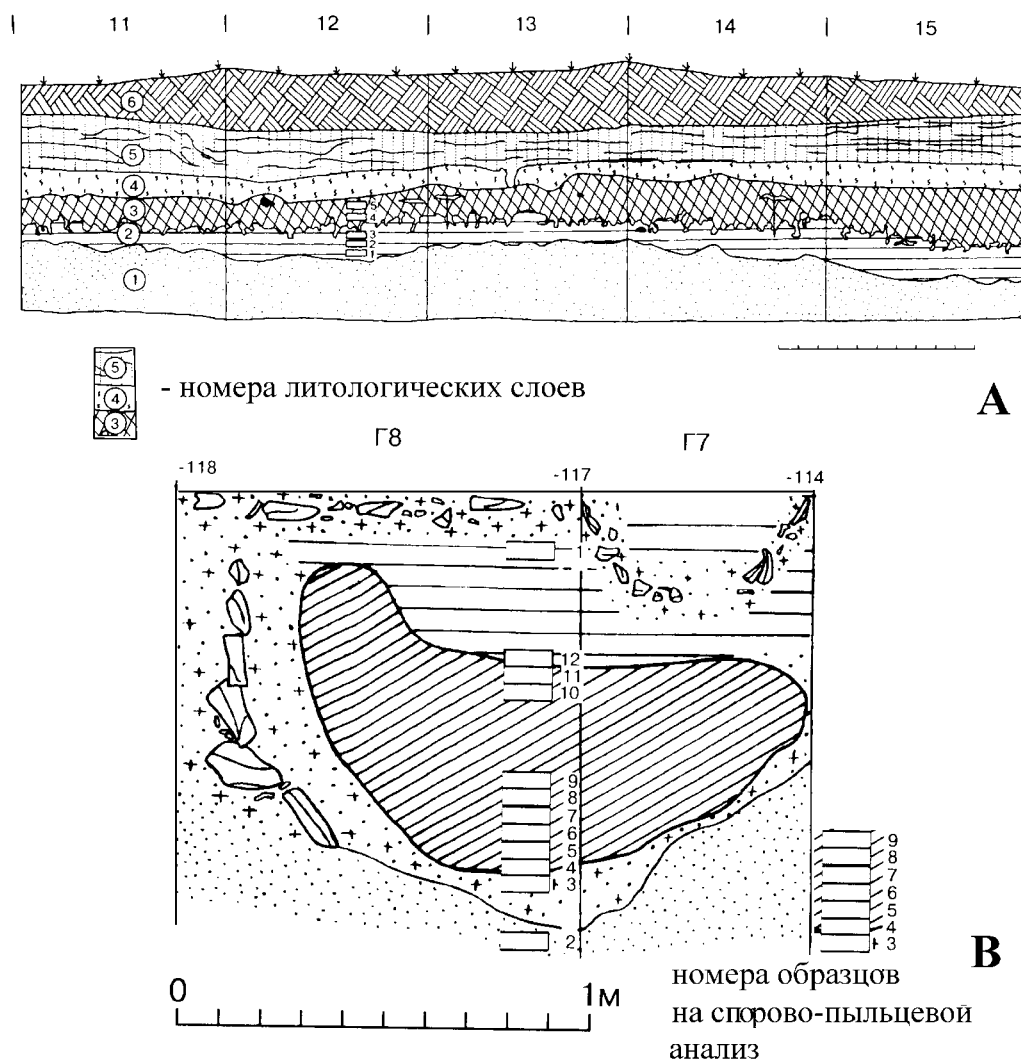

Рис. 16. Стоянка Подол III/2. А – план раскопа (фрагмент); В – планиграфическое распределение нуклеусов; С – планиграфическое распределение наконечников стрел; D – планиграфическое распределение резцов; E – планиграфическое распределение скребков.

Сырьем для изготовления орудий служила кремнистая порода, приносившаяся на стоянки в виде плиток крупного размера. Сырье, в изобилии встречающееся на побережье озера, представлено разнообразными по цвету отдельностями, однако для материалов нижнего слоя характерно употребление

только светло-серого кремня невысокого качества (из него сделаны все орудия, включая наконечники стрел). Кроме светло-серого кремня, зафиксированы единичные предметы из черного кремня.

На пункте Подол III/1 было найдено 163 нуклеуса (в основном призматические, конусовидные, торцовые и многоплощадочные). Нуклеусы со стоянки Подол III/2 (78 экз.) близки по облику, но здесь преобладали не призматические, а конусовидные формы. Основные разновидности заготовок — массивные пластины и пластинчатые сколы, с неправильной огранкой спинки и с четко выраженным ударным бугорком, полученные с помощью твердого отбойника. Наконечники стрел (17 экз. из коллекций двух памятников) представлены черешковыми типами с симметричным и асимметрично поставленным острием, со скошенным пером, а также листовидными изделиями. Среди других орудий преобладают скребки (84 экз. на пункте Подол III/1 и 35 экз. — в Подол III/2). Это концевые изделия на пластинах и пластинчатых отщепах. Резцы (34 экз. в коллекции Подол III/1 и 18 — в Подол III/2) в основном включают угловые, двугранные и плоские формы. Отличительной особенностью подольской культуры является наличие серии массивных скребел на отщепах (31 экз. из Подол III/1 и 7 экз. — в Подол III/2), преимущественно относящихся к простым продольным разновидностям.

В материалах обоих пунктов имеются единичные тесла (6 экз. из материалов стоянки Подол III/1 и 2 экз. — из стоянки Подол III/2), причем из последней коллекции происходят изделия с глубокими боковыми выемками, типичные для тесел иеневской культуры. Прочие орудия представлены проколками на отщепах.

Отдельно рассмотрим находки из заполнения ямы на стоянке Подол III/2, представляющие собой более поздний комплекс. Здесь, среди прочего, найдены 9 нуклеусов — конусовидные, призматические, и конический. Для получения пластин использовался как твердый, так и мягкий отбойник. Встречены 2 черешковых наконечника стрел и фрагмент черешка наконечника, 3 концевых скребка. Интересно отметить наличие экзотической для данного памятника пластинки из приносного розового кремня. Укажем здесь же, что в раскопе II был встречен наконечник стрелы из черного кремня, находящий аналогии в свидерской культуре (Синицына, Кильдюшевский, 1996).

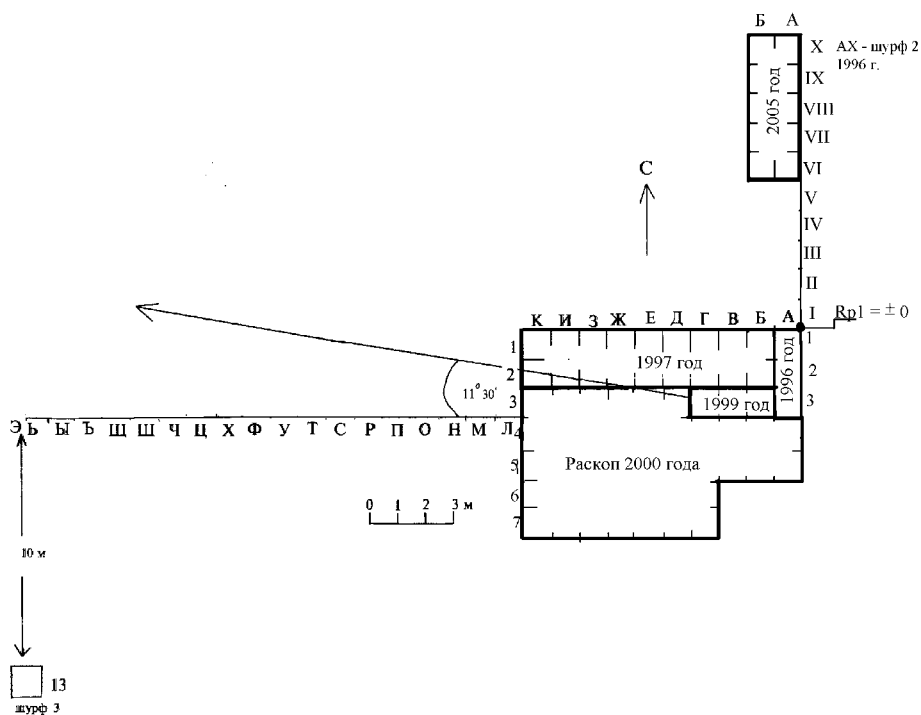

Рис. 17. Стоянка Баранова Гора. Схема расположения раскопа и шурфов.

Набор инвентаря памятников типологически обеднен, вероятно, за счет недолговременного обитания человека. Об этом же свидетельствует ограниченная площадь стоянок, которая варьирует в пределах 50 кв. м. Скорее всего, мы имеем дело с остатками кратковременных стойбищ, где сооружались легкие наземные жилища. Важным вопросом для понимания функциональных особенностей палеолитических стоянок является их местоположение, в данном случае, приуроченность памятников к пролювиальным конусам выноса. Это было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, на конусах скопления селевых выносов среди грубообломочного глыбового материала известняков карбонового возраста, содержались кремневые конкреции. Человек финального палеолита

использовал этот источник сырья для изготовления кремневых орудий. Во-вторых, поселения существовали при низком уровне стояния озера, а подобные конусы выноса обычно связаны с ручьями, поэтому проблемы снабжения чистой водой для обитателей стоянки не существовало. Таким образом, финальнопалеолитический слой памятника можно рассматривать как базовую стоянку, где имелись поблизости как источники сырья, так и питьевой воды, что, по классификации С. Андерсена (Andersen, 1988), соответствует четвертому функциональному типу памятников культуры бромме.

К числу памятников переходного периода от плейстоцена к голоцену относится многослойная стоянка Баранова Гора. Памятник расположен в 400 м западнее от стоянки Подол III, и приурочен к той же высотной отметке северного берега озера Волго (рис. 12). Стоянка была открыта в 1990 г. как пункт распространения подъемного материала; вмещающие культурные отложения слои были впервые исследованы в 1996 г., когда здесь было заложено три шурфа. В шурфе 1 (кв. А-1-3) удалось зафиксировать отложения времени среднего дриаса, а в разрезе расположенного в 10 метрах севернее шурфа 2 (кв. А-Х) оказалась представлена полная колонка позднеледниковых отложений (рис. 17).

Глубина, см	Номера слоев	Номера образцов	Периоды Блитта-Сернандера	
	12			Современная почва.
	11			Светло-серый разнозернистый песок, Предположительно отмечает уровень кратковременного высокого стояния озера.
	10			Песок, аналогичный вышележащему, но более рыхлый и окрашенный гумусом
	9			Слабо гумусированный песок. Предположительно следы делювиального смыва погребенной почвы
	8			Разнозернистый гумусированный песок – погребенная почва, проникающая в подстилающий слой в виде язычков
	7			Желтовато-серый мелкозернистый песок с потеками гумуса. Слой частично переработан вышележащей почвой
	6			Песок желтовато темно-серый, полосчато гумусированный. Предположительно накопление слоя отражает оживление делювиального смыва почвы на склоне
	5	10	В	Песок, аналогичный вышележащему
0,45	4	9	РВ (?)	Песок, аналогичный вышележащему, но рыжевато-бурого оттенка, мелкозернистый, окрашенный местами гумусом в серый цвет - обезглавленная погребенная почва времени финального палеолита
0,52		8		
	3	7 6 5	AL	Песок, аналогичный отложениям слоя 1
	2	4	DR-II	Песок, аналогичный вышележащему, со слабо выраженными потеками органического вещества и едва заметными белесыми пятнами. Возможно, горизонт отражает следы слабого гидроморфного почвообразования
100				
	1	3 2 1	BL	Песок рыжевато-бурый, мелкозернистый, гомогенный (видимая мощность 0.5 м)
150				

Табл. 9. Стратиграфия стоянки Баранова Гора по восточной стенке раскопа на кв. А-1-3 (по Ю. А. Лаврушину).

Всего на стоянке вскрыто 75 кв. м площади, но нижние слои изучены только на площади 31 кв. м в раскопе 1996 – 1997 г.г. и частично в раскопе 2005 г. (из-за высокого уровня воды в Верхневолжском водохранилище здесь удалось расчистить культурные остатки на площади всего 10 кв. м). Стратиграфия памятника по разрезу шурфа 1 изложена в табл. 9 и на рис. 18. Палинологический анализ отложений, вскрытых в шурфе, показал наличие в нижней части толще отложений, относящихся к дриасу II и аллереду. В разрезах шурфа 2 (табл. 10) и других шурфов вскрыты отложения, отнесенные ко времени от беллинга до пребореала (Синицына и др., 2005).

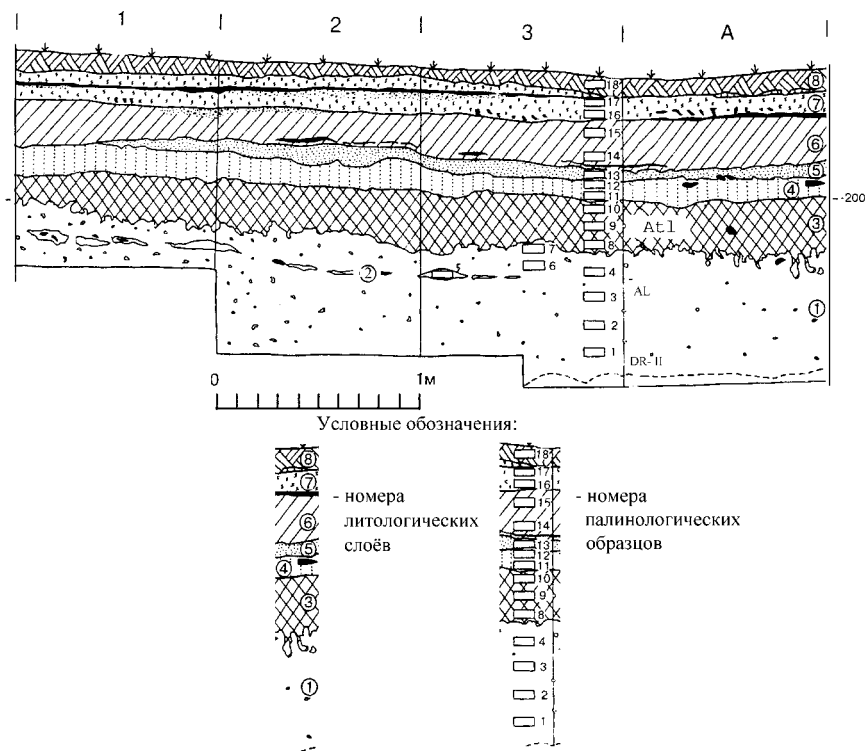

Рис. 18. Стоянка Баранова Гора. Стратиграфия по восточной стенке раскопа на кв. А-1-3.

Планиграфически находки нижних культурных слоев были приурочены к линзовидным гумусированным пятнам. Находки, которые можно было связать с отложениями времени беллинга, к сожалению, малочисленны. Здесь были найдены единичные орудия (проколка, скребок, долотовидные формы), изготовленные на широких пластинах. Культурная принадлежность комплекса трудно определима.

Из отложений, относимых к среднему дриасу, получена выразительная коллекция каменного инвентаря. Здесь в основном были встречены предметы, связанные с расщеплением кремня. Использовался кремень светло-серого цвета с желтоватыми прожилками и желтым оттенком. Обработка камня проводилась на месте, о чем свидетельствуют состав коллекции, включавший отбойники, ретушеры, первичные отщепы. Среди находок (табл. 11) имеются призматические нуклеусы для снятия основного вида заготовок-пластин. Судя по характеру сколов, для расщепления применялся мягкий отбойник. Среди орудий — вкладыш с краевой ретушью, наконечник стрелы с асимметричным черешком, резцы, скребки на пластинах, скребла, тесла, отбойники и др.

Картирование стоянок свидетельствует об освоении территории центра и северо-запада Русской Равнины в позднем плейстоцене. За последние годы в бассейне Волги были открыты и исследованы новые памятники конца валдайского времени периода. Отметим местонахождение в г. Твери, предварительно отнесенное ко времени позднего верхнего палеолита, 16 – 15 тыс. лет назад. Отсюда происходит граветтский по облику комплекс, включающий орудие из бивня мамонта (Кобызева и др., в печати). Важное значение имеют такие памятники как стоянки Вашана (Анисюткин, 2002), Золоторучье, нижний слой стоянки Алтыново. Прежде всего, их объединяет сходный состав позднеплейстоценовой фауны (северный олень, бизон, заяц) и развитый характер пластинчатой индустрии. Однако орудийный набор перечисленных комплексов различен, а культурная атрибуция остается предметом дискуссии.

Глубина, см	Номера слоев	Номера образцов	Периоды Блитта-Сернандера	
	12			Современная почва.
	11			Светло-серый разнозернистый песок, Предположительно отмечает уровень кратковременного высокого стояния озера.
	10			Песок, аналогичный вышележащему, но более рыхлый и окрашенный гумусом
	9			Слабо гумусированный песок. Предположительно следы делювиального смыва погребенной почвы
	8			Разнозернистый гумусированный песок – погребенная почва, проникающая в подстилающий слой в виде язычков
	7			Желтовато-серый мелкозернистый песок с потеками гумуса. Слой частично переработан вышележащей почвой
	6			Песок желтовато темно-серый, полосчато гумусированный. Предположительно накопление слоя отражает оживление делювиального смыва почвы на склоне
	5	10	B	Песок, аналогичный вышележащему
0,45 0,52	4	9 8	PB (?)	Песок, аналогичный вышележащему, но рыжевато-бурого оттенка, мелкозернистый, окрашенный местами гумусом в серый цвет - обезглавленная погребенная почва времени финального палеолита
0,8	3	7 6 5	AL	Песок, аналогичный отложениям слоя 1
100	2	4	DR-II	Песок, аналогичный вышележащему, со слабо выраженными потеками органического вещества и едва заметными белесыми пятнами. Возможно, горизонт отражает следы слабого гидроморфного почвообразования
150	1	3 2 1	BL	Песок рыжевато-бурый, мелкозернистый, гомогенный (видимая мощность 0.5 м)

Табл. 10. Стратиграфия стоянки Баранова Гора по северной стенке шурфа 2 на кв. А-Х (по Ю. А. Лаврушину и Е. А. Спиридоновой).

Если использовать стратиграфическую колонку стоянки Баранова Гора как опорную, можно проследить следующую смену комплексов финального палеолита.

Ко времени беллинга на самом памятнике отнесен небольшой комплекс, предположительно сопоставляемый с постграветтийской индустрией. Вероятно, граветтийская традиция была прервана похолоданием дриаса II, и климатические изменения привели к оттоку населения из данной области на юг. Нижняя граница финального палеолита прослеживается как смена технологий автохтонных верхнепалеолитических традиций новыми технологиями, сформировавшимися под влиянием миграционных волн, после существенных сдвигов, произошедших в природном окружении.

Интересно отметить наличие своеобразного варианта культуры, существовавшего в последующий период. Типологический анализ инвентаря, происходящего из отложений времени дриаса II на стоянке Баранова Гора показывает его сходство с материалами стоянки Акулово, расположенной на

озере Удомля в Тверской области, по характеру использованных заготовок, технике вторичной обработки и облику тесел (Сидоров, 1996). Правда, В. В. Сидоров датирует стоянку Акулово в пределах 15 – 13 тыс. лет назад, исходя по залегания культурных остатков в отложениях аллювия верхней озерной террасы. Полученную по углю из аллювия этой террасы датировку около 10 тыс. лет, он считает омоложенной. Как нам кажется, сходство двух памятников может объясняться их хронологической и культурной близостью. Пока памятники типа Акулово можно расценивать как отражение эпизодического кратковременного проникновения человека в данный регион во время среднего дриаса.

Наконечники стрел	1/1
Трапеции	1
Острия	1
Резцы	8
Резчики	1
Скребки	17/6
Скребла	14/4
Ножи	2
Проколки и провертки	2
Тесла	5/1
Долотовидные орудия	6
Трудноопределимые орудия/фрагменты орудий	4/30
Призматические пластинки с ретушью	5/1
Пластины с ретушью	6/1
Крупные отщепы с ретушью	10
Массивные сколы с ретушью	4
Абразивные орудия	4
Отбойники	15
Гальки с следами сработанности	20
Ретушер	1
Нуклеусы	11
Нуклевидные обломки	2
Отщепы с ретушью утилизации	13
Окатанные сколы с ретушью утилизации	4
Пластинки с ретушью утилизации	2/1
Осколки с ретушью утилизации	6
Отщепы	5386
Мелкие чешуйки/ мелкие фрагменты отщепов	4436/250
Пластинчатые отщепы	59/2
Массивные сколы	7/2
Сколы оживления ударных площадок	17
Продольные сколы	14
Ребристые пластинчатые отщепы	650
Ребристые призматические пластины	1/13
Резцовые сколы	13
Плитки песчаника	9
Пластины	97
Пластинки	120
Микропластинки	65/6
Призматические пластинки	12/11
Осколки камня	650

Табл. 11. Инвентарь нижних слоев стоянки Баранова Гора (по материалам раскопок 1996 и 1997 г.г.). В числителе целые предметы, в знаменателе фрагменты.

Время аллереда и дриаса III характеризуется материалами подольской культуры, в сложении которой, несомненно, прослеживаются традиции культуры бромме. К подольской культуре нами отнесен ряд стоянок Верхней Волги — Подол III/1, Подол III/2, Баранова Гора, Теплый Ручей 2, Троицкое 3, Усть-Тудовка 1. Две стоянки, Ладыжино 3 и Ростиславль, представляют собой локальный окский вариант культуры. Вероятно соотнесение раннего этапа культуры со временем аллереда.

Второй хронологический этап в развитии подольской культуры, относящийся ко времени дриаса III, представлен такими памятниками как Подол III/2 (материалы из ямы, образованной конусом выноса селевого потока), Усть-Тудовка 1 и Ладыжино 3. В материалах последней стоянки, исследованной А. Е. Кравцовым и С. Б. Кононовым (Кравцов, Кононов, 2002), отмечено сочетание традиций бромме и аренсбургской культуры. Возможно, появление аренсбургских черт является здесь скорее хронологическим показателем, следствием эволюции культуры с традициями бромме, а не влиянием собственно аренсбургской культуры. Инвентарь стоянки Ладыжино 3 отражает местные, локальные особенности развития подольской культуры, которая, в свою очередь, послужила основой для генезиса мезолитической иеневской культуры, охватывавшей огромные пространства центра и северо-запада Русской Равнины в голоцене.

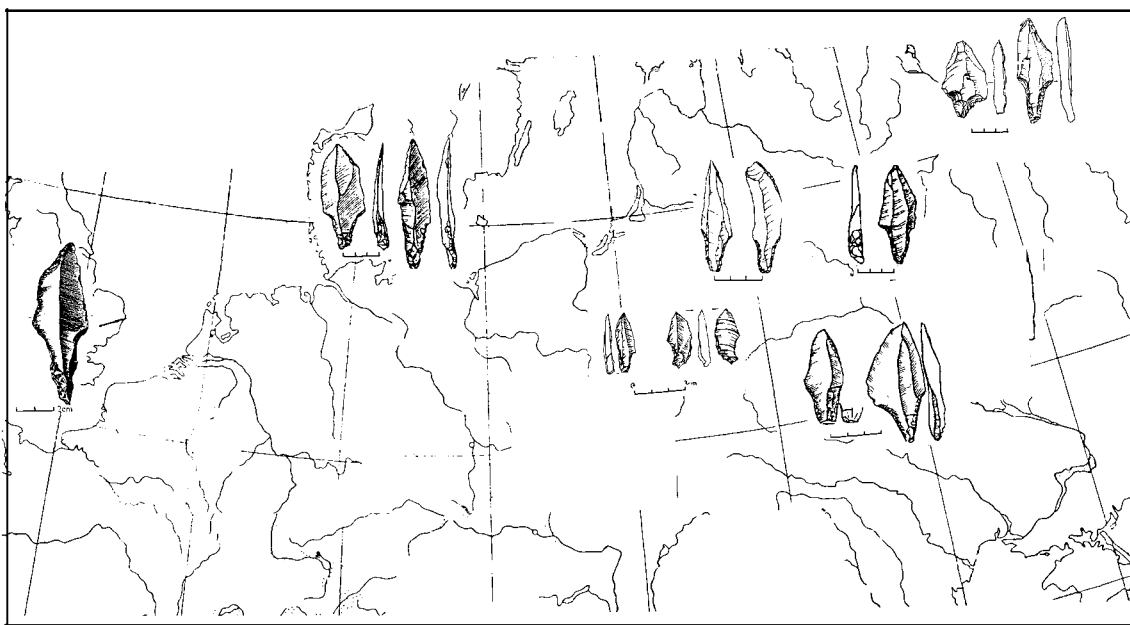

Рис. 19. Карта распространения памятников технокомплекса бромме.

Развитие кремневого инвентаря комплексов подольской культуры (уменьшение размеров заготовок и увеличение разнообразия форм орудий) указывает на наличие общих закономерностей эволюции индустрии бромме в Центральной и Северной Европе. Напомним, что стоянки бромме протягиваются в широтном направлении от Англии до центра Русской Равнины и отражают привязку к определенному типу природной зональности. Картирование памятников в европейском масштабе (рис. 19) позволило выделить 8 локальных групп (Синицына, Синицын, 2002), ряд которых различается по облику наконечников:

1. На территории Дании и южной Скандинавии существовала культура бромме в ее классическом проявлении;
2. На территории южной Англии, самом западном ареале распространения данной традиции, типологически выявлено в музейных собраниях небольшое число наконечников бромме и их фрагментов, но контекст находок неизвестен (Roberts, Barton, 2000);
3. На территории Германии в местных комплексах бромме прослежено влияние культурной традиции федермессер (Taute, 1968), что, вероятно, является свидетельством миграций в меридиональном направлении;
4. На территории Польши комплексы бромме (Цаловане, раскоп III, слой 5a) доставили наконечниками меньших размеров, по сравнению с классическим вариантом;
- 5-6. На территории Литвы и Белоруссии Р. К. Римантене (1971) отнесла к «прибалтийскому мадлену» стоянки Понеманья и Поднепровья с черешковыми наконечниками стрел. Наконечники из этих регионов отличаются от подлинных наконечников бромме по пропорциям и характеру заготовок.
7. На территории Украины, самого южного ареала распространения технокомплекса бромме, с данной культурной традицией связывается генезис красносельской культуры (Зализняк, 1998);
8. Восточная граница распространения технокомплекса бромме проходит по Верхней Волге; памятники здесь представлены двумя локальными группами: волжской и окской.

Как мы видим, инвентарь подольской культуры не является прямым аналогом комплексов бромме Дании. Появление такой культуры может быть связано как с технологическими традициями пришлого населения, так и с представлениями об оптимальном наборе культурных компонентов, способствующих выживанию в периоды крупномасштабных природных сдвигов.

Усиление миграционных процессов на рубеже эпох, в условиях резких изменений климата, прослеживается на всей территории Северной Европы — в Дании (Petersen, Johansen, 1996), Швеции (Larsson, 1996), Германии (Бозинский, 1997), Польше (Sulgostowska, 1999), на Украине (Зализняк, 1989). Территория Русской Равнины не была исключением (Кольцов, 1994, Zhilin, 1996). Кроме миграции с запада населения с традициями бромме, имели место миграционные волны носителей свидерской традиции с юго-запада. Четкой границы между концом финального палеолита и началом мезолита не прослеживается. Единственной практической основой их разделения остается палеогеографический критерий, а именно рубеж, фиксируемый сменой перигляциальных условий лесными, и, как следствие этого, возникновение экономики, связанной с охотой на лесных животных.

ГЛАВА 4. РАВНИНЫ И ГОРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ПОЗДНЕСАРТАНСКОЕ ВРЕМЯ: ПРИРОДНАЯ СРЕДА, СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЯ

Хронологическая схема позднеледниковья Сибири в общих чертах намечена в работах Н. В. Кинд (1974, 1982). Согласно этой схеме, вторая половина сартанского оледенения отмечена ньяпанской волной похолодания в интервале от 15 до 13 тыс. лет. В финале оледенения выделены ранний интерстадиал (аналог пре-беллинга Европы), от 13,8 до 13,2 тыс. лет, и две более четко выраженные климатические осцилляции — кокоревский (13 – 12 тыс. лет) и таймырский (около 11,5 тыс. лет) интерстадиалы, сибирские аналоги беллинга и аллереда. Финал плейстоцена отмечен следами кратковременного резкого похолодания — норильской стадии (молодой дриас). Около 10200±100 лет назад начинается голоценовое потепление.

К сожалению, региональные палеоклиматические реконструкции для столь обширной территории пока недостаточны для построения серии палеогеографических карт, соответствующих различным стадиям позднеледниковья. Ограничимся суммарной характеристикой. На юге Западной Сибири в позднесартанское время идет накопление осадков первой надпойменной террасы, формируется система континентальных дюн (грив). В Приобье позднесартанскому времени соответствует суминский педокомплекс с датировкой около 14 тыс. лет, и баганский лесс, относимый к финалу плейстоцена. Растительность юга Западной Сибири была представлена березовым редколесьем с кустарниками. Островки древесной растительности сохранялись вдоль речных долин.

На Алтае максимальная фаза местного, аккемского, оледенения, датирована временем около 13 тыс. лет. Ледники ограничивались высокогорными хребтами. На Ангаре и Енисее сартанские отложения представлены в основном перигляциальным аллювием первой (второй, по С. М. Цейтлину) террасы со следами криогенеза. Фиксируемые в покровной толще этой террасы погребенные почвы соотносятся с позднесартанскими интерстадиалами, а нарушивший их ярус мощных криогенных трещин — с заключительным предголоценовым похолоданием. В Прибайкалье господствовали перигляциальные тундровые группировки. В Западном Забайкалье к сартанскому времени отнесены вторая (7 – 9 м) и низы аллювия первой (5 – 7 м) террас. Здесь складывается обстановка типа полупустыни с почти исключительно ксерофитной растительностью.

Перигляциальные условия сартанского времени при обезлесении территорий, перегруженности рек мелкоземным материалом и повсеместным распространением вечной мерзлоты приводили к своеобразному гидрологическому режиму рек с обилием аномально высоких половодий и паводков. Зачастую они вызывались наличием ледниковых подпруд, особенно мощных в горных районах юга Сибири. Это вело к формированию аллювиальных толщ террас с отложением одновозрастного аллювия на различных высотных отметках (Ямских, 1993). Подобная природная обстановка накладывала отпечаток на характер размещения палеолитических стоянок в речных долинах. Это же обстоятельство порой затрудняет датировку комплексов, которая в прошлом оценивалась, исходя из высотных отметок террасовых уровней.

Фаунистические остатки верхнепалеолитического комплекса, сопровождающие стоянки древнего человека, чрезвычайно обильны в Сибири. Ко времени позднеледниковья мамонт уже исчез на большей части южно-сибирского ареала, отступая к северу. На памятниках позднесартанского времени (за исключением стоянок Афонтовой Горы) его остатки представлены в основном отдельными костями и фрагментами бивней, вероятно подобранными на местах естественной гибели животных, а также изделиями из кости и бивня. То же можно сказать о шерстистом носороге, хотя в восточной части Забайкалья этот зверь дожил до конца плейстоцена.

Среди копытных, составлявших основу питания древних обитателей Сибири, особое место занимает северный олень. Его остатки чрезвычайно широко распространены на памятниках финала плейстоцена, особенно на Среднем Енисее и Ангаре. Из прочих видов оленевых отметим благородного оленя, остатки которого демонстрируют наличие обширных лесных рефугиумов в горной местности. Одну из основных ролей в питании палеолитического человека играл бизон, чрезвычайно широко распространенный в тундровых и лесных обстановках позднеледниковья Сибири. Реже встречены кости тура (в ряде случаев речь, вероятно, идет об ошибках старых определений остатков бизона) и байкальского яка.

Перигляциальные степи были излюбленным местом обитания стад диких лошадей, куланов или джигетаев, антилопы сайги. Менее распространены были иные формы антилоп — дзерен, а также встреченные исключительно в Забайкалье джейран и винторогая антилопа. Единично встречены остатки косули, роль которой, как лося и кабарги, возрастает с увеличением площади лесных массивов в финале плейстоцена. В фаунистических комплексах стоянок, расположенных в горной местности, многочисленны остатки горного барана и сибирского козерога, реже снежного барана.

Группа хищных представлена немногочисленными остатками бурого медведя, росомахи, лисицы, корсака, серого волка и рыси. Более распространен песец. В пещерных комплексах Алтая встречаются кости гиены и пещерного медведя. Единичны остатки пещерного льва. На ряде памятников многочисленны кости зайца. Имеются находки птиц и рыб, хотя численность последних трудно оценить ввиду прямой зависимости их числа от условий сохранности.

ОБЗОР ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Памятники финала плейстоцена неравномерно представлены в основных районах юга Сибири (рис. 20). Главная проблема при отборе фактической базы исследования состоит в неопределенности датировок. С одной стороны, в большинстве случаев трудно дифференцировать средне- и позднесартанские комплексы, с другой, при отсутствии достоверных радиоуглеродных датировок и неопределенности геологического возраста покровных отложений, бывает неясно, имеем ли мы дело с финальноплейстоценовыми, или раннеголоценовыми культурными слоями. В такой ситуации находятся не только единичные комплексы, но и целые массивы местонахождений, в частности практически все стоянки открытого типа на Алтае, в долинах Бии и Катунь, а также в Кузбассе. То же можно сказать по поводу позднепалеолитических памятников восточной части Забайкалья.

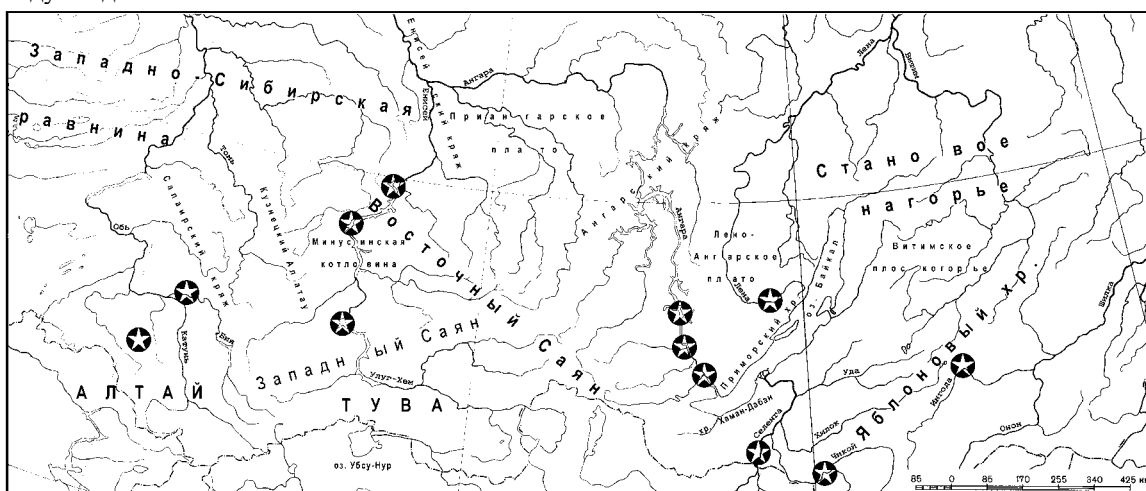

Рис. 20. Основные места сосредоточения стоянок поздней поры верхнего палеолита на территории Южной Сибири.

Западная Сибирь

Огромная территория юга Западно-Сибирской Равнины остается очень мало изученной (рис. 21). В Прииртышье известна единственная стоянка Черноозерье II (рис. 22), связанная с отложениями древней дюны на уровне 11 – 12 м террасы (Генинг, Петрин, 1985).

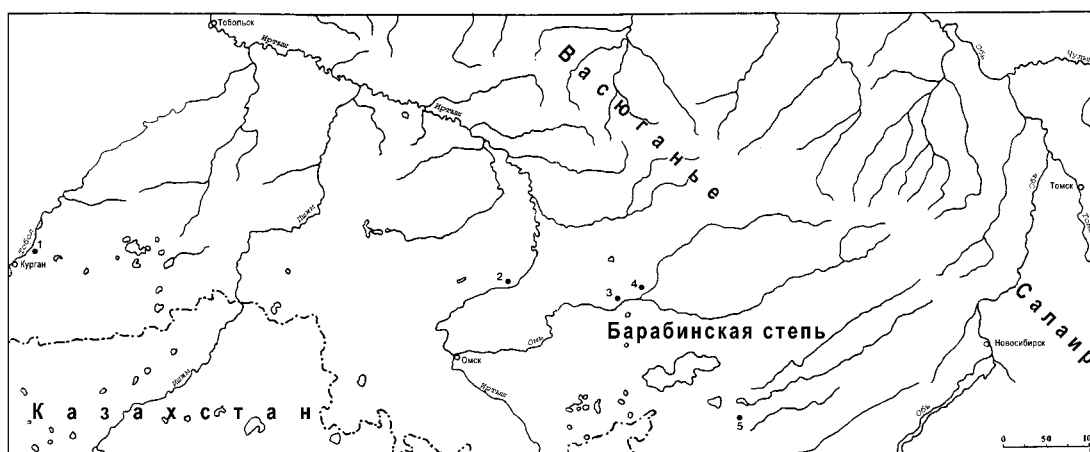

Рис. 21. Карта основных стратифицированных памятников поздней поры верхнего палеолита юга Западной Сибири.

1 – Шикаевка II; 2 – Черноозерье II; 3 – Ново-Тартасская; 4 – Венгерovo V; 5 – Волчья Грива.

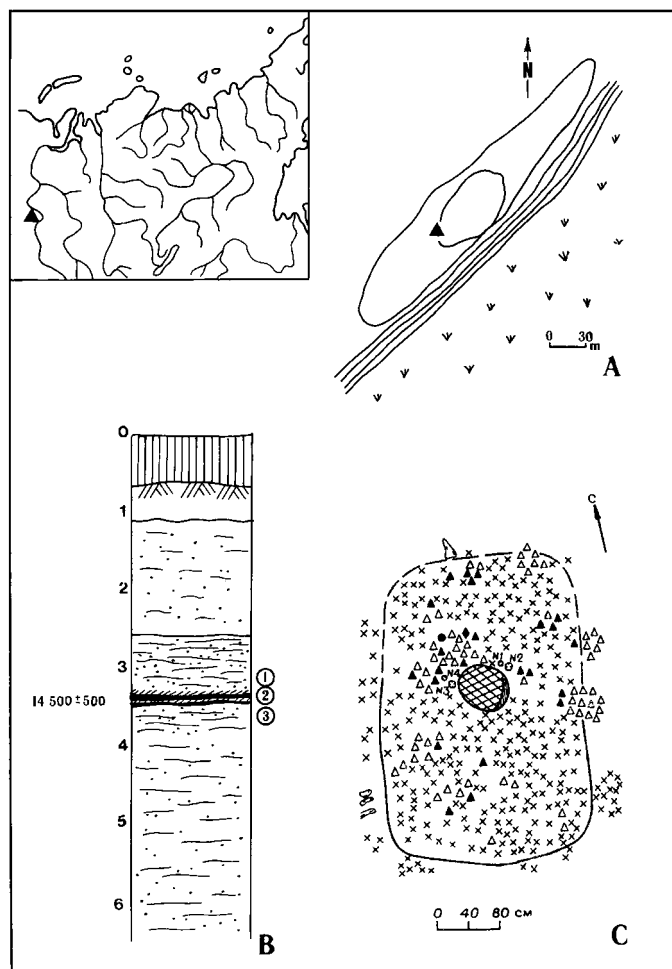

Рис. 22. Черноозерье II (по В. Т. Петрину).

A – расположение стоянки; *B* – стратиграфия; *C* – план остатков наземного жилища.

В разрезе вскрыты:

1.	Насыпной грунт	0,74 м
2.	Желтоватая супесь — нижняя часть современной почвы	0,65 м
3.	Желтоватый песок	0,65 м
4.	Желтоватый песок с прослоями серого песка	0,3 м
5.	Переслаивание желтовато-охристых и серых супесей. Видны следы мощных криотурбаций — «мерзлотные котлы». В нижней части — многочисленные культурные остатки (1 слой)	0,55 м
6.	Две сажистые прослойки, находки из которых объединены авторами раскопок как 2 культурный слой	0,08 м
7.	Охристо-серые, серые и желтоватые пески и супеси. Происходящие отсюда артефакты рассматриваются как 3 культурный слой	0,49 м
8.	Серовато-желтый песок	0,8 м
9.	Сероватый песок	1,07 м
10.	Переслаивание серых песков и супесей	1,05 м

По образцу угля из культурных слоев 2 и 3 получена объединенная датировка порядка 14,5 тыс. лет, которая считается удрененной (табл. 12). По мнению С. М. Цейтлина (1979), приуроченность большинства культурных остатков к гумусированным прослойкам указывает на время позднесартанского потепления (порядка 11 – 12 тыс. лет). В составе фауны преобладает бизон, есть сайга и лошадь, многочисленны кости зайца, кости и чешуя рыб. Судя по составу фаунистических остатков, преобладали открытые пространства с лесами по долинам рек.

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. Номер	Литература
Черноозерье II	2-3	14500±50	древ.уголь	ГИН-122	Генинг, Петрин, 1985
Волчья Грива		17800±100	кость	ГИН-11463	Зенин, 2005
Волчья Грива		14800±150	кость	СОАН-111А	Зенин, 2005
Волчья Грива		14200±150	кость	СОАН-78	Зенин, 2005
Волчья Грива		13600±230	кость	СОАН-111	Зенин, 2005
Волчья Грива		14280±285	кость	СОАН-4292	Зенин, 2005
Волчья Грива		12520±150	кость	СОАН-4293	Зенин, 2005
Волчья Грива		11090±120	кость	СОАН-4291	Зенин, 2005
Денисова, привходовая часть	1	10800±40	древ.уголь	СОАН-2865	Деревянко и др., 2003
Денисова, привходовая часть	1	10690±65	древ.уголь	СОАН-2866	Деревянко и др., 2003
Денисова, привходовая часть	1	9890±40	древ.уголь	СОАН-2864	Деревянко и др., 2003
Каминная	12	13870±390	кость	СОАН-3920	Деревянко и др., 2000
Каминная	11г	13550±140	кость	СОАН-3919	Деревянко и др., 2000
Каминная	11в	12160±225	кость	СОАН-3918	Деревянко и др., 2000
Каминная	11б	10860±360	древ.уголь	СОАН-3514	Деревянко и др., 2000
Каминная	11а	10870±150	древ.уголь	СОАН-3702	Деревянко и др., 2000
Каминная	11а	10310±330	древ.уголь	СОАН-3402	Деревянко и др., 2000
Каминная	A1	11990±140	древ.уголь	СОАН-2551	Лисицын, Свеженцев, 1997
Каминная	A1	9335±2553	кость	СОАН-2553	Лисицын, Свеженцев, 1997
Тыткескенъ III	6	12850±205	древ.уголь	СОАН-2989	Деревянко и др., 1998
Большой Кемчуг		10980±55	древ.уголь	СОАН-1125	Лисицын, Свеженцев, 1997
Большой Кемчуг		10890±60	древ.уголь	СОАН-1126	Лисицын, Свеженцев, 1997
Афонтова Гора II	ниже 5	14180±60*	древ.уголь	GrA-5554	Дроздов, Артемьев, 1997
Афонтова Гора II	ниже 5	12400±60*	древ.уголь	GrA-5555	Дроздов, Артемьев, 1997
Афонтова Гора II	5	15130±795	кость	СОАН-3251	Vasil'ev et al., 2002
Афонтова Гора II	4	14070±110	древ.уголь	СОАН-3075	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	4	13930±80	древ.уголь	ГИН-7541	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	4	13650±70	древ.уголь	ГИН-7540	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	выше 4	13390±260*	древ.уголь	GrN-22275	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	3б	13990±110*	древ.уголь	GrN-22274	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	3а	14330±95	древ.уголь	СОАН-3077	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	3а	13350±60	древ.уголь	ГИН-7539	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	2	14200±60*	древ.уголь	GrA-5556	Дроздов, Артемьев, 2005
Афонтова Гора II	2	13310±140	древ.уголь	ГИН-7542	Дроздов, Артемьев, 2005
Лиственка	12Г	19000±60*	древ.уголь	Beta-58391	Vasil'ev et al., 2002

Табл. 12. Радиоуглеродные датировки стоянок поздней поры верхнего палеолита южной Сибири. Звездочкой отмечены АМС-датировки.

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. Номер	Литература
Лиственка	12Г	13100±410	древ.уголь	ГИН-6965	Деревянко и др., 1992б
Лиственка	9	14170±80	древ.уголь	ГИН-6967	Деревянко и др., 1992б
Лиственка	8	12750±140	древ.уголь	ИГАН-1078	Деревянко и др., 1992б
Лиственка	7	14750±250	древ.уголь	ГИН-6092	Деревянко и др., 1992б
Лиственка	6	13850±485	древ.уголь	СОАН-3463	Vasil'ev et al., 2002
Лиственка	6	13580±350	древ.уголь	ИГАН-1079	Деревянко и др., 1992б
Большая Слизнева	8	13540±500	древ.уголь	СОАН-3315	Vasil'ev et al., 2002
Большая Слизнева	7	12930±60	кость	СОАН-3009	Vasil'ev et al., 2002
Бирюса I	4	14700±270	кость	ЛЕ-4962	Кузьмина, Сеницына, 1995
Бирюса I	4	14680±400	кость	ЛЕ-4910	Кузьмина, Сеницына, 1995
Бирюса I	4	14200±70	кость	ГИН-8077	Лисицын, Свеженцев, 1997
Бирюса I	4	13840±90	кость	ГИН-8075	Лисицын, Свеженцев, 1997
Бирюса I	3а	14480±400	кость	ЛЕ-3777	Кузьмина, Сеницына, 1995
Пещера Еленева, раскоп 1		13665±90	кость	СОАН-3333	Vasil'ev et al., 2002
Пещера Еленева, раскоп 2		12050±325	древ.уголь	СОАН-3307	Vasil'ev et al., 2002
Пещера Еленева, раскоп 2		12040±160	древ.уголь	СОАН-3308	Vasil'ev et al., 2002
Пещера Еленева, раскоп 2		12085±105	древ.уголь	СОАН-3309	Vasil'ev et al., 2002
Пещера Еленева, раскоп 2		11430±115	кость	СОАН-3310	Vasil'ev et al., 2002
Пещера Еленева, раскоп 2		10080±60		СОАН-2981	Чеха и др., 2000
Пещера Еленева	21	10395±85		СОАН-3256	Чеха и др., 2000
Пещера Еленева	21	10380±85	кость	СОАН-3255	Чеха и др., 2000
Пещера Еленева	20	10460±95	кость	СОАН-3254	Чеха и др., 2000
Пещера Еленева	19	11250±335	кость	СОАН-3253	Чеха и др., 2000
Пещера Еленева	18	12040±150	кость	СОАН-3252	Чеха и др., 2000
Пещера Еленева	16-17	10845±310	древ.уголь	СОАН-2948	Чеха и др., 2000
Конжул	нижний	12160±175		СОАН-4954	Акимова и др., 2004
Конжул		11980±150		СОАН-4953	Акимова и др., 2004
Новоселово XIII	1	15030±620	кость	ЛЕ-4896	Лисицын, Свеженцев, 1997
Новоселово XIII	1	13630±200	кость	ЛЕ-4805	Лисицын, Свеженцев, 1997
Кокорево IVA	3-5	14320±330	древ.уголь	ЛЕ-469	Абрамова, 1979а
Дивный I		13220±150	кость	ЛЕ-4806	Лисицын, Свеженцев, 1997
Таштык I	1	12880±130	кость	ЛЕ-4980	Лисицын, Свеженцев, 1997
Таштык I	1	12180±120	древ.уголь	ЛЕ-771	Абрамова, 1979а
Таштык II	2	13550±320	кость	ЛЕ-4801	Лисицын, Свеженцев, 1997
Кокорево III		12690±140	древ.уголь	ЛЕ-629	Абрамова, 1979а

Табл. 12. Радиоуглеродные датировки стоянок поздней поры верхнего палеолита южной Сибири. Звездочкой отмечены АМС-датировки (продолжение).

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. Номер	Литература
Кокорево I	3	15900±250	древ.уголь	ИГАН-104	Абрамова, 1979б
Кокорево I	3	14450±150	древ.уголь	ЛЕ-628	Абрамова, 1979б
Кокорево I	3	13300±50	древ.уголь	ГИН-91	Абрамова, 1979б
Кокорево I	3	13000±50	кость	ИГАН-102	Абрамова, 1979б
Кокорево I	2	15200±200	древ.уголь	ИГАН-105	Абрамова, 1979б
Кокорево I	2	13100±500	кость	ИГАН-103	Абрамова, 1979б
Кокорево I	2	12940±270	древ.уголь	ЛЕ-526	Абрамова, 1979б
Новоселово VI		13570±140	кость	ЛЕ-5045	Лисицын, 2000
Новоселово VI		11600±500	древ.уголь	ГИН-403	Абрамова, 1979б
Новоселово VII		15950±120	кость	ЛЕ-4802	Лисицын, 2000
Новоселово VII		15000±300	древ.уголь	ГИН-402	Абрамова, 1979б
Новоселово VII		14220±170	кость	ЛЕ-4803	Лисицын, 2000
Майнинская	4	13690±390	кость	ЛЕ-4251	Васильев, 1996
Майнинская	4	12910±100	кость	ЛЕ-2133	Васильев, 1996
Майнинская	3	14070±150	кость	ЛЕ-2149	Васильев, 1996
Майнинская	3	13900±150	кость	ЛЕ-2149	Васильев, 1996
Майнинская	3	12330±150	кость	ЛЕ-2149	Васильев, 1996
Майнинская	3	12120±650	кость	ЛЕ-4252	Васильев, 1996
Майнинская	2-2	10800±200	древ.уголь	ЛЕ-2378	Васильев, 1996
Майнинская	2-1	12280±150	кость	ЛЕ-2300	Васильев, 1996
Майнинская	2-1	12120±120	кость	ЛЕ-2300	Васильев, 1996
Майнинская	1	15500±150	кость	ЛЕ-2299	Васильев, 1996
Майнинская	A-3	19300±350*	кость	AA-38055	Васильев и др., 2005
Майнинская	A1-A3	11700±100	кость	ЛЕ-3019	Васильев, 1996
Майнинская	A1	12110±220	кость	ЛЕ-4255	Васильев, 1996
Уй II	7	14150±140*	кость	AA-38050	Васильев и др., 2005
Уй II	6	14310±3600	древ.уголь	ЛЕ-3717	Лисицын, Свеженцев, 1997
Уй II	6	13900±150*	кость	AA-60038	Васильев и др., 2005
Уй II	5	12440±130*	кость	AA-60037	Васильев и др., 2005
Уй II	4	13480±140*	кость	AA-38049	Васильев и др., 2005
Уй II	4	11970±230	древ.уголь	ЛЕ-3609	Лисицын, Свеженцев, 1997
Уй II	4	10760±420	древ.уголь	ЛЕ-3713	Лисицын, Свеженцев, 1997
Уй II	3a	12970±120*	кость	AA-38048	Васильев и др., 2005
Уй II	3	12880±60*	кость	AA-38047	Васильев и др., 2005
Уй II	2	13260±270*	кость	AA-60036	Васильев и др., 2005
Голубая I	3	13650±180	древ.уголь	ЛЕ-1101d	Астахов, 1986
Голубая I	3	13050±90	древ.уголь	ЛЕ-1101a	Астахов, 1986
Голубая I	3	12900±150	кость	ЛЕ-1101b	Астахов, 1986
Голубая I	3	12980±140	кость	ЛЕ-1101c	Астахов, 1986
Стрижовая Гора	16	12090±120	кость	ГИН-5822	Генералов, 2000
Стрижовая Гора	15	12000±150	кость	ГИН-5821	Генералов, 2000
Стрижовая Гора	14	12250±150	кость	ГИН-5820	Генералов, 2000
Стрижовая Гора	13	11890±60	кость	ГИН-5819	Генералов, 2000
Стрижовая Гора	13	10850±300	кость	СОАН-406	Генералов, 2000
Стрижовая Гора	12	11350±100	кость	ГИН-5818	Генералов, 2000

Табл. 12. Радиоуглеродные датировки стоянок поздней поры верхнего палеолита южной Сибири. Звездочкой отмечены АМС-датировки (продолжение).

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. Номер	Литература
Потанчет IV	4	11560±455	кость	ГИН-5759	Абдулов, 2001
Усть-Кова	верхний	14220±110	древ.уголь	ЛЕ-1372	Дроздов и др., 1990
Игирма	7	11350±180	кость	СОАН-784	Лисицын, Свеженцев, 1997
Усть-Белая	14	11930±230	кость	ГИН-5329	Бердникова, Воробьева, 2005
Усть-Белая	14	11840±75*		АА-36914	Бердникова, Воробьева, 2005
Усть-Белая	14б	11765±70*		АА-36951	Бердникова, Воробьева, 2005
Сосновый Бор	3б	12060±120	кость	ГИН-5328	Воробьева, 1991
Сосновый Бор	4	12090±110*	кость	АА-38038	Vasil'ev et al., 2002
Мальта		12490±90*		АА-37473	Бердникова, 2003
Мальта		12140±90*		АА-37186	Бердникова, 2003
Мальта		12015±85*		Аа-20930	Бердникова, 2003
Верхоленская Гора I	3д	12570±180	древ.уголь	Мо-441	Воробьева и др., 1990
Макарово II	4	11950±50	древ.уголь	ГИН-481	Воробьева и др., 1990
Макарово II	3	11860±200	древ.уголь	ГИН-480а	Воробьева и др., 1990
Макарово II	3	11400±500	древ.уголь	ГИН-480б	Воробьева и др., 1990
Шишкино II	3	13900±200	древ.уголь	ГИН-5634	Аксенов, 1998
Усть-Кяхта III	2	12595±150	кость	СОАН-1553	Окладников, 1981
Усть-Кяхта III	1	11505±100	кость	СОАН-1552	Окладников, 1981
Усть-Кяхта XVII	6	11375±110	кость	СОАН-3093	Ташак, 1996
Усть-Кяхта XVII	5	12230±100	кость	ГИН-8493б	Ташак, 1996
Усть-Кяхта XVII	5	12100±80	кость	ГИН-8493а	Ташак, 1996
Усть-Кяхта XVII	5	11500±100	кость	СОАН-3092	Ташак, 1996
Усть-Кяхта XVII	3	11680±155	кость	СОАН-3091	Ташак, 1996
Ошурково	3	10900±500	древ.уголь	ГИН-302	Лисицын, Свеженцев, 1997
Ошурково	3	11630±140	древ.уголь	ГИН-6121	Лисицын, Свеженцев, 1997
Ошурково	3	11230±80	древ.уголь	ГИН-5787	Лисицын, Свеженцев, 1997
Ошурково	3	9700±700	древ.уголь	ГИН-5796	Лисицын, Свеженцев, 1997
Мухор-Тала VII		11630±300	древ.уголь	СОАН-3468	Лбова, 2000
Мухор-Тала VII		11240±360	древ.уголь	СОАН-3467	Лбова, 2000
Мухино	7	13270±140	кость	ГИН-5791	Лисицын, Свеженцев, 1997
Студеное I	19/4	11314±160	древ.уголь	ИЭМЭЖ-199	Константинов А. В., 2001
Студеное I	19/4	11030±380	древ.уголь	ГИН-2938	Константинов А. В., 2001
Студеное I	19/1	12330±60	древ.уголь	ГИН-6139	Константинов А. В., 2001
Студеное I	18/2	12800±400	древ.уголь	ГИН-2947	Константинов А. В., 2001
Студеное I	18/1	13,430±150	древ.уголь	ЛЕ-2061	Константинов А. В., 2001
Студеное I	18/1	12110±150	древ.уголь	ГИН-2935	Константинов А. В., 2001

Табл. 12. Радиоуглеродные датировки стоянок поздней поры верхнего палеолита южной Сибири. Звездочкой отмечены АМС-датировки (продолжение).

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. Номер	Литература
Студеное I	17	12140±150	древ.уголь	ГИН-2934	Константинов А. В., 2001
Студеное I	17	12130±150	древ.уголь	ГИН-2934а	Константинов А. В., 2001
Студеное I	16	11630±50	древ.уголь	СОАН-1656	Константинов А. В., 2001
Студеное I	16	11340±200	древ.уголь	ГИН-2932	Константинов А. В., 2001
Студеное I	15	14900±2000	древ.уголь	ГИН-2931	Константинов А. В., 2001
Студеное I	15	12290±130	древ.уголь	ЛЕ-2062	Константинов А. В., 2001
Студеное I	15	11660±400	древ.уголь	ГИН-2930	Константинов А. В., 2001
Студеное I	15	11340±180	древ.уголь	ГИН-2931а	Константинов А. В., 2001
Студеное I	14	12300±700	древ.уголь	ГИН-2925	Константинов А. В., 2001
Студеное I	14	11395±100	древ.уголь	СОАН-1655	Константинов А. В., 2001
Студеное I	14	10975±135	древ.уголь	СОАН-1654	Константинов А. В., 2001
Студеное I	13/1	10755±140	древ.уголь	СОАН-6353	Константинов А. В., 2001
Студеное I	12	12510±175	древ.уголь	СОАН-1652	Константинов А. В., 2001
Студеное I	11	12510±80	древ.уголь	СОАН-1651	Константинов А. В., 2001
Студеное I	10	12550±280	древ.уголь	СОАН-1650	Константинов А. В., 2001
Усть-Менза I	14	11820±120	древ.уголь	ГИН-7161	Константинов А. В., 2001
Усть-Менза I	13	11350±250	древ.уголь	ГИН-5503	Константинов А. В., 2001
Усть-Менза I	11	10380±250	древ.уголь	ГИН-5459	Константинов А. В., 2001
Косая Шивера I	14	12070±300	древ.уголь	ГИН-6123	Константинов А. В., 2001
Сухотино IV	2	11900±130	кость	СОАН-841	Окладников, Кириллов, 1980

Табл. 12. Радиоуглеродные датировки стоянок поздней поры верхнего палеолита южной Сибири. Звездочкой отмечены АМС-датировки (окончание).

По мнению геологов, древний человек обитал здесь на берегу реки под прикрытием песчаной дюны. Различные очажные комплексы встречены на многих уровнях, и можно реконструировать как минимум 10 – 15 эпизодов обитания. Исходя из возрастных характеристик зайцев и других фактов, предполагается осенне-зимнее обитание на стоянке. Широкая представленность различных частей скелета животных говорит в пользу осуществления охотничьей деятельности неподалеку от стоянки. Охота сочеталась с развитым рыболовством.

В результате проведенных В. Т. Петриным в 1968 – 1971 г.г. раскопок на общей площади более 2100 кв. м, выделен ряд структур обитания, особенно многочисленных во 2 культурном слое. Остатки концентрировались вокруг очагов, иногда сопровождавшихся ямками. Одно из таких скоплений, размерами 2,5 x 4 м, интерпретируется как наземное жилище. Выявлены также изолированные скопления предметов расщепленного камня — отщепов, скребков.

Черноозерье II доставило пластинчатую индустрию, основанную на одно- и двуплощадочных призматических нуклеусах. Однако есть серия крупных ядрищ на гальках. Среди орудий более половины составляют скребки на отщепах и пластинках, имеются ретушированные пластинки, резцы, выемчатые орудия, чопперы и др. Особый интерес вызывает великолепный костяной кинжал с сохранившимися в пазах кремневыми вкладышами, украшенный геометрическим орнаментом. Найдены фрагменты вкладышевых орудий, проколки, иглы, ложила, подвески, обломки диадем и кинжалов со следами орнаментации.

Сложнее составить представление об облике знаменитого «мамонтового кладбища» на Волчьей Гриве в Барабинской степи. Скопления костей здесь связаны с глинистыми отложениями древнего слабо проточного водоема. Новейшими раскопками здесь выявлено наличие двух костеносных горизонтов, формировавшихся, вероятно, в течение длительного времени, от 17 до 11 лет. С деятельностью человека связаны находки немногочисленных артефактов (в основном пластинок), фиксирующих эпизодическое посещение места (Зенин, 2005).

На территории Барабинской степи изучено несколько других пунктов с палеолитическими находками. Необычен характер комплекса стоянки Венгерова V, где в отложениях гривы, соответствовавшей уровню второй надпойменной террасы, среди поздних археологических остатков выделена яма, содержащая кости бизона, шерстистого носорога, рыбу чешую, отщепы, пластинки и скребок из кварцита. В аналогичных геолого-геоморфологических условиях встречены кости мамонта в сопровождении нескольких кремневых и кварцитовых пластинок и обломка нуклеуса на Ново-Тартасской стоянке (Окладников, Молодин, 1983). Отметим, правда, что датировка двух упомянутых стоянок временем финального плейстоцена основана больше на косвенных признаках. Нельзя исключить более ранний возраст комплексов.

Алтай

Палеолит Предалтайской равнины исследован очень слабо (рис. 23). Едва ли не единственным свидетельством освоения этого района палеолитическим человеком является стоянка Мохнатушка I в районе Барнаула, где немногочисленные орудия встречены в песках барнаульской свиты (Кунгуров, 1990).

В значительно большей мере изучен финальный палеолит Алтая, особенно северо-западной его части, где в долине Ануя располагаются многочисленные стоянки как пещерного, так и открытого типа.

В центральной камере Денисовой пещеры выше мустьерских и ранних верхнепалеолитических слоев зафиксирован небольшой, но выразительный комплекс финала палеолита (Деревянко и др., 2003). В слое 9 найдены призматические нуклеусы, скребки на пластинках, скребла на пластинах и прекрасный образец сегмента — единственный в своем роде для финального палеолита Северной Азии геометрический микролит. Сообщается об открытии на привходовой площадке пещеры серии слоев (2–4) с позднепалеолитической каменной и костяной индустрией. Они залегают ниже уровня, датированного по радиоуглероду от 10,8 до 9,8 тыс. лет.

Рубежом плейстоцен-голоцен датированы слои A₁-A₃ Каминной пещеры (Деревянко, Гричан, 1990). Здесь артефакты в сопровождении поздней примеси встречены совместно с фауной носорога и лошади. По верхней части отложений (горизонт A₁) получены датировки около 9,3 и 12 тыс. лет. Памятник доставил пластинчатую индустрию, причем крупные пластины сочетались с микропластинками. Интересно наличие изделий из бивня мамонта (кольцо).

Новые раскопки пещеры выявили сложную последовательность напластований сартанского времени. Из их числа нас интересуют комплексы 12 и 11 слоев с датировками от 13 до 10 тыс. лет. Здесь встречена пластинчатая индустрия с призматическими и клиновидными нуклеусами, ретушированными пластинами, микропластинками, скребками, резцами, костяными иглами (Маркин, 2005).

Отдельные предположительно финальнопалеолитические находки поступили из слоя 3а в пещере Страшной (Зенин, 1993) и из пещеры Искра (Деревянко и др., 1998).

Среди стоянок открытого типа северо-западного Алтая материалы финального палеолита отмечены на пункте Усть-Каракол I (Деревянко и др., 2003). Отметим, что в разрезе на уровне 2 культурного слоя определен палеомагнитный экскурс геттеборг (11 – 13 тыс. лет).

Основное сосредоточение позднепалеолитических стоянок на Алтае — долины Бии и Катунь. Здесь находится наиболее представительный памятник финала палеолита в регионе — стоянка Сростки, расположенная на 50 м возвышенности над Катунью (рис. 24). Памятник был открыт в 1935 г. и исследовался в довоенные годы Г. П. Сосновским (1941). Три культурных горизонта были приурочены к основанию современной почвы и подстилающим лессовидным супесям. Нижние уровни залегания могут быть отнесены ко времени заключительного похолодания сартанской эпохи. В раскопе был вскрыт ряд очажных комплексов, в основном приуроченных к нижнему горизонту. В качестве основного сырья обитатели памятника использовали кварц, кварцит, лидит и яшмовидные породы, подбиравшиеся на

речном галечнике. Индустрия основана на скалывании отщепов и пластин с одно- и двуплощадочных ядрищ, есть заготовки леваллуазских нуклеусов. Развита микротехника, базирующаяся на клиновидных, торцовых и кельтовидных нуклеусах. Среди орудий доминируют разнообразные скребла, частично изготовленные на гальках. Специфичны формы узких скребел-ножей, несколько напоминающих ножи типа шательперрон. Другие орудия представлены скребками на отщепах, ретушированными пластинами, резцами, выемчатыми и клювовидными формами, чопперами и др.

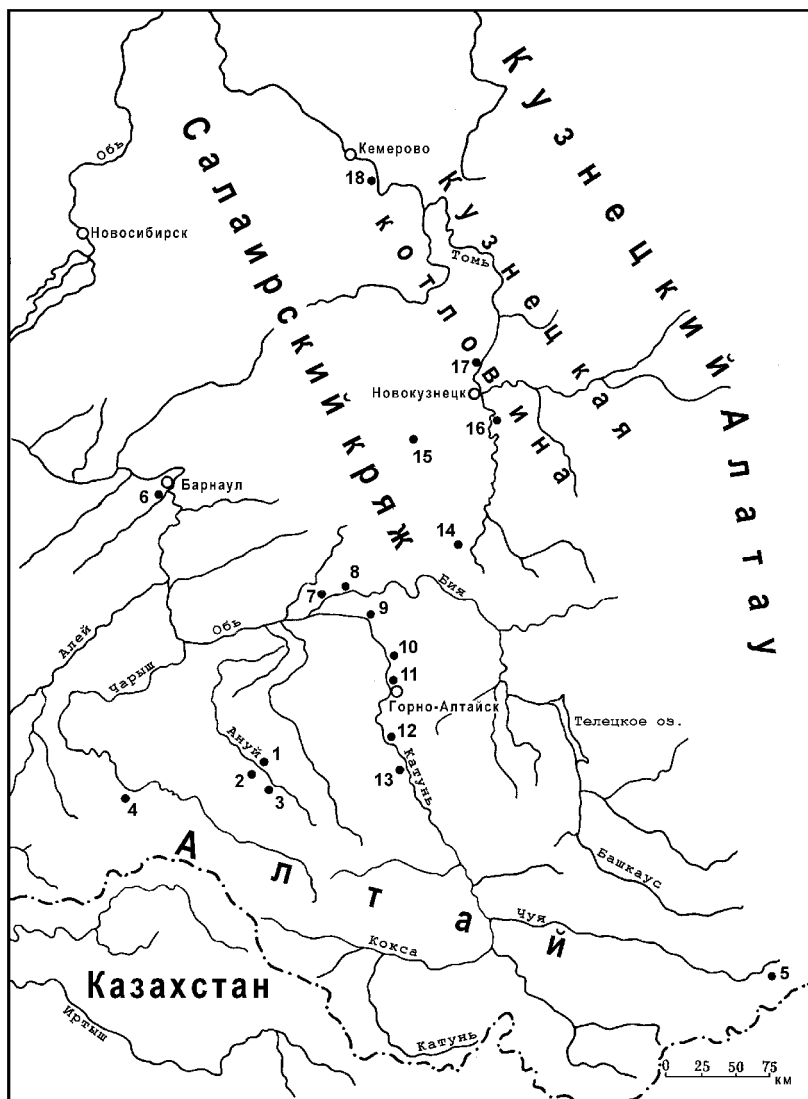

Рис. 23. Карта основных стратифицированных памятников поздней поры верхнего палеолита Алтая и Кузбасса.

1 – Денисова пещера, пещера Искра; 2 – Усть-Каракол I; 3 – Каминная пещера; 4 – пещера Страшная; 5 – Юстыд I; 6 – Мохнатушка I; 7 – Бийская, Камешок I, III; 8 – Сопка Урожайная, Бехтемировская, Чебашихинская Гора; 9 – Сростки; 10 – Усть-Иша III; 11 – Майма, Майма I; 12 – Усть-Сема, Усть-Кулом; 13 – Тыткескен III; 14 – Ушлеп II, III, V, VI, Школьная Гора I; 15 – Куюк V, Нахаловка I, Точка II, Колонково I; 16 – Сарбала III; 17 – Митино, Ильинка II-IV, Шорохово I, II, Бедарево II; 18 – Шумиха I.

Сходные со Сростками индустрии широко распространены в окружающих районах. К сожалению, эти пункты по большей части связаны с «немыми» покровными отложениями, они должным образом не исследованы специалистами-естественниками и практически не доставили костных остатков (Усть-Иша III, Красная Гора на Катуне, 3 слой стоянки Камешок I, Камешок III, Бехтемировская, Чебашихинская Гора на Бие; Кунгуров, 1993).

Наиболее представительна коллекция с местонахождения Сопка Урожайная, где находки были приурочены к слою лессовидного суглинка, перекрывавшего останец коренных пород (Деревянко и др., 1992). Южнее располагается стоянка Майма (Лапшин, Кадиков, 1981). Она была связана с отложениями

18 – 20 м террасы Катунь. Частично разрушенный палеолитический культурный слой залегал в верхней части разреза террасы. В основании слоя был вскрыт очаг, окруженный кольцевой выкладкой из галек, а также плоская вымостка из залегавших в один слой камней диаметром около 1 м. Индустрия памятника включает крупные ядрища на гальках, разнообразные скребла (в том числе бифасиальные, конвергентные, обработанные по периметру), долотовидные изделия, резцы, проколки, ретушированные пластинки. В аналогичных стратиграфических условиях неподалеку была открыта стоянка Майма I (Кунгурова, 1992).

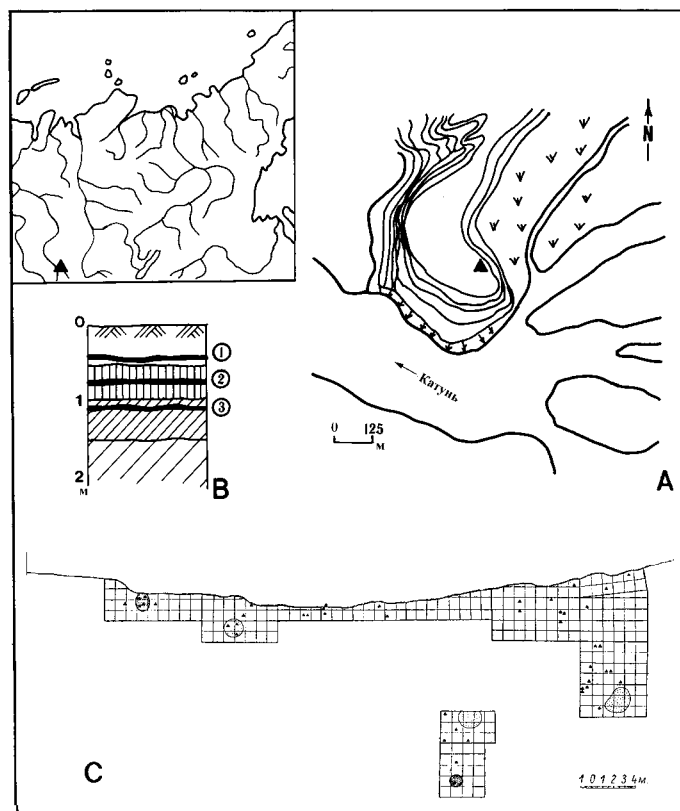

Рис. 24. Сротки (по Г. П. Сосновскому)

A – расположение стоянки; B – стратиграфия; C – план скоплений культурных остатков в нижнем горизонте памятника.

Несколько иную по характеру индустрию доставил нижний слой стоянки Усть-Сема, где присутствуют дисковидные нуклеусы, выразительная серия резцов и чопперов (Кунгуров, Кадиков, 1985). Однако геологическая ситуация на данном памятнике, как и на стоянке Усть-Куюм, доставившим сходную индустрию, остается неясной. В последнем случае на сохранившихся в толще лессовидной супеси участках палеолитического (четвертого) культурного слоя удалось выявить остатки обложенных гальками очагов, скопления каменных орудий и даже следы столбовых(?) ямок (Кунгурова, 1994). Отметим один из немногих датированных комплексов — 6 культурный слой стоянки Тыткескень III. Памятник связан с делювиально-эоловыми песками в верхней части разреза III террасы Катунь. По предварительным данным, комплекс доставил пластинчатую индустрию (Семибратов, 1995).

Выше по Катунь палеолитические остатки зафиксированы на пункте Каратурук (Кадиков, Лапшин, 1978). Они залежали в слое лессовидного суглинка 6 – 8 м террасы в долине р. Узнези. Кремневая индустрия включает одноплощадочные нуклеусы на гальках, призматические, конические и клиновидные формы микронуклеусов. Встречены скребки на отщепеах и пластинах, резцы, ретушированные пластины, выемчатые орудия и выразительный бифасиальный остроконечник.

Южнее, в Чуйской котловине, предположительно позднепалеолитические остатки зафиксированы на четырех уровнях в разрезе 3 – 3,5 м террасы на пункте Юстыд I и ряде поверхностных местонахождений (Деревянко, Маркин, 1987).

В долине Бии исследована Бийская стоянка (Сергеев, 1939), приуроченная к отложениям лессовидных суглинков второй террасы. Открыты остатки очага и немногочисленные орудия.

Далее на северо-запад, в Солтонской впадине, А. Л. Кунгуровым (1987) изучен интереснейший комплекс Ушлеп III. Памятник был связан с покровными глинами 15 – 20 м террасовидного мыса. В слое расчищена овальная в плане выкладка из камней диаметром 1 м. Индустрия основана на преимущественном использовании кварцитов, извлекавшихся из аллювия бортов долины. Эта оригинальная пластинчатая индустрия представлена одно- и двуплощадочными призматическими ядрищами, есть серия пластинок с ретушным усечением концов, скребки, скребла, угловые резцы, ретушированные отщепы и др. Трасологический анализ показал преобладание деятельности по разделке туш животных, в качестве мясных ножей использовались вкладышевые орудия, поскольку пластинки-вкладыши имеют следы сработанности.

На расположенной неподалеку на высоком цокольном мысу стоянке Ушлеп VI к финалу палеолита отнесен комплекс 2 культурного слоя, связанного с остатками погребенной почвы в толще покровного суглинка. Из числа других предположительно позднесартанских комплексов этого сосредоточения памятников назовем 2 культурный слой многослойной стоянки Ушлеп V, пункт Ушлеп II, Школьная Гора I и др. (Кунгуров, 1993, Маркин, 1998а, 1998б).

Новая группа стоянок, также предположительно отнесенных к финалу плейстоцена, исследована на р. Чумыш. Это пункты Куюк V, Нахаловка I, Точка II, Колонково I и др. (Кунгуров, Маркин, 1996).

Кузбасс

Немногочисленные стоянки, известные на Кондоме и Томи, приурочены к «немым» в палеонтологическом плане позднесартанскими суглинками низких уровней надпойменных террас (Сарбала III, Митино, Ильинка III, IV, Шорохово II и др.).

Представительная коллекция получена из 2 слоя стоянки Бедарево, где культурные остатки в сопровождении костей лошади и бизона были встречены в отложениях третьей террасы. Пластинчатая индустрия памятника основана на использовании кремня и кремнисто-глинистого сланца. Имеются одно- и двуплощадочные ядрища для пластин, ретушированные пластины, зубчато-выемчатые изделия, угловые и срединные резцы, скребки на отщепках и пластинах, долотовидные изделия, пластинки с притупленным краем, чопперы и др.

Сходная индустрия поступила из стоянки Ильинка II, 2 культурный слой которой залегал в покровном суглинке 35 – 40 м террасы, несущем следы криогенеза. На пункте Шорохово I кремни залежали в лессовидном суглинке третьей террасы, в культурном слое было открыто скопление культурных остатков вокруг западины. Несколько отличается от перечисленных стоянок комплекс Шумихи I, где культурные остатки также были приурочены к суглинкам третьей террасы. Состав инвентаря памятника с обилием ядрищ заставляет полагать, что перед нами мастерская (Маркин, 1986).

В долине Чулыма позднелпалеолитические находки немногочисленны (рис. 25). В свое время А. П. Окладников (1981) раскапывал здесь стоянку Большой Кемчуг, приуроченную к 16 – 20 м террасе. Культурные остатки были связаны со слоем покровных глин. Судя по единственной радиоуглеродной датировке, комплекс относился к финалу палеолита. Новейшие изыскания в данном районе показали, что мы имеем дело с группой разновременных местонахождений, геологический возраст и корреляцию которых еще предстоит установить.

Енисей

Рассмотрим богатейшие материалы, полученные со стоянок енисейской долины. Крайний изолированный пункт находок к северу от Красноярска — стоянка Дружиниха. Культурный слой ее был приурочен к останцу II террасы, к покровным супесям. В фауне преобладают кости северного оленя, есть остатки мамонта и лошади. Несмотря на неожиданно древнюю радиоуглеродную датировку по кости из подъемного материала, вероятно позднесартанский возраст комплекса. Пластинчатая индустрия Дружинихи основана на использовании преимущественно кремнистого сланца. Имеются плоские одноплощадочные, дисковидные, призматические нуклеусы, листовидные остроконечники, конвергентные скребла, ретушированные пластины, скребки и др. (Абрамова и др., 1991).

Крупное сосредоточение памятников финального плейстоцена давно известно в отрогах Восточного Саяна в районе современного Красноярска. Среди этих стоянок главную роль играют местонахождения Афонтовой Горы (рис. 26). Открытые в прошлом веке И. Т. Савенковым, эти памятники изучались в 20е г.г. Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и В. И. Громовым. Материалы были изданы лишь частично (Ауэрбах, 1930, Ауэрбах, Сосновский, 1932, Сосновский, 1935а) и позднее С. Н. Астахов (1999) на основании архивных сведений и разбросанных по хранилищам коллекций обобщил всю информацию о стоянках. В настоящее время красноярские археологи во главе с Н. И. Дроздовым предпринимают новую кампанию раскопок (Дроздов, Артемьев, 1997).

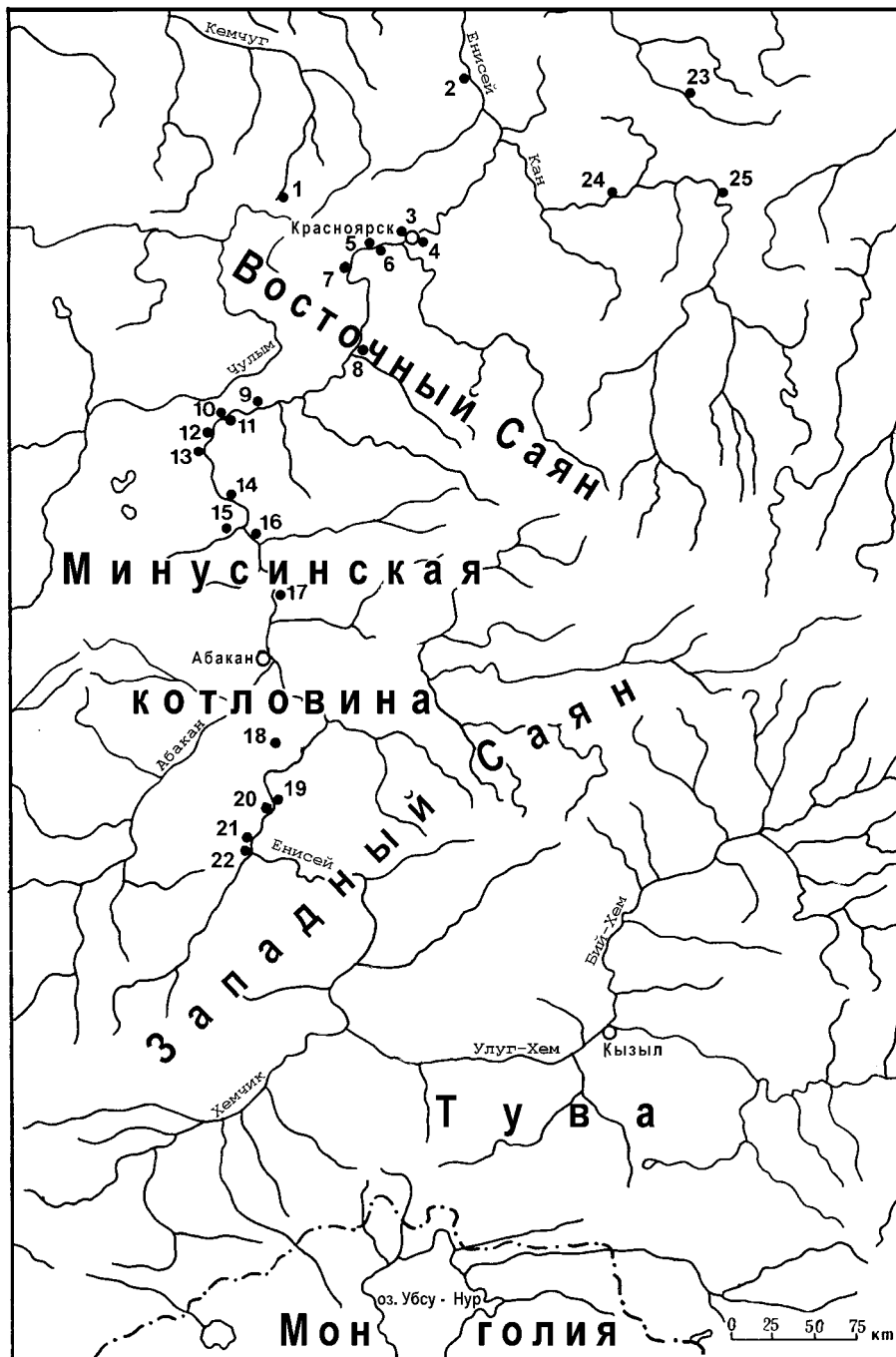

Рис. 25. Карта основных стратифицированных памятников поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Енисея и прилегающих территорий.

1 – Большой Кемчуг; 2 – Дружиниха; 3 – Афонтова Гора I-IV, Кача I; 4 – Переселенческий Пункт; 5 – Шалуниин Бык, Караульный Бык, пещера Еленева; 6 – Лиственка, Большая Слизнева; 7 – Бирюса I; 8 – Ближний Лог, Малтат, Конжул; 9 – Абрашиха; 10 – Новоселово VI, VII, XIII, Яново II, Чегерак, Черемушка I, Дивный I; 11 – Улазы; 12 – Аешка II, III, Кокорево I, III, IV, VI; 13 – Таитык I, II, Первомайское I, Подгорное Озеро; 14 – Лепешкино I, II; 15 – Крутогорское I; 16 – Лебяжий; 17 – Бузуново I, II; 18 – Сосновое Озеро; 19 – Сизая VIII, Голубая I, IV; 20 – Большой Карак, Майнинская, Майнинский Лесозавод, Уй II; 21 – Джой; 22 – Кантегир; 23 – Мезенск; 24 – Потанчет III, IV; 25 – Стрижовая Гора.

Афонтова Гора представляет собой прислоненные к склону возвышенности террасовые уровни на левом берегу Енисея. На юго-западных склонах дислоцирована стоянка Афонтова Гора II. Она исследовалась в разные годы на шести участках.

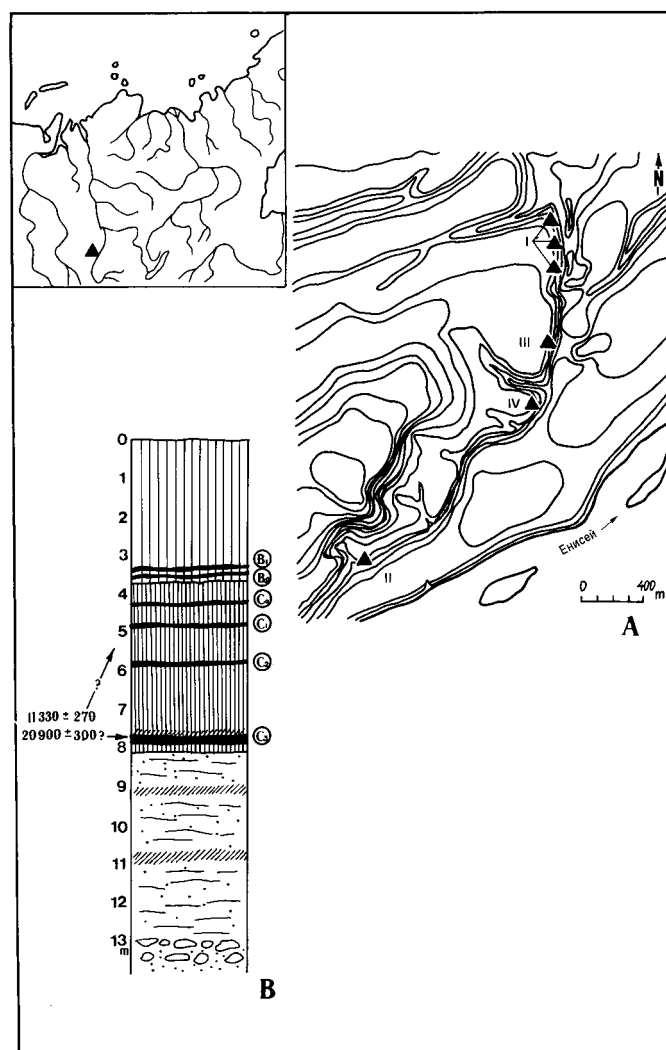

Рис. 26. Афонтова Гора II (по Г. П. Сосновскому, В. И. Громову и С. Н. Астахову).
 А – расположение стоянок Афонтова Гора I-IV; В – стратиграфия.

Наиболее полный разрез был получен в раскопе 2, где В. И. Громовым была записана следующая стратиграфия:

1. Палево-серый лессовидный суглинок. Культурные слои В1 и В2.
2. Палево-бурая лессовидная супесь. В верхней части слоя в гумусированных прослойках залегали культурные слои С0, С1 и С2, а в основании толщи на глубине 6 м была встречена мощная изогнутая линза основного культурного слоя С3.
3. Палево-серая супесь с двумя гумусированными прослойками.
4. Переслаивание лессовидной супеси с глинами и песком.
5. Галечник.

В фауне верхних слоев отмечены остатки мамонта, северного оленя, бизона, лошади, волка. Из основного, нижнего, культурного слоя происходят преимущественно кости северного оленя, есть мамонт, сайга, козерог, горный баран, заяц и др. В. И. Громов определил здесь, как и в ряде других енисейских стоянок, своеобразную форму волка с признаками domestikации. Кроме того, найдены многочисленные кости птиц (в том числе белой куропатки). Реконструируется обстановка безлесных пространств с редкими островками древесной растительности (ивы, судя по данным антракологического анализа). Неясной остается хронологическая привязка колонки памятника, тем более что соответствие культурных слоев, исследованных Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским, и двух полученных в разное время радиоуглеродных датировок, остается спорным. По образцу древесного угля, извлеченного с глубины 6 – 8 м разреза, была получена датировка порядка 11 тыс. лет. Возможно, она отвечает верхнему

уровню залегания находок. Другая дата, которая, по мнению С.М. Цейтлина, соответствует культурному слою С3, была получена по древесному углю из нижних гумусированных линз — более 20 тыс. лет. Последнее определение рассматривается как явно удревненное, а общий облик материала и стратиграфия скорее говорит в пользу средне- или даже позднесартанского возраста нижнего слоя памятника.

В результате новых работ на Афонтовой Горе (Дроздов, Артемьев, 2005) вскрыт сложно построенный разрез покровных лессовидных отложений, оползневого характера на уровне III террасы. Ниже современной почвы исследованы остатки I культурного слоя. Далее под погребенной почвой в переслаивающихся супесях и песках изучены слои 2, 3, 3а, 3б, 3в, 3г. Ниже второй погребенной почвы залегают слои 4-7. По серии датировок возраст пачки культурных слоев лежит в интервале 12 – 14 тыс. лет. Определены остатки мамонта, северного оленя, лошади, бизона, благородного оленя и др. Соотношение новой и старой стратиграфии далеко от ясности, высказано предположение, что 4 культурный слой нового разреза может соответствовать основному культурному слою С3.

Второй опорный памятник этой группы — расположенная на юго-восточной части возвышенности Афонтова Гора III, объединяющая ряд стоянок. Самый верхний слой, изучавшийся только И. Т. Савенковым, (позже эти отложения были снесены) залегал в толще глин под слоем лессовидного суглинка. В фауне преобладали остатки северного оленя, есть также кости мамонта. На основном пункте (1) Афонтовой Горы III культурные остатки, относимые к нижнему слою, встречались в трех прослойках в толще желтого суглинка. Найдены кости северного оленя и мамонта. Раскопками Н. К. Ауэрбаха здесь было открыто скопление находок диаметром 2,5 – 3 м. Нижний культурный слой изучался также И. Т. Савенковым в пункте 2. Здесь артефакты сопровождалась фауной мамонта, северного оленя, и медведя.

Как самостоятельную стоянку можно рассматривать пункт 3 Афонтовой Горы III (раскопки Н. К. Ауэрбаха). Верхний (основной) культурный слой ее залегал в гумусированных прослойках в желтом суглинке. Фауна — мамонт, северный олень, волк со следами domestikации. В слое был расчищен обложенный камнями очаг и рабочие площадки. Нижний слой сопровождался фауной северного оленя и бизона.

Основной культурный слой этого местонахождения доставил обширную коллекцию каменного инвентаря, изделий из кости и рога, украшений. Облик ее близок Афонтовой Горе II, но есть и ряд особенностей — наличие мелких призматических, карандашевидных, торцовых ядрищ, серия бифасиальных скребел, оригинальная костяная поделка с тремя отверстиями.

Афонтова Гора I — первый из исследованных И. Т. Савенковым памятников. В лессовидных суглинках 18 м террасы он обнаружил на двух уровнях палеолитические остатки, сопровождавшиеся фауной мамонта, бизона, северного оленя. К более позднему времени относится Афонтова Гора IV, изученная В.И. Громовым и Г. П. Сосновским к северу от Афонтовой II. Культурный слой был приурочен к делювиальным отложениям III террасы, артефакты залегают с фауной северного оленя и бизона.

С. Н. Астахов (1999) предложил следующую корреляционную схему расчленения стоянок Афонтовой Горы. К древнейшей группе он отнес нижний слой пункта 3 Афонтовой Горы III и несколько более поздние комплексы слоя С3 Афонтовой II. Далее следуют 2 (основной) культурный слой Афонтовой III и слои С0, С1 и С2 Афонтовой II, а также 1 культурный слой пункта 1 Афонтовой III. Со временем интерстадиала (кокоревского?) может быть сопоставлен верхний слой Афонтовой Горы III и Афонтова I. Позднейшая группа памятников объединяет слои В1 и В2 Афонтовой Горы II и Афонтова IV. Разумеется, речь идет об установлении лишь примерной последовательности комплексов и нам остается ждать результатов новых работ для более детального представления о стратиграфии, палеоэкологии стоянок и привязки колонок к радиоуглеродной шкале.

В долине притока Енисея, реки Качи, открыто несколько местонахождений с палеолитическими остатками, в том числе стоянка Кача I (Сосновский, 1948). В лессовидных суглинках 16 м террасы встречен культурный слой с фауной северного оленя (преобладает), лошади, песка, и зайца. Как характер каменного инвентаря, так и стратиграфическая позиция памятника указывают на его близость к верхним слоям Афонтовой II.

На противоположном берегу Енисея, на участке 10 – 12 м террасы, располагалась ныне уничтоженная стоянка Переселенческий Пункт (Сосновский, 1935б). Культурный слой ее, доставивший обильные остатки северного оленя, был связан с переслаивающимися аллювиальными песками. Остатки группировались вокруг кострищ. Как по геологическому возрасту, так и по характеру находок, памятник близок поздней группе стоянок Афонтовой Горы.

Очень сложную стратиграфическую картину дает расположенная выше по Енисею от Красноярска стоянка Лиственка, исследованная красноярскими археологами (Акимова, 2003). Она залегает в отложениях приустьевого участка 40 м террасы и характеризуется следующим разрезом:

1.	Современная почва	1,0 м
2.	Тонкозернистые пески	0,8 м
3.	Серые пылеватые пески со следами двух ярусов псевдоморфоз. 1 и 2 культурные слои	1,0 м
4.	Переслаивание серых глинистых песков и алевроитов. 3 культурный слой	0,7 м
5.	Переслаивание серых и желтовато-серых песков и алевроитов. Культурные слои 4-7, 7а, 7б, 8	1,4 м
6.	Переслаивание серых и желтовато-серых песков и алевроитов, отличающихся иным характером слоистости. Имеются морозобойные трещины. Культурные слои 9-12а, 12б, 12в, 13, 14а, 14б, 15-19	3,0 м
7.	Щебень, галечники и глыбы	

Нижняя часть колонки интерпретируется как аллювиальные отложения, а верхняя (литологические слои 3-5) как делювиальные. В фауне всех слоев присутствуют остатки бизона, для верхних горизонтов характерны также лошадь и северный олень. Много костей зайца. Остатки мамонта представлены лишь фрагментами бивня. Судя по пыльцевой диаграмме, при формировании верхней части толщи литологического слоя 6 и низов слоя 5, фиксируется наступление темнохвойной тайги при сохранении по долинам луговых степей. Развитие лесостепи отмечено во время накопления слоев 5 и 4, а новый этап облесения — на уровне кровли слоя 3. Вероятно, последнее событие связано уже с финалом плейстоцена.

Радиоуглеродные датировки культурных слоев Лиственки демонстрируют явный разноряд, хотя в целом укладываются в рамки позднесартанского времени.

В различных слоях памятника зафиксированы очаги, обычно вытянутые по центральной линии западины, в которой устраивались поселения. 16 слой доставил интересный жилой комплекс в виде разомкнутой к западу кладки обломков коренных пород, ограждавшей пространство 4,2 – 4,5 м в диаметре. Очаг располагался асимметрично, ближе к дальней стенке реконструируемого жилья (Дроздов и др., 1990).

По мнению авторов раскопок, индустрия нижнего (14) и верхних (1-4) культурных слоев стоянки обнаруживает близость к памятникам Афонтовой Горы, в то время как средняя часть колонки (слои с 5 по 13) доставили индустрию, сходную по ряду параметров с инвентарем Кокорево I (см. ниже).

Из 12 культурного слоя памятника происходит челюсть ребенка.

Другой многослойный памятник — стоянка Большая Слизнева, исследованная Н. П. Макаровым и А. С. Вдовиным (Деревянко и др., 1992б). Она связана с приустьевым мысом 10 – 12 м террасы. Под современной почвой с остатками 1 культурного слоя (неолит) следует суглинисто-супесчаная толща с мезолитическими комплексами (2 и 3 слои). Ниже, в пачке слоистых аллювиальных супесей, выявлена серия позднепалеолитических горизонтов (слои 4, 4а, 5-8), причем на уровнях горизонтов 4а, в интервале между ним и 5 культурным слоем и на уровне слоев 5 и 7 прослежены следы почвообразования. Слои 5-9 нарушены криогенными деформациями. В фауне преобладают остатки бизона, северного оленя и аргали, в нижних слоях также зайца. По данным палинологии, реконструируется древесная растительность на уровне с 8 по 6 культурные слои (сосна, береза и др.). Начиная с уровня 5 слоя, господствуют лесостепные ландшафты с березово-сосновыми перелесками. Возраст всех палеолитических комплексов оценивается как позднесартанский.

На памятнике выявлен ряд очагов, в том числе с каменными обкладками. По фаунистическим данным, можно сделать вывод, что стоянка заселялась, скорее всего, с весны по осень. Археологические материалы близки комплексам Афонтовой Горы; выделяются необычные роговые наконечники с пазами и выразительный образец «жезла начальника» из 7 культурного слоя.

Стоянка Бирюса I была открыта еще А. П. Еленевым в 1890 г., в 1926 – 1927 г.г. раскапывалась Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым (1935), а затем, в 1961 – 1962 г.г., — Л. П. Хлобыстиным и Н. Н. Гуриной (1964). К сожалению, результаты последних работ остались неопубликованными в полном объеме, и лишь позднее Бирюса вновь стала объектом внимания исследователей (Синицына, 1992). Памятник приурочен к отложениям 11 м террасы. Под современной почвой с мезолитическими остатками (слой А) залежала толща лессовидных супесей, включавшая остатки культурного слоя В, вероятно состоявшего из двух горизонтов. Ниже, в переслаивающихся аллювиальных песках, вскрыт ряд палеолитических слоев (С1-С4). По нумерации, принятой в 60-е г.г., им соответствуют горизонты 1-3, 3а, 4. Выше слоя В прослежена сеть криогенных трещин, вероятно относившихся к финалу сартанского похолодания. В фаунистическом комплексе палеолитических слоев памятника преобладали остатки северного оленя, бизона, быка, сайги, кулана, много также костей зайца. По образцам из слоев 4 и 3а получены датировки около 14 тыс. лет. Общий облик инвентаря памятника свидетельствует о его близости к афонтовским индустриям.

Помимо описанных выше поселений, приуроченных к низким террасам, Н. П. Макаровым открыты многослойные стоянки, расположенные в необычных геоморфологических условиях — на вершинах скальных останцов (так называемых «быков»), господствующих над долиной.

На пункте Караульный Бык палеолитические горизонты приурочены к песчаным отложениям, перекрывающим галечник и аллювиальные пески на 40 – 45 м отметке. Эти слои (5-9) залегают в пылеватых песках со щебнистыми прослойками, слой 5 связан с остатками погребенной почвы. В составе фауны преобладает заяц, есть лошадь, аргали, горный козел. Археологические материалы близки памятникам Афонтовой Горы.

На пункте Шалуний Бык на 35 м останце в нижних горизонтах встречены палеолитические находки. Песчаные отложения характеризуются палинологическими спектрами с обилием травянистых и споровых, что указывает на перигляциальные холодные ландшафты сартанского времени (Макаров и др., 1995, Макаров, Ямских, 1995).

Последней фазе сартанского оледенения соответствуют самые нижние (18-22) слои пещеры Еленева (Макаров и др., 1992, Чеха и др., 2000). Стратиграфически они залегают ниже мезолитических слоев с датировкой около 10,5 тыс. лет. Интересно отметить наличие в фауне этих слоев белой и тундровой куропаток, не встречающихся выше по разрезу. Археологические материалы из этих комплексов немногочисленны.

В настоящее время новая группа финальнопалеолитических памятников, культурные слои которых связаны с лессовидными суглинками, исследуется в заливе Дербина на Красноярском водохранилище. Эти пункты (Конжул, Ближний Лог, Малтат) доставили пластинчатую индустрию. Вопросы хронологии пока не вполне ясны — если по образцам из нижнего культурного слоя местонахождения Конжул получены датировки около 12 тыс. лет, то Малтат доставил голоценовую дату (Акимова и др., 2004).

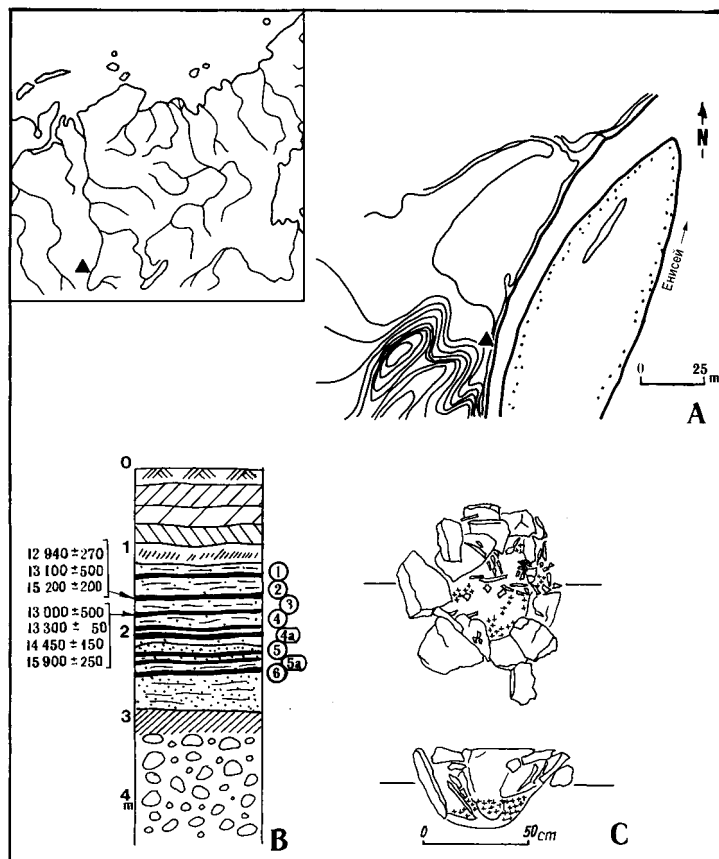

Рис. 27. Кокорево I (по З. А. Абрамовой).

А – расположение стоянок у дер. Кокорево; *В* – стратиграфия; *С* – план и разрез очага из 2 культурного слоя.

Следующая область сосредоточения палеолитических памятников — участок правобережья Енисея в Северо-Минусинской котловине. Особенно богатые материалы доставил район сел Кокорево и Новоселово (рис. 27). Памятники кокоревской группы были открыты Г. П. Сосновским (19356) в 1925 г.

и исследованы им на небольшой площади в 1928 г. Основные работы здесь проводила в 1961 – 1966 г. З. А. Абрамова (1979а, б).

Оставляя за рамками нашего обзора несколько более ранние памятники (Кокорево II и IVБ), обратимся к многослойной стоянке Кокорево IVА, исследованной С. Н. Астаховым (1987). Она была расположена на 10 м террасе, в разрезе вскрыта мощная толща покровных супесей и песков, содержащая две ископаемых почвы в верхней части. 1 культурный слой связан с интервалом между почвами, а слой 2в залегал непосредственно в нижней палеопочве. Далее следовали культурные слои 2н, 2а, 3-5. В фауне всех горизонтов преобладали остатки северного оленя, есть кости бизона, лошади, аргали, зайца. Отдельные встреченные кости мамонта, вероятно, подбирались обитателями стоянки. Для объединенного образца угля из слоев 3-5 получена дата порядка 14 тыс. лет. Верхняя погребенная почва этого разреза послужила опорой для выделения кокоревского интерстадиала. Соответственно, культурные слои относятся ко времени ориентировочно от 16 до 12,5 тыс. лет. В них были вскрыты остатки очагов, в том числе обложенных камнями, и небольших ямок.

Выше по течению Енисея группа стоянок выявлена у с. Таштык (Абрамова, 1979а). Пункт Таштык I был связан со II террасой. В разрезе под толщей покровных супесей со следами ряда погребенных почв следует сложное построенное переслаивание песков и супесей; вероятно, их образование связано с процессами водной седиментации. В них залегали три культурных слоя памятника, доставившего многочисленные остатки северного оленя, а, кроме того, в меньшем количестве аргали, лошади, благородного оленя, сайги, бизона, зайца и др. Радиоуглеродная датировка из I культурного слоя равна примерно 12 тыс. лет.

Стоянка Таштык II связывается с той же террасой. Раскопками здесь вскрыта покровная толща отложений с четырьмя горизонтами погребенных почв. В основании второй палеопочвы встречены остатки I культурного слоя, а 2 слой приурочен к нижней части толщи и залегает уже в аллювиальной части разреза. Как и на Таштыке I, большинство костей принадлежат северному оленю, есть остатки лошади, сайги, бизона и др. В культурных слоях открыты очаги и рабочая площадка — место производства скребел.

К более позднему периоду отнесен культурный горизонт стоянки Кокорево III (Абрамова, 1979а), заключенный в супесчаных слоях конуса выноса, перекрывавшего аллювиальные отложения II террасы Енисея. Культурный слой нарушен солифлюкционными текстурами. В фаунистическом комплексе преобладали остатки северного оленя и зайца. Антракологический анализ показал наличие угольков лиственницы или ели. Образец угля позволил получить определение возраста более 12 тыс. лет.

В необычных геоморфологических условиях залегала стоянка Кокорево VI, связанная с тектонически опущенным до уровня 3 – 5 м над Енисеем участком II террасы. Культурные остатки залегали ниже слоя погребенной почвы, нарушенного солифлюкцией. В фауне определены кости северного оленя, лошади и бизона.

Из памятников высокого яруса к позднесартанскому времени можно отнести материалы с местонахождения Дивный I, где в покровной супеси открыт участок культурного слоя с кострищем, сопровождавшийся костями северного оленя и бизона (Лисицын, 2000).

Несколько иной по облику вариант культуры рисуют материалы многослойной стоянки Кокорево I. Благодаря широкомасштабным раскопкам З. А. Абрамовой (1979б), это одно из наиболее полно исследованных палеолитических поселений на Енисее. Памятник связан с отложениями II (13 – 15 м) террасы. Стратиграфия его носит следующий характер:

1.	Современная почва	0,85 м
2.	Лессовидная желтовато-серая супесь с прослоями гравия, песка и щебня	0,50 м
3.	Лессовидная серая супесь с прослоем гравия и песка малинового цвета.	0,35 м
	Видны следы мерзлотных нарушений	
4.	Коричневато-серая супесь — остатки погребенной почвы (?)	0,50 м
5.	Переслаивание зеленовато-серой, коричнево-серой супеси и белесого песка. 1 культурный слой	0,65 м
6.	Переслаивание серых супесей. 2, 3, 4 и 4а культурные слои	1,25 м
7.	Переслаивание серых супесей и песков. 5, 5а и 6 культурные слои	1,70 м
8.	Серая супесь	0,50 м
9.	Галечник	3,10 м

В разрезе четко читается покровная толща (литологические слои 2-4) и подстилающий ее перигляциальный аллювий террасы (литологические слои 5-8). В составе фауны доминируют остатки северного оленя, и зайца, есть аргали, лошадь, бизон, косуля, кулан, благородный олень и др. Особый интерес представляет найденный в 3 культурном слое фрагмент лопатки бизона, пробитый застрывшим в

кости рогавым наконечником. Антракологический анализ показал присутствие ивы, березы, сосны, лиственницы или ели. 2 и 3 культурные слои стоянки датированы по радиоуглероду в интервале 13 – 15 тыс. лет. В целом возраст всей пачки культурных слоев можно оценить в 13 – 16 тыс. лет.

В различных слоях памятника выявлены многочисленные скопления культурных остатков, группированных вокруг очагов. Особенно характерны очаги, окруженные поставленными наклонно или вертикально каменными плитами (так называемые «очаги кокоревского типа»). З. А. Абрамова интерпретирует одно из подобных скоплений, вскрытых во 2 слое, как остатки наземного жилища овальной формы размерами 3х6 м с асимметрично расположенным очагом. Т. Ю. Гречкина (1984) предполагает возможность выделения жилища в 4 слое. Другой распространенный вид объектов — разнообразные концентрации предметов расщепленного камня. Планиграфический анализ позволил выделить ряд типов скоплений — полифункциональные производственные центры, индивидуальные рабочие площадки для осуществления первичного раскалывания, скопления орудий, концентрации чешуек, место выброса сломанных орудий.

В качестве сырья обитатели стоянки использовали гальки кремнистых пород и кварцита. Основной заготовкой были широкие крупные пластины и отщепы, снимавшиеся с одно- и двуплощадочных ядрищ с параллельным скалыванием. Встречены дисковидные и крупные клиновидные нуклеусы. Микропластинчатая технология основана на торцовых и клиновидных ядрищах, а также изделиях типа многофасеточных срединных резцов. В инвентаре много скребел, изготовленных как на пластинах и отщепах, так и на гальках, обломках камня и сработанных ядрищах. Другие виды изделий представлены ретушированными пластинами, изделиями со скругленным ретушью концом, остроконечниками и концевыми скребками на пластинах, резцами, чопперами, проколками и др. Интересно отметить наличие изделий типа топоров и тесел, а также мелкий подтреугольный бифас. Памятник доставил великолепную серию изделий из кости и рога — в основном уплощенно-овальных в сечении наконечников с пазами (в одном случае в пазу сохранились микропластинки-вкладыши). Со стоянки происходят своеобразные «игловидные» наконечники, «кинжаловидные» орудия, фрагменты «жезлов начальника», мотыга из рога оленя, стерженьки, шилья, иглы и др. Украшения включают бусины из галек, подвески из зубов животных, спиралевидные поделки.

Другая группа памятников в этом районе связана с отложениями высоких террасовых уровней енисейской долины. Они были обнаружены в процессе исследования размываемых берегов енисейской долины. К ним относится Новоселово VI, приуроченное к 28 – 30 м отметкам. Здесь в покровных супесях открыты остатки культурного слоя, изобиловавшего раздробленными костями северного оленя (есть также кости бизона, волка, зайца и др.). По древесному углю получена дата более 11 тыс. лет. В слое встречены остатки разрушенного очага кокоревского типа и рабочие площадки. Особо отметим находку обломка нижней челюсти человека.

Расположенная неподалеку стоянка Новоселово VII по геологическим условиям залегания культурного слоя, его характеру и изобилию остатков с северного оленя аналогична Новоселову VI, однако связана с 30 – 35 м уровнем. Полученная по этому комплексу радиоуглеродная датировка порядка 15 тыс. лет считается З. А. Абрамовой удревненной, оба памятника оцениваются как относящиеся к финальному отрезку плейстоцена.

На многослойной стоянке Новоселово XIII (Лисицын, 2000) к позднесартанскому времени отнесен верхний культурный слой с фауной северного оленя и бизона. По стратиграфическому положению слой аналогичен Новоселову VI, близок и облик инвентаря. Сходные материалы получены на многочисленных стоянках, рассеянных в Северо-Минусинской котловине (Абрамова и др., 1991, Лисицын, 2000, Акимов и др., 1995). Культурные слои их связаны с покровными отложениями низких (Аешка II, Яново II, Черемушка) и высоких, от 35 – 40 до 70 м (Чегерак, Аешка III, Черновая II, Подгорное Озеро, Первомайское I, Крутогорское I, Абрашиха и др.) террасовых уровней и сопровождаются в некоторых пунктах фауной северного оленя, бизона и косули. Судя по стратиграфической позиции, эта группа датируется заключительной фазой плейстоцена. Из числа объектов культурного слоя отметим исследованную на стоянке Чегерак вымостку из плиток песчаника.

На правобережье Енисея зафиксированы местонахождения палеолитических артефактов на разветвленной поверхности надпойменных террас. Следы культурных слоев и плейстоценовой фауны открыты на стоянках Лепешкино I, II, Улазы, Бузуново I, II, Лебяжье и ряде других мест. Вероятно, все эти памятники относятся к финалу палеолита.

Вдали от Енисея, в Койбальской степи А. Н. Липским (1963) был исследован интересный объект на берегу Соснового Озера. Под песчаной плитой в квадратной ямке обнаружился клад, содержащий 8 роговых наконечников и 10 изделий из камня (скребла, отщепы), а также 5 фрагментов кости лошади, вероятно заготовок для производства орудий. Поблизости был открыт ряд пунктов финального палеолита (Сосновое Озеро I-IV), где на выдувах каменные орудия встречались вместе с фауной лошади, кулана, косули (Лисицын, Худяков, 1997).

Следующая концентрация стратифицированных памятников приурочена к стыку Койбальской степи с горами Западного Саяна и связана с отрезком долины Енисея и примыкающих приустьевых частей притоков в районе пос. Майна (рис. 28). В настоящее время эта территория отличается мозаичностью ландшафтов. Оголенные вершины горных хребтов покрыты осыпями, курумниками и горными тундрами. Ниже имеются субальпийские луга. В ландшафте отмечается чередование преимущественно темнохвойных лесов по долинам и остепненных участков на склонах южной экспозиции. Кроме того, всего в 10 – 15 км от приуроченных к району водохранилища памятников горно-таежные ландшафты Западного Саяна сменяются степями Минусинской котловины. Судя по характеру фаунистических остатков, подобное многообразие природных зон было также в позднем плейстоцене, хотя границы зон, вероятно, неоднократно смещались.

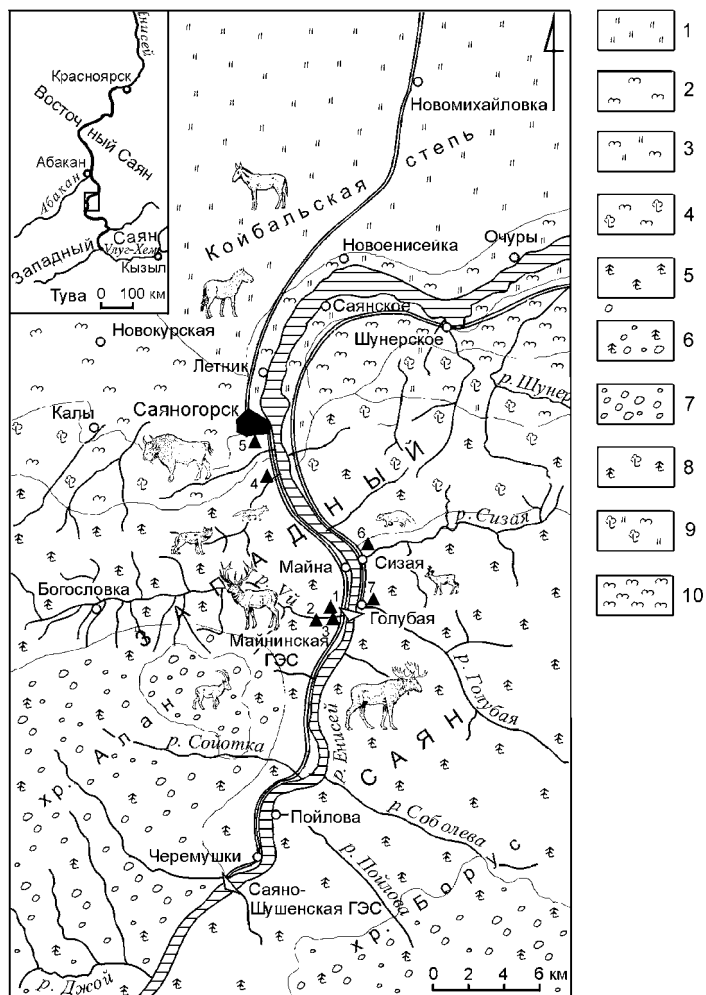

Рис. 28. Расположение группы палеолитических стоянок у пос. Майна и современные ландшафты района (использованы данные из: Альтер, 1974).

Палеолитические местонахождения: 1 – Майнинская; 2 – Уй I; 3 – Уй II; 4 – Большой Карак; 5 – Означенное I; 6 – Сизая I, V, VIII; 7 – Голубая I, IV.

Ландшафтные зоны: 1 – сухие степи на аллювиальных галечнико-суглинистых отложениях надпойменных террас древнего участка долины Енисея; 2 – предгорные степные долины; 3 – луга на пойме Енисея; 4 – сосново-березовые леса предгорий; 5 – пихтово-кедрово-еловая тайга; 6 – горная кедрово-пихтово-лиственничная тайга, перемежающаяся со скальными выходами и каменистыми россыпями; 7 – горные тундры; 8 – смешанные леса с сосной и березой; 9 – лесостепные участки с обилием оврагов; 10 – пересеченные оврагами и балками террасы Енисея, покрытые лесостепями.

Основной памятник палеолита района — Майнинская стоянка, исследованная в устье р. Уй (Васильев, 1996; рис. 29). Особенностью стоянки является ее расположение на двух различных высотных уровнях.

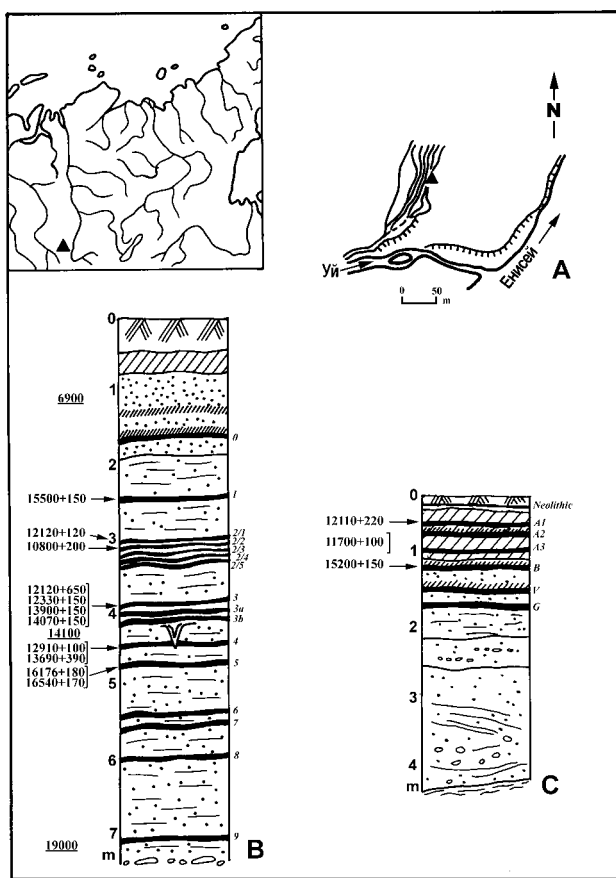

Рис. 29. Майнинская стоянка

A – расположение стоянки; *B* – стратиграфия нижней части стоянки; *C* – стратиграфия верхней части стоянки.

Западная часть памятника дислоцирована на 25 – 27 м цокольной террасе, где в раскопе 10 получен следующий разрез:

1.	Современный отвал	0,05 м
2.	Современная почва	0,35 м
3.	Коричнево-серая супесь с остатками бескерамического неолита	0,30 м
4.	Серый песок. Культурные слои А-1, А-2 и А-3. На уровне культурного слоя А-2 отмечены слабые следы почвообразования	0,80 м
5.	Серый горизонтально слоистый песок. Культурные слои Б, В и Г. На уровнях слоев Б и В отмечены следы почвообразования	1,00 м
6.	Переслаивание серых песков с дресвой	0,30 м
7.	Серые косослоистые пески	0,90 м
8.	Скальные выходы	

Сближенные по вертикали уровни культурных горизонтов А-1-3 характеризуются растительностью сосново-березовых лесов со значительным участием пихты, ели и лиственницы. В травянистой части спектра присутствуют злаковые, полыни, разнотравье, споры папоротников, плауна обыкновенного и годовалого. В соответствии с преимущественно лесным споро-пыльцевым спектром, слои А-1-3 характеризуются преобладанием также лесного фаунистического комплекса (благородный олень, косуля), но с участием животных открытых пространств (аргали, бизон). Радиоуглеродные даты

порядка 11,7 – 12,1 тыс. лет свидетельствуют об обитании стоянки в конце аллереда. Из этой схемы явно выбивается неожиданно древняя дата порядка 19 тыс. лет; причина такого удреждения непонятна.

Восточная часть памятника связана со II (16 – 18 м) террасой Енисея. Здесь описана следующая стратиграфия (рис. 4):

1.	Современный отвал	0,15 м
2.	Современная почва	0,90 м
3.	Серо-коричневая супесь	0,15 м
4.	Серая супесь — погребенная почва	0,17 м
5.	Серо-желтоватая супесь	0,50 м
6.	Серая гумусированная супесь — погребенная почва. Культурный слой 0	0,05 м
7.	Серая супесь. 1 культурный слой	0,38 м
8.	Серые слоистые пески. Культурные слои 2-1, 2-2, 2-3, 2-4, 2-5, 3, 3а, 3б, 4, 5, 6, 7, 8 и 9. На уровне между слоями 3б и 4 — ярус мощных псевдоморфоз	4,25 м

Ниже раскопов в выемках видно, что песчаная толща аллювия террасы ложится на галечник.

Данные споро-пыльцевых анализов свидетельствуют о сохранявшихся во все время обитания стоянки в общем холодных климатических условиях. Радиоуглеродные даты по 4 слою около 13 – 13,5 тыс. лет свидетельствуют об обитании стоянки в переходную фазу от ньяпанской стадии оледенения к кокоревскому потеплению. Время обитания стоянки на уровне 3 культурного слоя с датами порядка 12,1 – 12,3 тыс. лет, приходится на развитие лесостепных ландшафтов с периодическим возрастанием роли таких индикаторов холодных условий, как кустарничковая береза, и одновременным распространением полынно-маревых ассоциаций.

На уровне культурного слоя 2-2 фиксируется обстановка лесостепей. Из древесных форм присутствует сосна и кедр, из трав — злаковые, полныи, а также споровые — мхи, папоротники. Костные остатки благородного оленя, обнаруженные в слое, свидетельствуют о развитии лесной растительности. На уровне слоя 2-1 споро-пыльцевой спектр отличается бедностью (единичные зерна сосны, березы, кустарничковой березы, злаков, маревых, спор мхов и папоротников). Это время соответствует концу кокоревского интерстадиала. К слою 2-1 приурочены костные остатки благородного оленя, лося, сибирского козерога, бизона, лисицы и зайца. Фаунистический комплекс свидетельствует о широком развитии как лесных, так и открытых степных ландшафтов.

Осадки, включающие верхние ископаемые почвы, характеризуются близким к современным елово-сосново-березовым споро-пыльцевым спектром со значительным участием ольхи, злаковых, маревых, полыней, осок, разнотравья; имеются споры мхов и папоротников, в том числе гроздовника.

В ходе раскопок исследовано большое число структур обитания в виде скопленных расщепленного камня и очагов, в том числе с каменными обкладками. Анализ фаунистических остатков из культурных слоев восточной части памятника свидетельствует об их обитании в период весны-осени. В 3 слое расчищено изолированное скопление из 10 отборных орудий (скребла, долотовидное изделие, галечное орудие), гальки-отбойника и заготовок. Оно может расцениваться как клад палеолитического мастера. Интересно планиграфическое разделение площади верхних (А-1-3) культурных слоев на южную часть с очагами, многочисленными костными остатками, и северную, представляющую собой специализированную мастерскую по расщеплению камня. Здесь имеется ряд мощных скоплений ядрищ, отщепов и осколков камня. В слое А-3 на южной части стоянки открыто четко очерченное в плане скопление культурных остатков диаметром 2,4 м с очагом (следы искусственной конструкции).

Каменная индустрия Майнинской стоянки базировалась на использовании широкого спектра пород, в основном доставлявшихся из ближайшего галечника (микрокварциты, кварциты). В то же время обитатели стоянки использовали мелкие гальки цветного кремня, принесенного издалека и представленного почти исключительно в виде законченных мелких орудий (скребки, долотовидные изделия). В некоторых слоях до половины орудий изготовлено из этого материала. Кроме того, использовались разнообразные кремнистые сланцы, и алевролиты, песчаники, кварц и даже окремненное дерево.

Преобладают одно- и двуплощадочные крупные ядрища на гальках, есть дисковидные, пирамидальные, плоские леваллуазские и другие нуклеусы. Микропластинчатая техника основывалась на клиновидных и торцовых нуклеусах, причем изменения в морфологии микроядрищ позволяют наметить ряд этапов эволюции индустрии. Есть также кельтовидные, призматические, цилиндрические нуклеусы. Основные классы орудий — скребла (в том числе бифасиальные формы, переходные к листовидным бифасам), скребки на отщепе и долотовидные изделия. Среди последних отметим своеобразные широкие изделия с бифасиальной обработкой. Имеются отщепы с ретушью, ретушированные пластины, зубчато-выемчатые орудия, пластинки с притупленным краем (в верхних

слоях), единичные резцы. Остроконечники, проколки, чопперы, комбинированные изделия, своеобразные дисковидные орудия и лимас.

Стоянка доставила серию костяных и роговых наконечников с одним и двумя пазами и беспазовых, ложила, костяные острия с головкой, роговые молоток и рукоятку.

Прямо напротив Майнинской стоянки находился другой многослойный памятник — стоянка Уй II. Здесь в разрезе II террасы получен наиболее сложный разрез. Под голоценовой пачкой отложений с культурными слоями А, Б, В, Г и 1, залежали слоистые аллювиальные пески, включавшие палеолитические слои 2, 3, 3а, 4-7. Эти напластование перекрывали галечник с остатками 8 культурного слоя. На различных уровнях (5, 4 слои, интервал между 3 и 2 слоями) фиксировались погребенные почвы со следами криотурбаций. Выделено до 13 ярусов криогенеза, особенно интенсивного в виде псевдоморфоз на уровнях 7, 6 и 4 культурных слоев. Судя по сопоставлению разрезов, стоянка Уй II в плейстоцене образовывала единое целое с нижним уровнем Майнинской стоянки, ныне отделенной от нее устьем р. Уй. Фаунистические остатки характеризуются преобладанием костей благородного оленя, есть также бизон, кулан, заяц и др. Судя по палинологическим данным, в период накопления нижней части аллювиальной свиты, (включая 7 культурный слой) развивалась преимущественно лесная растительность (береза, сосна, лиственница, реже ель). Выше, особенно на уровне 6 слоя, лесные массивы сменились степными сообществами (маревые, злаковые, папоротники). Поселения культурных слоев с 5 по 2 существовали в условиях сочетания древесной (береза, лиственница) и травянистой растительности.

Радиоуглеродные датировки, полученные в лаборатории ИИМК и Аризоне, явно противоречивы. Если исходить из серии датировок ЛЕ, то следует отнести слои 7 и 6 к холодной ньпанской фазе сартанского времени (13 – 16 тыс. лет), а четко выраженную сдвоенную погребенную почву с остатками 4 культурного слоя — к кокоревскому интерстадиалу, около 11 – 12 тыс. лет. В этом случае слои 3 и 2 датируются финалом плейстоцена (10 – 11 тыс. лет). Если исходить из датировок АА, то возраст 7 и 6 слоев оказывается порядка 14 тыс. лет, 4 культурный слой относится примерно к 13,5 тыс. лет. Соответственно, погребенная почва может быть соотнесена с пре-беллингским интерстадиалом (от 13,8 до 13,2 тыс. лет). При таком варианте интерпретации вышележащие слои 3 и 2 ненамного отстоят по времени от 4 слоя и датируются временем около 13 тыс. лет.

В палеолитических слоях памятника исследованы многочисленные очаги, в том числе объекты с каменными обкладками. Во 2 культурном слое было расчищено скопление овальных очертаний размерами 2х2,2 м, включавшее очаг с каменной обкладкой, местами сооруженной в два яруса. Интересно, что здесь непосредственно на камнях, окружавших очаг, встречены отборные каменные орудия и ядрище.

Индустрия стоянки близка Майнинской, однако, стоит отметить серию бус из окаменелостей и подвеску из шлифованного сланца. Во 2 слое встречена расколотая на две части зернотерка и курант.

Расположенная выше по течению Енисея стоянка Кантегир (Астахов, 1986) также приурочена к отложениям II террасы. 1 слой памятника, связанный с погребенной почвой в толще покровных супесей, относится к финалу плейстоцена. Находки близки по облику материалам Майнинской стоянки. Сходные индустрии зафиксированы в переотложенном состоянии в толще второй террасы на пункте Джой, а также в покровных отложениях этого террасового уровня (Майнинский Лесозавод, Сизая VIII, Большой Карак и др.; Астахов, 1986, Васильев, 1987).

Резко отличается от перечисленных памятников стоянка Голубая I, исследованная С. Н. Астаховым (1986) в 1972 г. (рис. 30). Три культурных слоя ее залегают в верхней части аллювиальных супесей и песков II террасы. 1 и 2 горизонты доставили немногочисленные находки, а комплекс основного, 3 слоя, характеризуется фауной благородного оленя, кулана, сибирского козерога. Палинологический анализ показал наличие остатков ели и сосны. Для этого комплекса получены радиоуглеродные датировки порядка 12 – 13 тыс. лет.

В слое был вскрыт жилой комплекс в виде концентрации культурных остатков вокруг обложенного камнями очага. Он доставил необычную пластинчатую индустрию, орудия в основном изготовлены из черного кремня, коричневых и зеленых яшмовидных пород. Представлены только мелкие сработанные ядрища, близкие многофасеточным резцам, плоские и торцовые микронуклеусы. Орудия — серия ретушированных пластин (в том числе с отделкой по периметру), скребки на пластинах, ретушированных пластинах и отщепях, пластинки с притупленным краем, микроострия, проколки, комбинированные изделия, чопперы. Найден обломок наконечника из бивня мамонта.

К востоку от Красноярска, в бассейне р. Кан, открыт следующий район сосредоточения многослойных стоянок, однако их облик парадоксальным образом говорит о близости палеолиту ангарского, а не енисейского круга. Центральное место среди пунктов занимает Стрижовая Гора, расположенная на 16 – 20 м террасе р. Кан. Памятник был открыт Г. А. Максименковым в 1959 г., а в 1973 – 1995 г.г. с перерывами исследовался иркутскими археологами (Генералов, 2000).

В разрезе стоянки вскрыты:

1.	Современная почва. 1 культурный слой (железный век)	0,2 м
2.	Светло-бурый суглинок. 2 культурный слой (бронзовый век)	0,2 м
3.	Бурый суглинок	0,4 м
4.	Светло-бурая супесь и суглинок. За культурный слой (мезолит)	0,4 м
5.	Серая гумусированная супесь — погребенная почва. 3 культурный слой (мезолит)	0,2 м
6.	Буроватая супесь. 4 культурный слой	1,3 м
7.	Переслаивание гумусированных и лишенных гумуса прослоек супесей и песков. 5-10 культурные слои	0,9 м
8.	Слоистые пески. 11-13 культурные слои	0,8 м
9.	Карбонатизированные суглинки с остатками погребенной почвы, к которой приурочены 14-17 культурные слои	1,2 м
10.	Карбонатизированные ожелезненные суглинки. 18 и 19 культурные слои	0,6 м
11.	Пески со щебнем	0,7 м

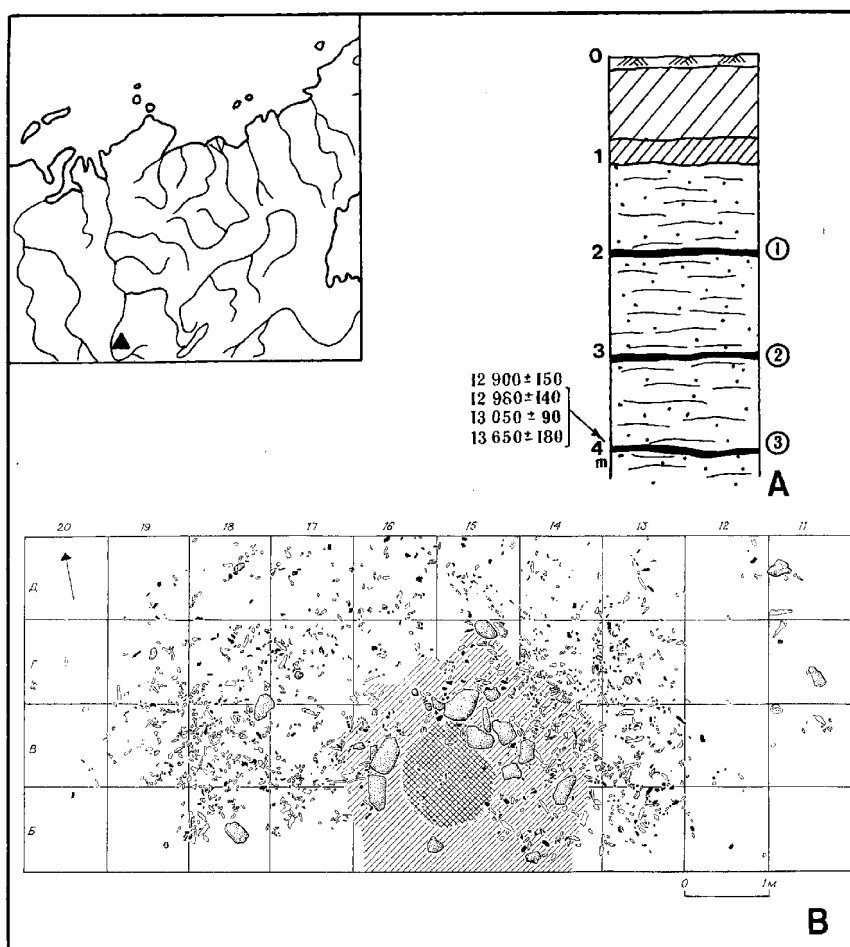

Рис. 30. Голубая I (по С. Н. Астахову).

A – расположение стоянки; B – стратиграфия; C – план скопления остатков у очага в 3 культурном слое.

Фауна из культурных слоев с 16 по 8 включает северного оленя (определен только из 15 слоя), лошадь, благородного оленя, лисицу, бобра, птиц, рыб. Начиная с 4 слоя, появляются остатки косули.

Памятник обеспечен серией радиоуглеродных датировок, правда, демонстрирующих заметный разброс. Так, слой 18 датирован временем около 14 тыс. лет, по образцам из слоев 14-16 получены даты порядка 12 тыс. лет, слой 13 датирован около 11 тыс. лет. В то же время есть дата более 36 тыс. лет для слоев 11-13, хотя остальные даты для этой серии горизонтов ложатся в интервал от 11,9 до 11,3 тыс. лет. Та же странная ситуация с датировкой слоев с 5а по 10, для них получена дата более 17 тыс. лет.

Планиграфическая картина во всех слоях сходная — здесь представлены скопления расщепленного камня (только в 14 слое встречены следы кострища), костных остатков мало. Судя по составу находок, Стрижовая Гора представляла собой мастерскую по первичному расщеплению кремневых желваков, добывавшихся из цоколя террасы.

Каменная индустрия отличается высоко развитой пластинчатой технологией. Памятник доставил богатейшую серию одно- и двуплощадочных плоских и призматических, дисковидных ядрищ, а также клиновидных и призматических микронуклеусов. Привлекает внимание серия удлинено-миндалевидных и овальных листовидных бифасов. Найдены скребки, скребла, остроконечники, долотовидные изделия, проколки, резцы. Особо отметим орудия из кости — двухрядный гарпун, остря, наконечники с пазами, рыболовные крючки, иглы, молотки, подвески и др.

Сведения о других местонахождениях района отрывочны. На р. Кан исследована стоянка Потанчет III, палеолитические культурные слои которой (4-6) залегают в пойменном аллювии 8 м террасы. В аналогичной геолого-геоморфологической ситуации находится стоянка Потанчет IV. К палеолиту здесь отнесены слои с 4 по 8. В 4 слое встречены остатки очага, обложенного гальками (Абдулов, 2001). Стоянка Мезенск на р. Усолке доставила позднепалеолитический комплекс (4 культурный слой) в отложениях погребенной почвы в толще 12 – 14 м террасы (Генералов, Дзюбас, 1987).

Приангарье

Поздний палеолит Северного Приангарья исследован слабо (рис. 31). Поздний комплекс Усть-Ковы связан с отложениями покровного суглинка и сопровождался фауной с преобладанием северного оленя, мамонта, бизона, лошади, лося. Вероятен позднесартанский его возраст, что подтверждается радиоуглеродной датировкой около 14 тыс. лет.

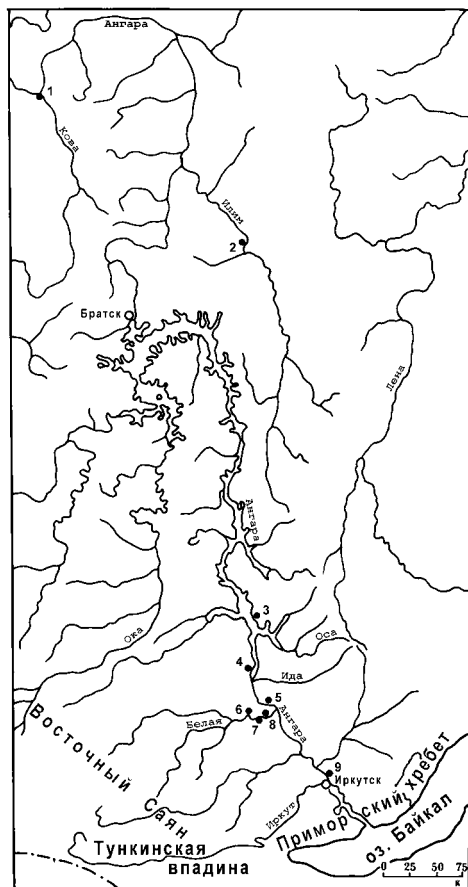

Рис. 31. Карта основных стратифицированных памятников поздней поры верхнего палеолита Приангарья.

1 – Усть-Кова; 2 – Изирма; 3 – Красный Яр I; 4 – Федяево; 5 – Кулаково I; 6 – Холмушино I; 7 – Сосновый Бор; 8 – Мальта, Чермушник I, II, Бадай I, V, Мальтинка I, Галашиха, Нижний Булай, Усть-Могой III, Щебен, Перешеек, Усть-Белая; 9 – Верхолеская Гора I, II.

Из слоя происходят одно- и двуплощадочные, дисковидные, торцовые нуклеусы, конусовидные и призматические микроядрища, резцы, ретушированные пластины, проколки (среди них отметим изделие с шлифовкой лезвия), долотовидные орудия, чоперы, листовидный бифас. Имеются украшения из бивня мамонта.

В долине Илима на стоянке Игирма в основании разреза 7м террасы встречены редкие палеолитические остатки. 8 культурный слой этого памятника датирован по кости временем около 11 тыс. лет (Васильевский и др., 1988).

В Верхнем Приангарье памятники концентрируются в нескольких группах. К северному скоплению относятся пункты близ устья р. Оса. Среди этих памятников центральное место занимает Красный Яр I (рис. 32; Абрамова, 1978). Культурные слои 2-4, объединяемые как поздний компонент памятника, связаны с верхами слоистых супесчаных отложений, интерпретируемых различными исследователями как делювий и перигляциальный аллювий. Фаунистические остатки этого комплекса характеризуются преобладанием лошади, северного оленя, бизона. Вероятная датировка — 13–14 тыс. лет. Слои 2 и 4 представлены отдельными находками, основной же, третий культурный слой доставил комплекс очагов (в качестве топлива использовался горючий сланец) и сосредоточенных неподалеку от них ямок. Ямки достигали в глубину 26 см при диаметре 10–15 см. В их заполнении встречены многочисленные угли и обломки костей, что, по мнению З. А. Абрамовой, свидетельствует в пользу их интерпретации как ямок для запекания пищи.

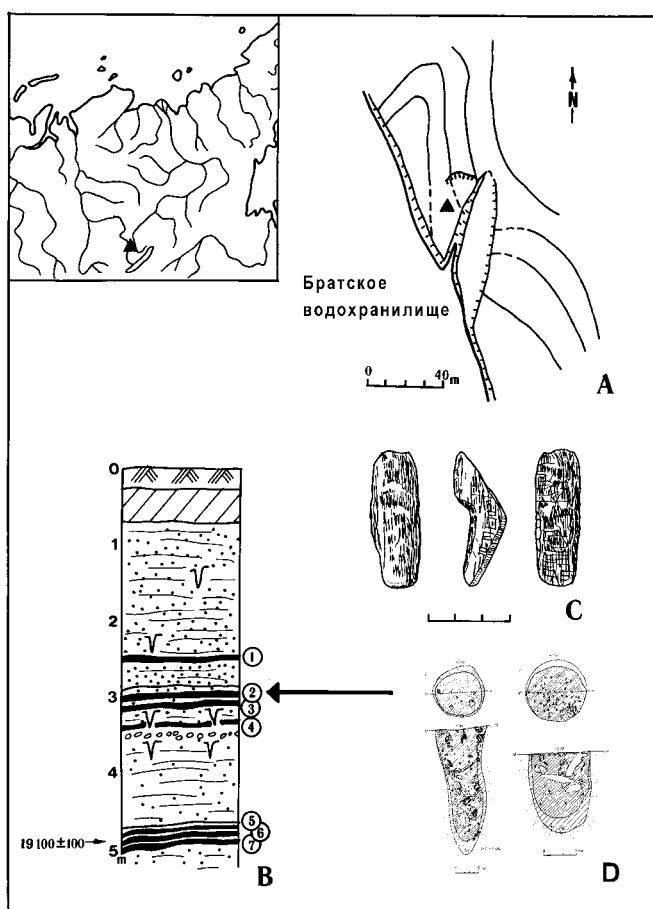

Рис. 32. Красный Яр I (по З. А. Абрамовой и Г. И. Медведеву).

А – расположение стоянки; В – стратиграфия; С – планы и разрезы ямок 2 культурного слоя.

Каменная индустрия основана на использовании местного кремня, реже кварцита. Интересно отметить, что в коллекции отсутствуют желваки и крупные ядрища; вероятно, часть процессов расщепления производилась вне площади поселения. Широко представлены микронуклеусы различных форм (призматические, торцовые, клиновидные). Индустрия носит пластинчатый характер. Распространены долотовидные орудия, ретушированные пластинки и отщепы, пластинки с притупленным краем, резцы, скребки, скребла, острия, проколки, чоперы. Комплекс дополняется

изделиями из кости — иглами, стержнями, бусинами из эмали зубов. Здесь же найдена схематичная костяная статуэтка, вероятно изображавшая полусидящую женщину.

Следующая концентрация памятников приурочена к нижнему течению р. Белая и прилегающему участку ангарской долины. С позднесартанским временем связываются комплексы 3 и 4 слоев стоянки Сосновый Бор (Лежненко и др., 1982). Четыре горизонта 3 слоя залегают в погребенной почве, а 4 слой — в подстилающих отложениях в верхней части разреза. В фауне 4 слоя преобладали остатки благородного оленя, в 3 слое — лошади, есть кости косули, северного оленя и др. Встреченные обломки бивня мамонта, вероятно, подбирались обитателями стоянки. Из слоя 3б получена радиоуглеродная датировка около 12 тыс. лет, которая подтверждает соотношение комплекса с позднесартанскими интерстадиалом. 4 слой, скорее всего, близок ему по времени.

Находки концентрировались вокруг кострищ и площадок для расщепления кремня, особенно многочисленных здесь. В целом стоянка рассматривается как мастерская по расщеплению жильного кремня. В инвентаре 4 слоя имеются клиновидные нуклеусы, разнообразные скребла, резцы, долотовидные изделия, скребки, микроострия. В 3 слое появляются конусовидные микронуклеусы, бифасиальные наконечники, тесла на гальках, здесь же найден костяной рыболовный крючок.

Наиболее богатые материалы из памятников данной группы происходят с известной с 20х г.г. стоянки Усть-Белая (Медведев, 1971). Она располагается на 8 м террасе р. Белой при ее впадении в Ангару (рис. 33). Относящийся к финальному палеолиту 14 культурный слой стоянки связан с аллювиальными супесями и перекрыт мощными наслоениями с остатками мезолита и неолита. Фаунистические данные (косуля, благородный олень, кости рыб) приведены в публикациях суммарно для 14-16 слоев без подразделения. В 14 слое расчищены остатки размытых кострищ. Среди находок заслуживает упоминания своеобразная «колотушка» из рога оленя.

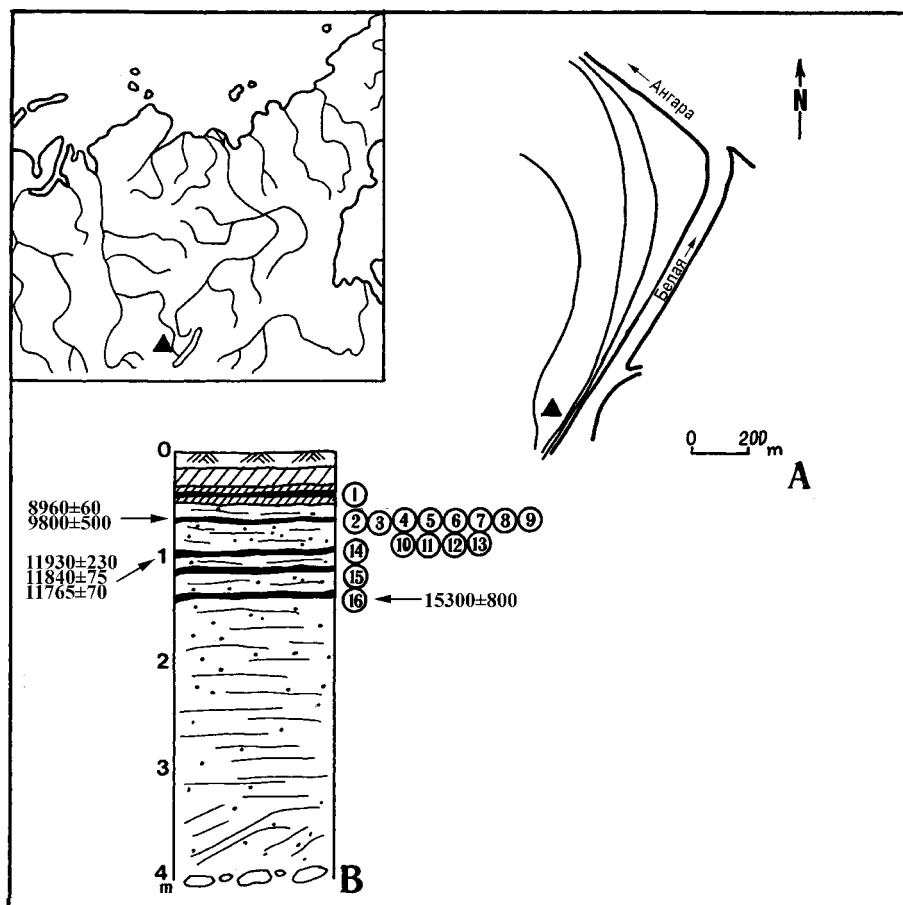

Рис. 33. Усть-Белая (по Г. И. Медведеву).
А — расположение стоянки; В — стратиграфия.

В окружающем районе зафиксировано большое число финальнопалеолитических стоянок с инвентарем, сходным с Усть-Белой (так называемый «бадайский комплекс»). В число этих памятников входит Черемушник I (Аксенов, 1966), где 1 культурный слой залегал в делювиальных супесях в верхней

части отложений 16 м террасы р. Белой. Обильная каменная индустрия здесь сопровождалась фауной лошади и косули. В раскопе вскрыт обложенный плитками известняка очаг. К несколько более древнему времени, порядка 13 – 14 тыс. лет, отнесена стоянка Черемушник II (Лежненко, 1974) на второй (20 м) террасе. Остатки второго, позднепалеолитического, культурного слоя были расчищены в слое карбонатизированной супеси, они были в значительной степени нарушены мерзлотными трещинами и соллюфлюкцией. Фауна — северный олень и лошадь.

На 16 – 18 м террасе р. Белой исследована на небольшой площади стоянка Холмушино I (Лежненко, 1975). Культурные остатки залегают в двух горизонтах в слое покровной супеси. Открыт обложенный гальками очаг. Близкие по облику находки поступили из зафиксированного на ограниченной площади верхнего культурного горизонта Мальты (Герасимов, 1935), 2 слоя стоянки Усть-Могой III, 4 слоя стоянки Щебень, 3 слоя стоянки Мальтинка I, 4-5 слоев Галашихи и ряда прочих пунктов (Бадай I, Перешеек и др.; Бердникова и др., 1991). На многослойной стоянке Бадай V (Бердникова и др., 1993) к позднему палеолиту отнесены находки из культурных слоев 2, 2а, 3 и 3а, связанные с эоловыми отложениями и погребенной почвой в верхней части разреза 13 – 18 м террасового уровня.

Переходя к памятникам Ангары, стоит упомянуть стоянку Кулаково I (Лежненко, 1974), расположенную на 10 – 12 м террасе. Культурные остатки зафиксированы в погребенной почве в толще покровных суглинков. Фауна — северный олень и лошадь. Ориентировочная датировка — финал сартанского времени, порядка 12 – 13 тыс. лет. В раскопе вскрыт очаг, обложенный гальками и плитками доломита. В этот же круг памятников, вероятно, входит стоянка Федяево (Астахов, 1963) с культурным слоем, приуроченным к лессовидной супеси в верхах отложения 18 – 22 м террасы. В составе фауны преобладает северный олень.

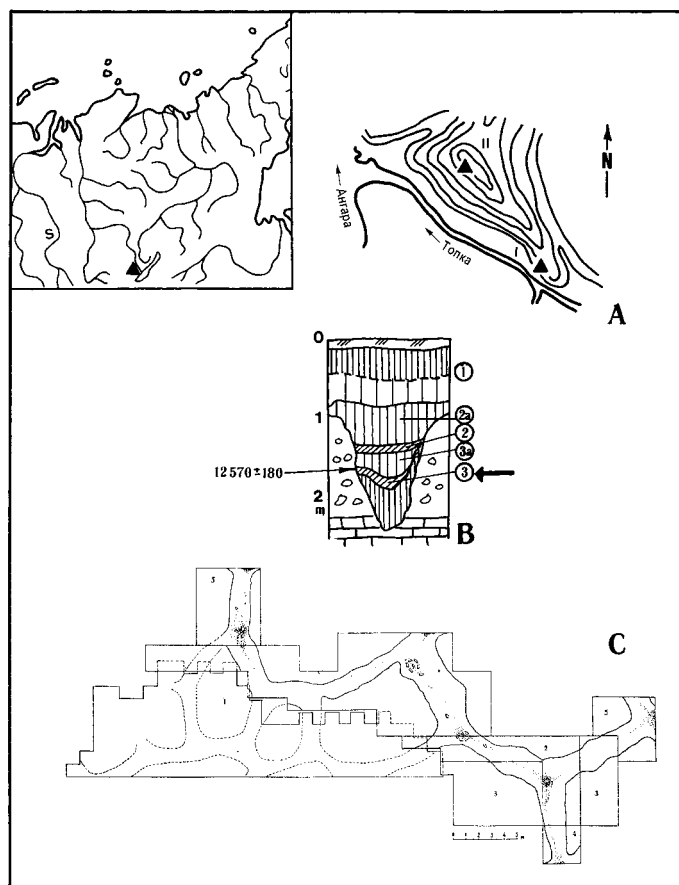

Рис. 34. *Верхоленская Гора I (по Г. И. Медведеву и М. П. Аксенову).*

A – расположение стоянок Верхоленская Гора I и II; B – стратиграфия; C – план скопления находок в узлах трещинно-полигональной системы.

Расположенная на территории г. Иркутска Верхоленская Гора I в течение длительного времени оставалась основным памятником финального палеолита Приангарья (рис. 34). Открытая в 1893 г. М. П. Овчинниковым, она раскапывалась в 1919 – 1928 г.г. Б. Э. Петри, в 1959, 1963, 1965 г.г. — Г. И.

Медведевым, в 1977 г. — И. Л. Леженко (Аксенов, 1980). Памятник расположен на возвышенности 24 – 28 м над уровнем Ангары, ограниченном двумя долинами. Основная особенность его — наличие сети мощных широких тектонических трещин в цоколе юрских пород, слагающих холм. По этой сети в четвертичное время была заложена система криогенных полигональных трещин, в заполнении которых встречены культурные остатки. По разрезу рыхлого заполнителя одной из таких структур записан следующий разрез:

1.	Современная почва. 1 культурный слой (мезолит)	0,35 м
2.	Коричнево-палевая супесь	0,35 м
3.	Лессовидный суглинок, в основании — 2 культурный слой	0,3 м
4.	Серый суглинок, заполняющий нижнюю часть трещины. 3 культурный слой	1,25 м

Среди фаунистических остатков отмечены кости преимущественно лесных видов — благородного оленя, косули, лося, но есть также лошадь и бизон. Многочисленны кости птиц и рыб. Интересна находка скорлупы яиц страуса. Вероятно, 3 слой формировался в период позднесартанского похолодания, что соответствует радиоуглеродной датировке из горизонта 3d порядка 12,5 тыс. лет. 2 слой может быть отнесен к рубежу плейстоцена и голоцена.

Поселение 3 культурного слоя своеобразно, древние люди селились в период, когда трещины представляли собой открытые каналы глубиной 1 – 2 м и шириной 1 – 3 м. Эта особенность рельефа была использована доисторическими обитателями Верхоленской Горы. Большинство находок, в том числе очаги, обложенные по дну и стенкам плитками песчаника, концентрировались в местах сопряжения трещин. В период функционирования поселения 2 культурного слоя трещины были уже в основном заполнены породой, но еще читались в рельефе.

Каменная индустрия 2 и 3 слоев основана на использовании плиток аргиллита, реже галек дацита и кварцита. Имеется серия клиновидных микронуклеусов, многочисленные бифасиальные скребла-ножи полулунной формы, своеобразные ножи сегментовидной формы, скребла, поперечные резцы на ретушированных пластинах, скребки на отщепках, долотовидные орудия, чопперы. Во 2 слое появляются конические микронуклеусы и крупные тесловидные изделия. Памятник доставил великолепные образцы роговых двухрядных гарпунов, наконечников с пазами и беспазовых, есть роговые острия, орудия из лопаток оленя, роговой молоток, шилье, подвески. В инвентаре 2 слоя отмечены мелкие костяные наконечники с пазами, вероятно служившие для оснащения стрел. Интересно открытие орудия из бивня мамонта, вероятно подобранного обитателями стоянки.

На расположенной неподалеку на 70 м возвышенности стоянке Верхоленская Гора II вскрыта толща суглинков и супесей, перекрывающих скальный цоколь. В них изучено два культурных слоя, коррелируемые стратиграфически с нижними горизонтами Верхоленской Горы I.

Верхняя Лена

Важнейшие палеолитические стоянки Верхней Лены сосредоточены на участке долины в районе пос. Качуг (рис. 35). Основной памятник — Макарово II, расположен на останце конуса выноса на отметках 8 – 10 м (рис. 36). Открытая С. М. Цейтлиным в 1967 г., стоянка исследовалась М. П. Аксеновым (1974) в 1968 – 1971 г.г. В разрезе вскрыто:

1.	Современная почва. 1 культурный слой (смешанные находки)	0,4 м
2.	Серая лессовидная супесь	0,2 м
3.	Палевая лессовидная супесь, в средней части которой вскрыты остатки погребенной почвы. Из основания почвы спущены мерзлотные трещины. 2 культурный слой (мезолит)	1,1 м
4.	Лессовидные отложения с погребенной почвой. В ней залегает 3 культурный слой	0,5 м
5.	Погребенная почва. 4 культурный слой	0,3 м
6.	Переслаивание супесей и глин с галечно-щебнистыми прослоями	1,0 м

В фауне нижних слоев представлены остатки лошади, бизона, благородного оленя, а в 3 слое — рыб (тайменя). Предполагается, что 3 и 4 слои могут быть соотнесены с таймырским интерстадиалом, что подтверждается радиоуглеродными датировками 4 слоя порядка 12 тыс. лет и 3 слоя от 11,9 до 11,4 тыс.

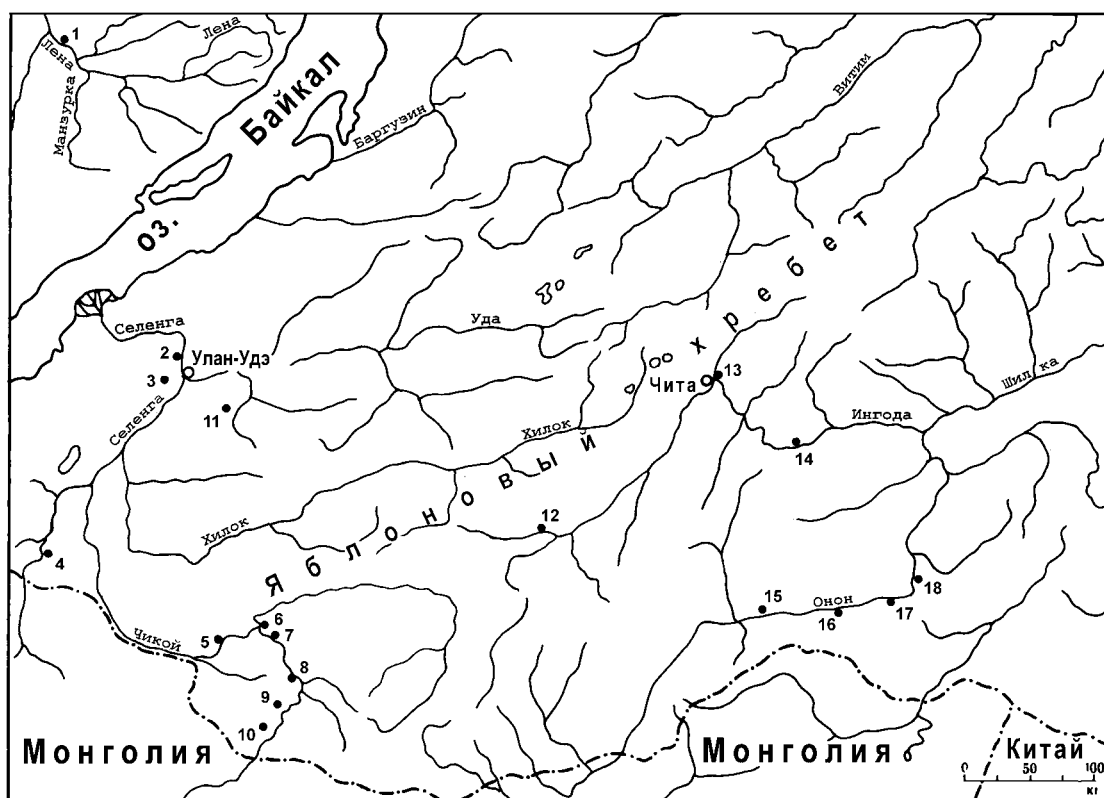

Рис. 35. Карта основных стратифицированных памятников поздней поры верхнего палеолита Верхней Лены и южного Забайкалья.

1: Шишкино II, Макарово I, II; 2: Ошурково; 3: Мухино; 4: Усть-Кяхта I-III, XVII; 5: Студеное I, II; 6: Усть-Менза I-IV; 7: Косая Шивера I, II; 8: Алтан; 9: Егоркина пещера; 10: Кристинкина пещера; 11: Мухор-Тала VII; 12: Танга; 13: Сохатино IV; 14: Кадахта; 15: Амогolon; 16: Кубухай; 17: Чиндант; 18: Икарал.

Находки 3 и 4 слоев сосредотачивались вокруг очагов. Каменная индустрия базировалась на использовании галек кремневых пород. Встречены одно-, двуплощадочные и клиновидные нуклеусы, продольные скребла, скребки на отщепах, поперечный резец и др. Из 4 слоя происходит тонкий роговой наконечник, из 3 слоя — роговой гарпун, острие из рога и предметы обработанной кости.

Поблизости, на участке первой (6 м) террасы Лены располагается стоянка Макарово I (Аксенов, 1970). В нижнем слое этого памятника, залегавшего в лессовидной супеси, встречены кости оленя и многочисленные остатки рыб (в основном, окуня). Близость Макарово I и II позволяет рассматривать их как два участка единого древнего поселения. Об одновременности Макарово I и 3 слоя Макарово II свидетельствует факт подборки ряда предметов расщепленного камня с двух памятников. В Макарово I изучены остатки округлого в плане жилого комплекса диаметром 6 – 7 м, границы которого определены по расположению плиток песчаника, а в центре имеется обложенный плитами очаг.

На стоянке Шишкино II (Аксенов, Шмыгун, 1974, Воробьева и др., 1990) в отложениях 10 м террасового уступа под современной почвой с остатками 1 культурного слоя и подстилающими суглинками, содержащими мезолитический (2) слой, прослежена толща переслаивающихся суглинков с культурными слоями 3а, 3б и 4. В 3 слое определены кости рыб. Этот комплекс коррелируется авторами раскопок с нижними горизонтами Макарово II. Вскрыты остатки каменной конструкции с очагом в центре, сильно нарушенной криогенными деформациями, интерпретируемой как аналог жилого комплекса Макарово I.

Мы оставляем в стороне немногочисленные следы заселения очень выборочно обследованной долины Лены севернее от Качуга, равно как и памятники севера Байкала и долины Витима уже в Забайкалье. Эти пункты географически выходят за пределы южносибирского ареала, а полученные здесь материалы имеют больше отношения к проблематике палеолита северо-востока Азии, которую мы здесь не рассматриваем.

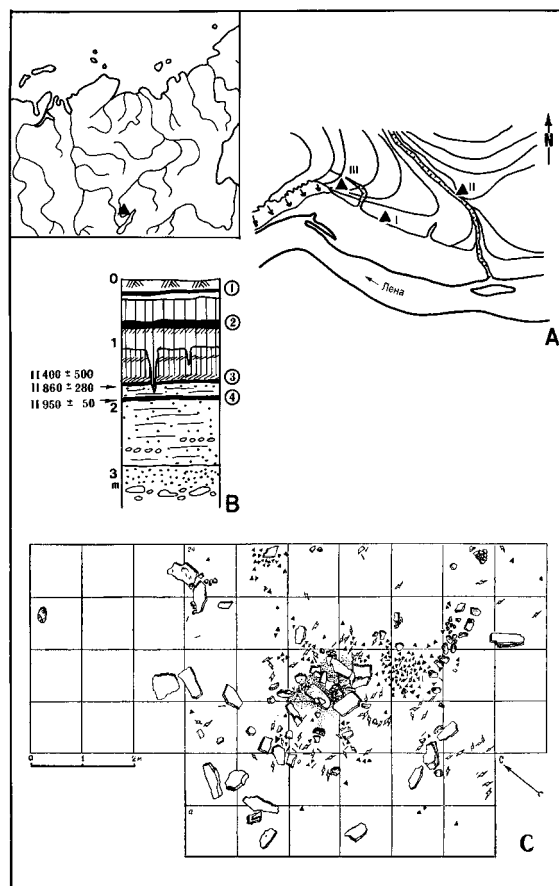

Рис. 36. Макарово I и II (по М. П. Аксенову).

A: Расположение стоянок Макарово I-III; B: Стратиграфия стоянки Макарово II; C: План остатков жилища со стоянки Макарово I.

Забайкалье

Основной памятник Западного Забайкалья — стоянка Ошурково на Селенге. Она была открыта А. П. Окладниковым в 1951 г. и исследовалась в 1958 г. (Окладников, 1959). Древнее поселение приурочено к 6 – 8 м террасе, в разрезе которой вскрыто:

1.	Современная почва. 1 культурный слой	0,45 м
2.	Палевая супесь	0,2 м
3.	Остатки погребенной почвы с включением линз песка и гравия. 2 культурный слой (мезолит)	0,4 м
4.	Желтовато-серый песок с гравием	0,07 м
5.	Желтовато-серая супесь с гумусированными участками. 3 культурный слой	0,6 м
6.	Песчанистая супесь	0,55 м
7.	Переслаивание песчано-гравийных и супесчаных линз	0,35 м
8.	Желтовато-серая слоистая супесь	0,35 м
9.	Переслаивание серой супеси и белесого песка	0,1 м
10.	Серовато-желтая супесь с гравием	0,3 м
11.	Песок с гравием	0,07 м
12.	Слоистая супесь	0,25 м

Литологические слои с 4 по 9 рассматривались С. М. Цейтлиным (1979) как перигляциальный аллювий террасы. По данным споро-пыльцевого анализа реконструируется обстановка сухих полярных степей. Фауна, опубликованная суммарно для нижних культурных слоев, включает остатки северного оленя, бизона, благородного оленя и лося. В целом палеолитические остатки в Ошурково датированы финалом плейстоцена, что подтверждается радиоуглеродными датировками для 3 слоя около 10 – 11 тыс. лет (Константинов М. В., 1994). Дата по иониевому методу в 24 тыс. лет признается ошибочной.

Нижние слои Ошурково доставили индустрию, основанную на скалывании отщепов с одноплощадочных ядрищ. Есть клиновидные (в том числе гобийского типа) и торцовые микронуклеусы. Среди орудий доминируют скребла на отщепах и плоских гальках, включая своеобразные бифасиальные изделия полулунной формы. Есть скребки и долотовидные орудия, много чопперов, среди которых выделяются изделия на удлинённых гальках. Комплекс дополняется плоскими костяными наконечниками с пазами и иглой.

Другой стратифицированный памятник в бассейне Селенги — стоянка Мухино (Ярославцева, 1993), где в основании колонки разреза 3,5 – 4 м террасы под пачкой неолитических слоев выделен горизонт залегания палеолитических артефактов, обозначенный как 7 культурный слой. На выдувах в долине Селенги известно значительное число пунктов с подъемным материалом, где каменные орудия встречались совместно с остатками плейстоценовой фауны (мамонт, носорог, бык) и сопровождалась иногда скорлупой яиц страуса. Особенно много таких стоянок открыто в районе Усть-Кяхты, на границе с Монголией. Помимо сборов, А. П. Окладников (1981) вел здесь раскопки на пункте Усть-Кяхта III, расположенном на второй террасе. Отсюда были получены радиоуглеродные датировки 11,5 – 12,5 тыс. лет. Помимо этого, материалы финала плейстоцена известны с мало обследованных пунктов Усть-Кяхта I и II (Лбова, Хамзина, 1999).

Позднее В. И. Ташак (1996, 1998) обследовал ряд местонахождений, из числа которых выделяется стоянка Усть-Кяхта XVII. Культурные слои ее связаны с отложениями первой (5 – 6 м) террасы Селенги. В толще слоистых песков и супесей вскрыты остатки шести культурных слоев. Помимо бизона, благородного и северного оленя, винторогой антилопы и лошади, много костей сурка и рыб. Вероятен финальнопалеолитический возраст памятника, что подтверждается серией радиоуглеродных датировок. В различных слоях расчищены кострища. Каменная индустрия характеризуется призматическими и клиновидными нуклеусами, поперечными резцами на пластинах, ретушированными пластинами, скребками. Найден уплощенный костяной наконечник с пазом, рыболовные крючки, обломок гарпуна и бусины.

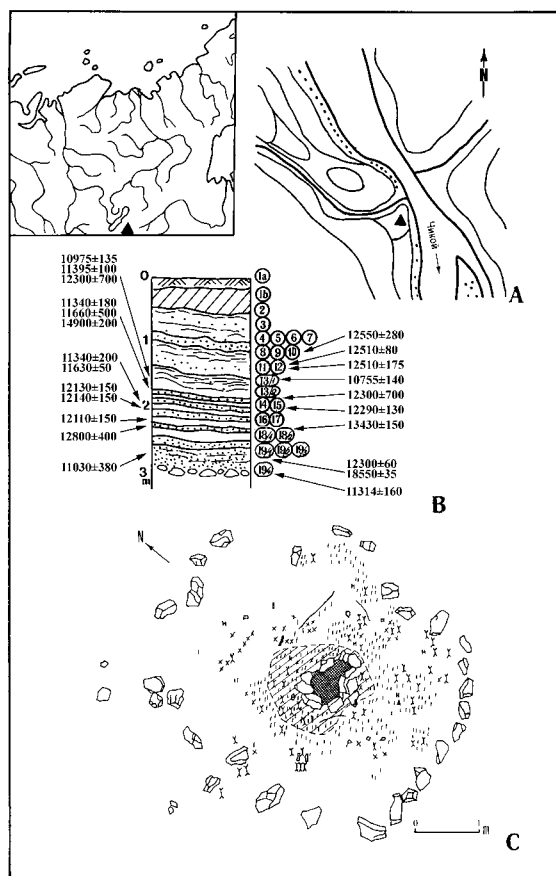

Рис. 37. Студеное I (по М. В. Константинову).

А: Расположение стоянки; В: Стратиграфия; С: Жилище с каменной обкладкой (17 культурный слой).

Наиболее богатые материалы по рассматриваемому нами периоду доставили долины Чикоя и его притока, р. Мензы. Из числа памятников этого региона сложной стратиграфической картиной выделяется стоянка Студеное I (рис. 37), расположенная на 5 – 6 м террасе Чикоя близ впадения в реку ручья Студеный. Стоянка была открыта в 1970 г., а с 1974 г. ведутся раскопки под руководством М. В. Константинова (Базаров и др., 1982, Константинов М. В., 1994, Константинов А. В., 2001). Вскрыта следующая последовательность напластований:

1. Современная почва. 1а культурный слой (энеолит-бронза)	0,2 м
2. Палево-бурая супесь. 1б культурный слой (неолит)	0,65 м
3. Серая супесь Культурные слои 2-7 (неолит)	0,8 м
4. Переслаивание серой супеси с песком. Культурные слои 8, 9 (неолит), 10-12 (мезолит)	0,6 м
5. Переслаивание серовато-желтых песков и супесей. Культурные слои 13/1 и 13/2	0,4 м
6. Илесто-песчаный слой. Культурные слои 14 и 15	0,5 м
7. Переслаивание коричнево-бурых и серых песков. Культурные слои 16, 17, 18/1, 18/2, 19/1, 19/2, 19/3 и 19/4	0,85 м
8. Галечник.	

Таким образом, пачка палеолитических культурных слоев связана с нижней частью аллювиальных отложений террасы. Вероятно, в плейстоцене на месте расположения стоянки периодически образовывалась заводь, в которую время от времени прорывалось основное течение реки. Палинология также свидетельствует об обстановке влажного и достаточно теплого климата в период, соответствующий накоплению слоев с 19 по 14 (господство сосново-березово-ольховых лесов с примесью широколиственных пород). Позже происходит некоторое похолодание и иссушение климата с распространением злаково-полюнных степей. Редкие фаунистические остатки принадлежат быку или бизону, благородному оленю, лошади, косуле, барану.

Из слоя 19 получена радиоуглеродная дата порядка 11 тыс. лет, в то время как из вышележащих горизонтов с 18/2 по 14 — серия определений от 12,8 до примерно 11 тыс. лет (исключая явно омоложенные голоценовые даты). Большинство дат указывают на финальнопалеолитический возраст памятника. Вероятно, горизонты с 19 по 14 соответствуют позднесартанскому (кокоревскому) потеплению, а вышележащие слои накапливались в период заключительной холодной фазы сартана.

В самом нижнем, расположенном прямо на поверхности галечника, слое 19/4 вскрыты остатки двух жилищ, располагавшихся в ряд параллельно реке. Они имели четко выраженные внешние каменные обкладки. Во внутренней части их размещались обложенные камнями очаги. Размеры комплексов 3,6х3,2 м и 4,3х3,7 м. Если в первом случае камни кладки образовывали в плане неправильно-овальную структуру, то во втором линия камней загибалась к асимметрично расположенному очагу. Многочисленные комплексы со следами дугообразных кладок открыты в слоях 19/3, 18/2 и 18/1, отдельные обложенные камнями очаги — в слоях 19/1 и 16. В 17 слое расчищены остатки жилища с внешней обкладкой. Очертания его в плане близки к прямоугольным, размеры 5,1х4,4 м. Отметим находку обломков дерева во внутренней части хижины. Вышележащие слои доставили лишь скопления остатков в углистых линзах вокруг очагов. Интересно, что в разных слоях памятника, как и в усть-мензинских стоянках (см. ниже) практически все находки происходят из жилищ и приочажных скоплений, за их пределами находки отсутствуют. Расстояния между скоплениями варьируют от 2 до 7 м. Жилые комплексы последовательно залегающих слоев нередко расположены один поверх другого, демонстрируя преемственность обитания человека на данном участке, прикрытом в плейстоцене от ветра прирусловым валом.

Каждый из многочисленных слоев памятника доставил ограниченное число находок, однако их общее сходство позволяет дать суммарную характеристику. Это индустрия, основанная на использовании галечного сырья. Есть крупные одно- и двуплощадочные ядрища, бифасиально обработанные клиновидные и торцовые микронуклеусы. Среди орудий широко представлены скребла на отщепе и пластинах, скребки на отщепе. Встречены ретушированные пластинки и микропластинки, косоретушные и поперечные резцы, выемчатые изделия, чопперы. Найдено плоское костяное вкладышевое орудие.

К позднесартанскому времени, вероятно, относится 3 культурный слой расположенной рядом, на участке 9 – 10 м террасы, стоянки Студеное II. Здесь открыты остатки жилого комплекса с внешней пунктирной обкладкой из камней и центральным очагом. (Константинов А. В., 2001).

Второе после устья Студеного сосредоточение многослойных памятников на Чикое приурочено к устью р. Менза и исследуется с 1980 г. под руководством М. В. Константинова (Константинов М. В., 1994, Константинов А. В., 2001).

На участке первой (5 – 6 м) террасы располагается стоянка Усть-Менза I. В ее стратиграфической колонке под современной почвой залегают наложенные пойменные отложения и почвенный слой террасы. С ними связаны культурные слои 1-10 (бронзовый век, неолит, мезолит). Ниже, в переслаивающихся супесях и песках, представляющих собой пойменный аллювий террасы, вскрыты остатки плейстоценовых слоев 11-25, причем самый нижний слой залегал непосредственно на поверхности галечника, аналогично слою 19/4 Студеного I. Встречены кости бизона и рыб. Каменный и костяной инвентарь памятников мензенской группы по сути аналогичен находкам из Студеного.

Наиболее интересная структура обитания исследована в 25 слое, где обнаружен своеобразный комплекс, состоявший из очага и примыкающего к нему каменного вала длиной до 5 м и высотой 0,5 м. Возможно, это следы основания стенки жилища. Обложенные камнями очаги расчищены также в слоях 11 и 12.

Стоянка Усть-Менза III дислоцирована на второй террасе. Верхняя часть разреза сложена здесь эоловыми песками с горизонтами погребенных почв, содержащих культурные остатки бронзового века. Ниже следует серия песчаных прослоев с палеолитическими слоями 2х, 2а, 3-5. В 4 слое выявлен комплекс из вытянутых в линию четырех очагов, сопровождавшихся дугообразными каменными кладками. Общие размеры структуры — 14х3 м.

В меньшей степени изучена стоянка Усть-Менза IV, связанная с уступом первой (8 – 10 м) террасы. К палеолиту здесь отнесены 2 культурный слой, залегающий в основании покровных супесей, и слой 3, связанный с кровлей аллювиальных песков. Во 2 слое расчищена округлая выкладка из камней диаметром 4,5 м с очагом в центре. Эти остатки предполагаемого жилища сильно разрушены мерзлотными процессами.

Выше по течению р. Менза, на 8,5 м террасе располагается стоянка Косая Шивера I (Константинов А. В., 2001). Под покровными отложениями с остатками культурных слоев 1-6 (бронзовый век, неолит) вскрыта пачка переслаивающихся песков и илов аллювиального генезиса, содержащих культурные слои 7-14. 14 культурный слой датирован по образцу древесного угля временем около 12 тыс. лет. В нем вскрыты остатки округло-овального в плане жилища размерами 4,4х4,9 м с обложенным камнями очагом. В углистой линзе вокруг очага были сосредоточены все находки, а края жилища опознавались по пунктирной кладке камней. На расположенной поблизости стоянке Косая Шивера II в 4 культурном слое открыты остатки очага и внешней каменной обкладки.

Другой многослойный памятник на р. Мензе — стоянка Алтан (Базарова и др., 1987), связанная с отложениями первой (5,5 м) террасы. К палеолиту отнесены самые нижние (16-19) культурные слои, залегающие в основании слоистой аллювиальной толщи, аналогичной разрезам стоянок Усть-Менза I и Студеное I. Отдельные предположительно палеолитические артефакты открыты в нижних слоях Егоркиной и Крестинкиной пещер в долине Мензы (Константинов, Руденко, 1986).

Среди памятников северной части региона к финалу плейстоцена отнесена стоянка-мастерская Мухор-Тала VII (Лбова, 2000).

Из числа стоянок юго-восточного Забайкалья, долины Онона, привлекает внимание местонахождение Амоголон (Окладников, Кириллов, 1980), расположенное на 12 м террасе. К палеолиту относятся 3 и 4 культурные слои, залегающие ниже неолитических остатков. Интересно отметить вскрытую в 3 слое своеобразную каменную кладку в виде дуги, сооруженную из речных галек и плиток гнейса. Встречена индустрия с одно- и двуплощадочными ядрищами, клиновидными и торцовыми микронуклеусами, серией резцов, проколов, скребков на отщепах, скребел, чопперов.

На стоянке Икарал (Шамсутдинов, 1966) культурный слой был связан с толщей песков в отложениях 32 м террасовидного уступа. Немногочисленные находки из яшмы и халцедона (одноплощадочные ядрища на гальках, клиновидные микронуклеусы, в том числе заготовка гобийской формы, срединный резец и др.) концентрировались вокруг кострища. Здесь же определены кости шерстистого носорога. Отдельные палеолитические артефакты в сопровождении плейстоценовой фауны известны в долине Онона в различных пунктах на террасовых отметках 12–15, 18 и 30 м (Чиндант, Кубухай, Баржигантай, Цаган-Ола и др.; Окладников, Кириллов, 1980). Разумеется, время существования перечисленных выше памятников еще предстоит уточнить и нельзя исключить более ранний, чем финал палеолита, возраст местонахождений.

Богатейший позднепалеолитический памятник на востоке Забайкалья — стоянка Сухотино (по прежней версии — Сохатино) IV, исследованная И. И. Кирилловым на протяжении ряда лет, начиная с 1972 г. Результаты этих крупномасштабных работ освещены в литературе крайне выборочно (Окладников, Кириллов, 1980). Памятник приурочен к отложениям второй (10 – 12 м) террасы Ингоды. В основании современной почвы залегают остатки верхнего культурного слоя, ниже следует толща

лессовидных осадков с остатками двух погребенных почв, с которыми связаны 2 и 3 культурные слои финала палеолита. Эти седименты разбиты морозобойными трещинами.

В фауне памятника (Каспаров, 1986) преобладают остатки барана, распространены лошадь, благородный олень, бизон, сайга, шерстистый носорог и винторогая антилопа. Судя по составу фауны с представителями лесных, степных и лесостепных видов, реконструируются мозаичные ландшафты. По верхнему слою получены две абсолютные датировки, из которых дата по древесному углю порядка 26 тыс. лет, считается удревненной. Дата по кости около 12 тыс. лет хорошо соотносится с геологическими данными. В верхнем культурном слое стоянки расчищены рабочие площадки — скопления расщепленного камня.

Индустрия основана на использовании галечного сырья (витрофир, кремнистые породы). Преобладает техника скалывания отщепов с одно- и двуплощадочных, иногда близких к леваллуазским, ядрищ. Распространены многоплощадочные, конусовидные, треугольные леваллуазские нуклеусы. Микронуклеусы представлены клиновидными, карандашевидными, кельтовидными и торцовыми вариантами. Орудия — разнообразные скребла (в том числе овальные, сегментовидные и треугольные изделия с бифасиальной обработкой), скребки на отщепах и пластинках, долотовидные изделия, остроконечники, ретушированные пластины, проколки, чопперы и др. Своеобразие коллекции придает наличие серии листовидных бифасов.

В районе Читы исследована стоянка Дворцы, где культурные остатки, вероятно финальнопалеолитического возраста, залежали в щебнистых отложениях, рассеченных морозобойными трещинами. Комплекс сопровождался находками фауны носорога и козули, открыты обложенные камнями очаги (Кириллов, Ковычев, 1976).

Другой памятник поздней поры палеолита в бассейне Ингоды — стоянка Танга (Кириллов, 1975). Культурные остатки были выявлены на трех уровнях в покровных супесях и суглинках 12 м террасы р. Тонгокан и сопровождалась костями шерстистого носорога. В нижнем слое открыты остатки очага. Встречена пластинчатая индустрия. Среди находок отметим заготовку клиновидного нуклеуса, поперечный резец, полиэдрический резец, скребло и др. Вероятно, к близкому времени относится стоянка Кадахта на Ингоде, связанная с 15 – 16 м террасой. В толще слоистых супесчано-суглинистых отложений со следами криогенных деформаций залегал 2 культурный слой, а непосредственно на поверхности скальных выходов — третий. В составе фауны также преобладали остатки носорога (Кириллов, 1987).

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА В ЮЖНОЙ СИБИРИ

Расположение стоянок на местности

Большинство сибирских финальнопалеолитических стоянок дислоцировано вдоль основных магистральных рек. Обусловлена ли такая группировка действительным тяготением древних сообществ к крупным водным артериям, или это всего лишь отражение различной степени сохранности и доступности позднечетвертичных отложений, сказать трудно. Вероятно, здесь задействовано несколько факторов, в том числе и направленность археологического поиска, учитывая, что информационный фонд по палеолиту Ангары и Енисея получен в ходе деятельности новостроечных экспедиций на водохранилищах.

В пределах долин памятники группируются в ряде «гнезд», как правило, приуроченным к районам с контрастным ландшафтом, стыкам физико-географических зон. Так, на Алтае большое число местонахождений известно на месте слияния Бии и Катунь, в Солтонской впадине близ рек Ушлепа и Чулды.

На Енисее основные группы стратифицированных стоянок связаны с пересечением долины хребтами Восточного и Западного Саяна, а также участком Северо-Минусинской котловины между Батеневским и Солтонским кряжами. На Верхней Ангаре это осинское расширение долины, приустьевая часть р. Белой и край Иркутско-Черемховской равнины на стыке с Приморским хребтом (в районе современного г. Иркутска). На Верхней Лене памятники приурочены к месту входа реки в пределы Верхне-Ленского поднятия. В Забайкалье имеется ряд концентраций стоянок в приустьевых участках притоков Чикоя и Ингоды.

Система расположения стоянок на местности значительно варьирует в различных областях Северной Азии. Так, на юге Западной Сибири имеются памятники, приуроченные к песчаным возвышенностям (гривам) и древним дюнам. На Алтае финальнопалеолитические местонахождения зафиксированы в покровных отложениях, перекрывающих как низкие уровни террас, так и на возвышенностях. На Енисее наблюдается сосредоточение памятников в отложениях низких надпойменных террас и на уровнях высокого яруса. Здесь же в районе Красноярска выделен особый тип стоянок, связанных с высокими скальными останцами — «быками». В Приангарье также фиксируются

стоянки низких и высоких (Верхоленская Гора) уровней. В то же время в Забайкалье и на верхней Лене большинство местонахождений связано с низкими террасовыми уровнями.

Функциональная дифференциация стоянок

Многие сибирские стоянки захоронены в аллювиальных толщах террас, они отличаются тонкими культурными слоями с рассеянными по площади остатками. Вероятно, древние поселения являются следами сезонных обитаний групп охотников-собираателей на песчаных берегах поблизости от воды. В ряде случаев, когда имелась возможность изучить памятники как низкого, так и высокого ярусов, удастся выделить признаки попеременного заселения этих мест. Подобная сложная «пульсирующая» система сезонного освоения территории связана с миграциями стад копытных, в первую очередь, северного оленя.

Основная часть сибирских памятников представляет собой жилые стоянки, на которых производился полный цикл обработки камня. Такое совмещение функции стоянки и мастерской обусловлено широким использованием галечного сырья, добывавшегося непосредственно вблизи от места обитания. Иногда дифференциация стоянка-мастерская переносится в план специализации участков поселения, как это прослежено в комплексах верхних слоев Майнинской стоянки.

Вместе с тем, в Южной Сибири также есть немногочисленные примеры специализированных памятников. К ним относятся стоянки-мастерские на местах выходов сырья (Сопка Урожайная, Стрижовая Гора, Сосновый Бор), изолированные клады каменных и костяных изделий (Сосновое Озеро).

Характер хозяйственной деятельности

Экономика обитателей Сибири в финале плейстоцена базировалась на добыче различных видов животных, из которых в самом общем плане на первом месте стояли северный олень, бизон и лошадь. В Западной Сибири основным промысловым видом был, вероятно, бизон. Хозяйство позднепалеолитических обитателей Алтая базировалось на промысле диких лошадей, первобытных быков и бизонов. Судя по материалам из Каминной пещеры, охотничьей добычей становились также благородный олень, косуля, горные козлы и бараны. В отличие от других регионов Сибири, достоверных остатков северного оленя здесь не встречено. Отметим наличие в фауне Каминной костей носорога. Немногочисленные находки мамонта пока не могут быть однозначно увязаны с охотничьей деятельностью, вероятно речь идет о сборе костей.

В долине Среднего Енисея в конце плейстоцена роль охоты на северного оленя возрастает, и его остатки абсолютно преобладают. Также была развита добыча лошади, бизона, аргали. Для ряда комплексов, таких как некоторые слои Лиственки и Кокорево III, можно говорить о массовой специализированной добыче зайца. Южнее, в горах Западного Саяна, палеолитические охотники успешно промыслили бизона, благородного оленя и сибирского козерога. На Ангаре объектами охоты в это время были лошадь, бизон, благородный олень и косуля. В Забайкалье главные промысловые виды — северный олень, лошадь, горный баран, бизон, винторогая антилопа, а в восточной части этого региона особую роль играла добыча носорога.

Охота осуществлялась в основном при помощи метательного вооружения (копий, дротиков), оснащенных каменными, костяными и роговыми наконечниками. В Приангарье фиксируется появление лука и стрел (Верхоленская Гора I, Усть-Белая). Добыча доставлялась на стоянку в виде крупных кусков туш, о чем говорят многочисленные находки костей конечностей и участков позвоночника оленей, козорогов, бизонов и др. Особый вид охотничьей деятельности представляла собой добыча мелких хищников (песца, волка, лисицы), вероятно с целью получения меха. Несомненно, широкое распространение получила охота на птиц, чаще всего куропаток.

Охота дополнялась собирательством, которое в суровых условиях Сибири неизбежно носило вспомогательный характер. В этой связи стоит отметить находку зернотерки в финальнопалеолитическом слое стоянки Уй II, что является указанием на наличие усложненных форм собирательства. Гораздо сложнее представить истинную роль рыболовства, учитывая зависимость сохранности костей рыб от условий захоронения и возможность естественного погребения остатков ихтиофауны в аллювиальных толщах. В финале плейстоцена фиксируется нарастание роли рыболовства как на юге Западной Сибири (Черноозерье II), так и в байкальском регионе, где появляются гарпуны, зубцы острог и рыболовные крючки.

Структуры обитания

Сибирские стоянки доставили значительное число структур обитания, позволяющих реконструировать облик древних поселений. Большинство остатков сконцентрировано в линзах углистого, реже окрашенного охрой, культурного слоя у очагов. Среди очажных комплексов наиболее сложной формой отличаются известные в палеолите Енисея и Ангары объекты с обкладкой каменными

плитками стенок в виде розетки (Кокорево I, Новоселово VI) или стенок и дна (Верхоленская Гора I). Очень распространены очажные конструкции с кольцевыми плоскими каменными обкладками. Они известны от Алтая (Майма, Усть-Кулом), Енисея (Афонтова Гора III, Лиственка, Переселенческий Пункт, Майнинская, Уй II), Ангары (Кулаково I, Холмушино I, Черемушник I) и Лены (Макарово I, II, Шишкино II) до Забайкалья (Ошурково, Усть-Менза I, III, IV, Косая Шивера I, II, Студеное I, Дворцы). Иногда очаги сопровождаются всего двумя-тремя очажными камнями и приочажными ямками. Последние объекты известны из стоянки Черноозерье II.

На основании имеющихся материалов можно не только констатировать наличие искусственных убежищ, но и предложить определенную типологию таких конструкций. Прежде всего, отметим остатки легких наземных жилищ, очертания которых четко улавливаются по наличию камней, вероятно придавливавших края перекрытия из шкур (рис. 38). В их число входят объекты удлиненно-овальной формы, включавшие несколько очагов в ряд (Усть-Менза III). Остается неясным, как интерпретировать данные структуры — то ли как остатки удлиненных жилищ, то ли как следы нескольких поставленных в ряд округлых хижин.

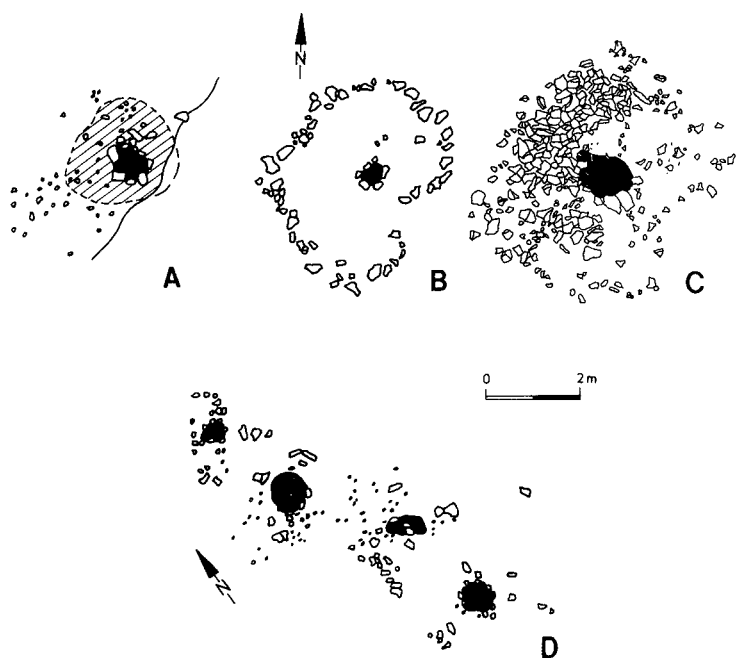

Рис. 38. Жилые структуры памятников поздней поры верхнего палеолита Сибири (по М. В. Константинову, А. В. Константинову и автору).

A – округло-овальное жилище без следов каменной обкладки (Уй II, 2 культурный слой); *B* – жилище с четко читаемой в плане каменной обкладкой (Студеное I, 19/4 культурный слой); *C* – жилище с примыкающим каменным валом (Усть-Менза I, 25 культурный слой); *D* – удлиненное жилище (Усть-Менза III, 4 культурный слой).

Более распространены округло-овальные структуры диаметром от 3 до 7 м с центральным очагом. Среди них выделяются жилища со сплошной каменной кладкой (Студеное I) и чаще встречающиеся объекты с пунктирной обкладкой (Лиственка, Студеное I, Усть-Менза I, III, Косая Шивера I, Макарово I, II).

Отметим также структуры без следов внешней обкладки, округло-овальной формы в плане. Выделение их вызывает много споров, хотя иногда планиграфический анализ позволяет говорить о наличии признаков искусственного ограждения (Кокорево I, Уй II, Майнинская).

Особый вид структур представляют собой так называемые рабочие площадки — скопления расщепленного камня, отражающие следы либо полного цикла производства орудий, либо преимущественно первичного раскалывания. Выделены также специализированные скопления орудий, например, скребков в Черноозерье II и Кокорево II, а изредка и места свалки отходов (Кокорево I).

Другой редкий вид структур — каменные конструкции, не связанные с очагами. На стоянках Майма и Ушлеп III открыты плоские каменные вымостки, функция которых остается неясной.

Добывание каменного сырья

Характер использования каменного сырья заметно варьировал в различных областях Сибири. Так, в Западной Сибири древний человек существовал в условиях постоянной нехватки камня и, видимо, этим обстоятельством обусловлен факт немногочисленности находок. Палеолитические обитатели Алтая, Томи, Енисея и Забайкалья в основном использовали близлежащие речные галечники, добывая оттуда кремнистые породы зачастую низкого качества. Естественная форма гальки во многом предопределяла характер морфологии удобных для захвата рукой крупных орудий — чопперов, части скребел. В Приангарье и бассейне Каны широко употреблялся плитчатый аргиллит, что способствовало распространению здесь бифасиальных листовидных форм и плоских ядрищ с использованием естественных поверхностей отдельностей камня. В то же время на Ангаре есть комплексы с преобладанием галечного и желвачного сырья. Особо отметим практику использования древних сколов и орудий, зафиксированную, кроме Приангарья, также на Верхней Лене, Енисее, Забайкалье и Алтае. Случаев доставки сырья на большие расстояния, равно как и фактов, говорящих о наличии сетей обмена сырьем, в финальном палеолите Сибири пока как будто не прослежено.

Технология использования сырья у палеолитических обитателей Сибири заметно отличалась от европейского верхнего палеолита. Здесь выделяются две линии — изготовление крупных массивных орудий (чопперов, скребел) на гальках и обломках камня и выделка основной массы мелких изделий на отщепках и пластинках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнивая данные по Европейской части России и югу Сибири, нельзя не отметить заметных различий в состоянии источниковой базы, которые препятствуют проведению полноценного сопоставительного анализа. С одной стороны, на территории Русской Равнины в позднеледниковье количество памятников, по сравнению с верхним палеолитом, резко сокращается, при этом возникает много проблем с датированием комплексов. Поэтому в 1 главе работы основное внимание было уделено вопросам хронологического упорядочения материала в ущерб реконструкции облика жилищ, поселений и хозяйства древних сообществ. В Сибири, напротив, число памятников финала сартана наиболее велико по сравнению с их количеством во время других периодов верхнего палеолита. Однако, и здесь проблем с датированием не меньше.

Различия в культурном развитии регионов на рубеже плейстоцена и голоцена связаны, прежде всего, с палеогеографическими изменениями. Резкая перестройка природных сообществ в конце валдайского времени в центральной части Русской Равнины привела к смене населения, а процессы дегляциации облегчали миграционные подвижки. В то же время в Сибири мы имеем случай непрерывного обитания практически на тех же местах, как это демонстрируют колонки многослойных памятников. В рефугиумах горных уголков юга Сибири, при мозаичном характере ландшафта, природные потрясения, связанные с изменениями климата в позднеледниковье, не носили столь катастрофического характера, как на севере Европы. Культурное развитие здесь шло в основном плавно и для рассматриваемого нами отрезка времени у нас нет данных о сколь либо существенных миграционных подвижках древнего населения. В целом раннеголоценовые культуры Южной Сибири устойчиво демонстрируют преемственность по отношению к традициям финального палеолита. При этом происходившие хозяйственные сдвиги (изменение состава промысловой фауны с увеличением роли козули и благородного оленя, рост значимости рыболовства) происходили постепенно, без резких переломов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулов Т. А. Палеолитические горизонты Потанчетского геoarхеологического полигона // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. Иркутск, 2001, С. 5–13.
- Абрамова З. А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978, С. 7–34.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979а.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979б.
- Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, вып. 1. СПб., 1995.
- Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А. и др. Палеолит Енисея. Л., 1991.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Обработка бивня на палеолитическом поселении Юдиново // АВ, № 2, 1993, С. 3–12.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, вып. 3. СПб., 1997.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, вып. 2. СПб., 1997.
- Агаджанян А. К. Пространственная структура позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии, 2001, № 2, С. 2–18.
- Акимова Е. В. Палеолит Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири, вып. 2. Красноярск, 2003, С. 5–17.
- Акимова Е. В., Лаухин С. А., Стасюк И. В. и др. Открытие стоянки Абрашиха (юг Приенисейской Сибири) // АО 1994 г., 1995, С. 248–249.
- Акимова Е. В., Мотузко А. Н., Кравченко Е. Н. Позднепалеолитическое местонахождение Малтат // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, ч. 1. Новосибирск, 2004, С. 11–16.
- Аксенов М. П. Стоянка Черемушник (к вопросу о месте бадайской культуры в каменном веке Приангарья) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, С. 23–37.
- Аксенов М. П. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, С. 43–52.
- Аксенов М. П. Многослойный археологический памятник Макарово II // ДИНЮВС, вып. 1. 1974, С. 91–126.
- Аксенов М. П. (ред.) Мезолит Верхнего Приангарья, ч. 2. Иркутск, 1980.
- Аксенов М. П. Исследования донеолита Верхней Лены // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий, т. 2. Новосибирск, 1998, С. 6–9.
- Аксенов М. П., Шмыгунов П. Е. Шишкино II // ДИНЮВС, вып. 2, 1974, С. 54–64.
- Альтер С. П. Ландшафтно-геоморфологическая карта Южно-Минусинской впадины и ее горного обрамления // Сибирский географический сборник, вып. 9. Новосибирск, 1974, С. 5–34.
- Амирханов Х. А. Восточнограветийские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002, С. 83–86.
- Амирханов Х. А. Восточнограветийские элементы в культурном субстрате Волго-Окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004, С. 5–18.
- Аникович М. В. Днепро-Донецкая историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998, С. 35–66.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К. Человек и мамонт в верхнем палеолите // Первое международное мамонтовое совещание. СПб., 1995, С. 597.
- Анисюткин Н. К. Открытие палеолита в Тульской области // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002, С. 158–163.
- Астахов С. Н. Позднепалеолитическая стоянка у д. Федяево на Ангаре // СА, 1963, № 3, С. 209–215.
- Астахов С. Н. Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
- Астахов С. Н. Палеолитическая стоянка Кокорево IVA // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987, С. 27–44.
- Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб., 1999.
- Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова III // Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил, № 7. Новосибирск, 1930.
- Ауэрбах Н. К., Громов В. И. Материалы к изучению Бирюсинской стоянки Красноярского округа // ИГАИМК, № 118, 1935, С. 219–245.
- Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора II // ТКИЧП, № 1, 1932, С. 45–113.

- Бадер О. Н.* Человек, его культура и природная среда северного края европейской ойкумены в верхнем палеолите // *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене.* М., 1974, С. 117–125.
- Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б. и др.* Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск, 1982.
- Базарова Л. Д., Семина Л. В., Сурин Ю. П.* Алтан — многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья // *Природная среда и древний человек в позднем антропогене.* Улан-Удэ, 1987, С. 167–179.
- Бердникова Н. Е.* Особенности культурных комплексов позднеледниковья в долине реки Белой // *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии.* Новосибирск, 2003, С. 73–75.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А.* Природные процессы и динамика освоения пространства древним человеком (на примере приустьевых участков р. Белой) // *Социогенез в Северной Азии, ч. 1.* Иркутск, 2005, С. 24–35.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А., Тетенькин А. В. и др.* Стратиграфия и археология докерамического местонахождения Бадай V // *Исторический опыт освоения восточных районов России, вып. 1.* Владивосток, 1993, С. 19–23.
- Бердникова Н. Е., Лежненко И. Л., Савельев Н. А. и др.* Указатель археологических памятников Иркутской области. Усольский район. Иркутск, 1991.
- Бессуднов А. Н.* Мезолитические памятники Лесостепного Подонья. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.
- Бозинский Г.* Переход от мадлена к азилю как результат изменения окружающей среды (по материалам долины Рейна) // *Развитие культуры в каменном веке.* СПб., 1997, С. 104–109.
- Борисковский П. И.* Палеолит Украины. МИА, № 40. 1953.
- Борисковский П. И., Дмитриева Т. Н.* Боршево 2 // *Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону.* Л., 1982, С. 217–221.
- Будько В. Д.* Отчет об исследованиях Юдиновского поселения в 1964 г. Архив ИА РАН, р-1 3115, 1964.
- Будько В. Д.* Верхний палеолит Северо-запада Русской равнины // *Древности Белоруссии.* Минск, 1966, С. 6–21.
- Будько В. Д.* Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // *АО 1966 г., 1967а, С. 27–29.*
- Будько В. Д.* Новое сооружение из костей мамонта в пункте Юдиново I // *Доклады АН БССР, т. XI, 1967б, № 7, С. 651–653.*
- Будько В. Д.* Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // *Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии.* Минск, 1969, С. 16–19.
- Будько В. Д., Вознячук Л. Н.* Палеолит Белоруссии и смежных территорий // *Древности Белоруссии.* Минск, 1969, С. 16–22.
- Бурова Н. Д.* Палеофаунистический и таксономический анализ верхнепалеолитической стоянки Юдиново (Брянская область). Магистерская диссертация. СПб., 1999.
- Васильев С. А.* Палеолитическая стоянка у пос. Майна // *КСИА, № 189, 1987, С. 94–97.*
- Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.
- Васильев С. А., Ямских А. Ф., Ямских Г. Ю. и др.* Новые данные по хронологии и палеосреде многослойных стоянок Майнского района на Верхнем Енисее // *Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения.* Новосибирск, 2005, С. 25–35.
- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.* Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск, 1988.
- Величко А. А.* Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.
- Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н. и др.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи II. М., 1997.
- Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. и др.* Геохронология палеолита Восточно-европейской равнины // *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене.* М., 1999, С. 19–50.
- Величко А. А., Нечаев В. П.* Динамика климата и криолитозоны в плейстоцене // *Квартер–2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода.* Сыктывкар, 2005, С. 62–64.
- Верещагин Н. К.* Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // *ТЗИН, т. 69, 1971, С. 200–231.*
- Верещагин Н. К.* От ондатры до мамонта. Путь зоолога. СПб., 2002.

- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // ТЗИН, т. 72, 1977, С. 77–110.
- Вознячук Л. Н.* К стратиграфии и палеогеографии неоплейстоцена Белоруссии и смежных территорий // Проблемы палеогеографии антропогена Белоруссии. Минск, 1973, С. 45–75.
- Воробьев В. М.* Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // ТАС, вып. 1, 1994, С. 1–6.
- Воробьева Г. А.* Палеогеографические условия формирования и строение отложений на многослойном памятнике каменного века Сосновый Бор // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991, С. 15–25.
- Воробьева Г. А., Медведев Г. И., Аксенов М. П. и др.* Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск, 1990.
- Гавриленко І. М.* Зимівніківська археологічна культура. Полтава, 2000.
- Галимова М. Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. Москва — Казань, 2001.
- Генералов А. Г.* Геоархеологический объект Стрижовая Гора. Иркутск, 2000.
- Генералов А. Г., Дзюбас С. А.* К вопросу о позднем палеолите севера Канской лесостепи // Проблемы археологии и антропологии каменного века Евразии. Иркутск, 1987, С. 36–37.
- Генинг В. Ф., Петрин В. Т.* Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985.
- Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянке в селе Мальта (предварительный отчет о работах 1928–1932 г.г.) // ИГАИМК, № 118, 1935, С. 78–124.
- Гладких М. И.* Поздний палеолит лесостепного Поднепровья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1973.
- Гладких М. И.* Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, С. 137–143.
- Горелик А. Ф.* Памятники Рогаликско-Передельского района. Киев–Луганск, 2001.
- Горецкий Г. И.* Аллювиальная летопись Великого Пра-Днепра. М., 1970.
- Городцов В. А.* Археология, т. 1. Каменный период. М.–Пг., 1923.
- Грехова Л. В.* Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // ТГИМ, вып. 85, 1994, С. 7–19.
- Гречкина Т. Ю.* Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным планиграфии и ремонтажа материалов кокоревских стоянок). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Григорьева Г. В.* Отчет Брянской палеолитической экспедиции за 1990 г. СПб., 1991.
- Григорьева Г. В.* Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб., 1995.
- Григорьева Г. В.* Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 г.г. СПб., 1997.
- Григорьева Г. В.* Отчет Брянского палеолитического отряда за 2001 г. СПб., 2002.
- Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Института геологических наук, вып. 64. М., 1948.
- Гурина Н. Н.* Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // КСИА, № 97, 1964, С. 88–97.
- Гурина Н. Н.* Новые данные о каменном веке Северо-западной Белоруссии // МИА, № 131, 1965, С. 141–203.
- Гурина Н. Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях реки Днепра // МИА, № 185, 1972, С. 244–251.
- Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г. и др.* Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // ТАС, вып. 6, 2005 (в печати).
- Деревянко А. П., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф. и др.* Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск, 1998.
- Деревянко А. П., Болиховская Н. С., Маркин С. В. и др.* Палеогеография финала плейстоцена среднегорной зоны северо-западного Алтая по данным изучения разрезов пещеры Каминной // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири, т. 2. Новосибирск, 2000, С. 154–161.
- Деревянко А. П., Гричан Ю. В.* Исследование пещеры Каминная. Новосибирск, 1990.
- Деревянко А. П., Гричан Ю. В., Дергачева М. И. и др.* Археология и палеогеография палеолита Горного Алтая. Новосибирск, 1990.
- Деревянко А. П., Дроздов Н. И., Чеха В. П. и др.* Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Красноярск, 1992б.
- Деревянко А. П., Маркин С. В.* Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск, 1987.

- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П.* Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная. Новосибирск, 1992а.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К. и др.* Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
- Долуханов П. М.* Палеогеография Усвятских стоянок // АСГЭ, № 11, 1969, С. 41–47.
- Долуханов П. М.* Истоки этноса. СПб., 2000.
- Дроздов Н. И., Артемьев Е. В.* Новые страницы в изучении палеолита Афонтовой Горы. М., 1997.
- Дроздов Н. И., Артемьев Е. В.* Палеолит Афонтовой Горы: новый контекст // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2005, С. 78–87.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А. и др.* Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн р. Енисей). Новосибирск, 1990.
- Ермолова Н. М.* Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА, № 39, 1953, С. 56–110.
- Желтова М. Н.* Ранние этапы заселения территории Усвятского района (Псковская область) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии, т. 1. СПб. –Псков, 1997, С. 225–232.
- Желтова М. Н.* Кремневые индустрии памятников финального палеолита и мезолита бассейна реки Усвячи // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003, С. 27–39.
- Жилин М. Г.* Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // ТГИМ, вып. 103, 1999, С. 109–126.
- Жилин М. Г.* Связи населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // ТАС, вып. 4, т. 1, 2001, С. 72–79.
- Жилин М. Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.
- Загорская И. А.* Ранний мезолит на территории Латвии // Известия АН ЛатССР, № 2, 1981, С. 53–65.
- Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
- Зализняк Л. Л.* Ранній мезоліт України // Археологія, 1995, № 4, С. 3–16.
- Зализняк Л. Л.* Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ, 1998.
- Зализняк Л. Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.
- Зенин А. Н.* Предварительные итоги исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая, ч. 1. Барнаул, 1993, С. 75–80.
- Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской Равнины палеолитическим человеком // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005, С. 332–354.
- Кадиков Б. Х., Латшин Б. И.* Каратурук — новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, С. 3–10.
- Каспаров А. К.* Остатки млекопитающих из позднепалеолитического поселения Сухотино 4 в Забайкалье // ТЗИН, т. 149, 1986, С. 98–106.
- Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
- Кинд Н. В.* Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974.
- Кинд Н. В.* Некоторые проблемы палеогеографии позднего плейстоцена и голоцена Северной Евразии и Америки // Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). М., 1982, С. 213–226.
- Кириллов И. И.* Танга — новая позднепалеолитическая стоянка в Восточном Забайкалье // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, С. 33–39.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Дворцы — новый комплекс археологических памятников // АО 1975 г., 1976, С. 243–244.
- Климанов В. А.* Климат Северной Евразии в позднеледниковье (в последний климатический ритм) // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М., 1994, С. 61–93.
- Кобызева Е. А., Кобызев Ю. А., Синицына Г. В. и др.* Местонахождение палеолитического времени в г. Твери // ТАС, вып. 6 (в печати).
- Колосов Ю. Г.* Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ А1-5, 1964, С. 42–49.
- Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА, № 126, 1966, С. 178–184.
- Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.

- Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989, С. 68–86.
- Кольцов Л. В.* О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС, вып. 1, 1994, С. 7–10.
- Кольцов Л. В.* Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья // ТАС, вып. 2, 1996, С. 71–74.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.
- Константинов А. В.* Древние жилища Забайкалья. Новосибирск, 2001.
- Константинов А. В., Руденко Ю. Т.* Пещеры Читинского Забайкалья // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986, С. 107–109.
- Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ-Чита, 1994.
- Копытин В. К.* Мезолит юго-восточной Белоруссии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
- Копытин В. К.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992.
- Копытин В. К.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999, P. 256–266.
- Косорукова-Кондакова Н. В.* Мезолитическая стоянка Марьино IV в бассейне Средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995, С. 10–16.
- Кравцов А. Е.* К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС, вып. 3, 1998, С. 203–208.
- Кравцов А. Е.* Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-окском бассейне (по материалам середины 1980-х — 1990-х годов) // ТГИМ, вып. 103, 1999, С. 79–128.
- Кравцов А. Е.* Об источниках для изучения Волго-Окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004, С. 29–48.
- Кравцов А. Е., Кононов С. Б.* Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 г.г.) // ТАС, вып. 5, 2002, С. 127–136.
- Кротова А. А.* Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-востока Украины // Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986, С. 6–64.
- Кротова О. О.* Проблеми датування та періодизації пам'яток степової зони доби верхнього палеоліту // Кам'яна доба України, вып. 4, 2003, С. 183–198.
- Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
- Ксензов В. П.* Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Минск, 1994.
- Ксензов В. П.* Новые памятники гренокской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin, 1999, P. 229–240.
- Кузьмина И. Е., Саблин М. В.* Песцы позднего плейстоцена верховьев Десны // Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. СПб., 1993, С. 93–104.
- Кузьмина И. Е., Синицына Г. В.* Значение фаунистических остатков для хронологии многослойной стоянки Бирюса на Среднем Енисее // Первое Международное мамонтовое совещание. СПб., 1995, С. 620–621.
- Кунгуров А. Л.* Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987, С. 52–70.
- Кунгуров А. Л.* Палеолитическая стоянка Мохнатушка-1 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990, С. 27–29.
- Кунгуров А. Л.* Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993.
- Кунгуров А. Л., Кадиков Б. Х.* Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985, С. 29–50.
- Кунгуров А. Л., Маркин М. М.* Палеолитические памятники Среднего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып. V, ч. 2. Барнаул, 1996, С. 15–20.
- Кунгурова Н. Ю.* Палеолитические находки в поселении Майма-1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992, С. 25–26.
- Кунгурова Н. Ю.* Палеолитическое жилище на поселении Усть-Кулом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994, С. 9–13.
- Лазуков Г. И.* Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костенковско — Боршевского района на Дону. Л., 1982, С. 13–36.
- Ланцев А. П., Мирецкий А. В.* Стоянка Троицкое 3 — один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС, вып. 2, 1996, С. 57–64.
- Латишин Б. И., Кадиков Б. Х.* Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981, С. 9–21.
- Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000.
- Лбова Л. В., Хамзина Е. А.* Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ, 1999.

- Левцикий І. Ф.* Разкопки палеолітичної стоянки на балці Осокорівці в 1946 році // Археологічні пам'ятки, вып. II. Київ, 1947, С. 289–291
- Леженко И. Л.* Итоги исследований позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // ДИНЮВС, вып. 2. 1974, С. 65–115.
- Леженко И. Л.* Новый позднепалеолитический памятник в среднем течении р. Белой // ДИНЮВС, вып. 3. 1975, С. 44–58.
- Леженко И. Л., Медведев Г. И., Михнюк Г. Н.* Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на реке Белой в 1966–1971 г.г. // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск, 1982, С. 80–107.
- Леонова Н. Б., Виноградова Е. А.* Микростратиграфия культурного слоя. Возможности интерпретации // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004, С. 157–174.
- Леонова Н. Б., Несмеянов С. А.* (ред.) Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993.
- Липский А. Н.* Ямка-кладовочка костенковского типа на р. Абакан // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, С. 11–20.
- Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Лисицын Н. Ф., Свеженцев Ю. С.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997, С. 67–108.
- Лисицын Н. Ф., Худяков Ю. С.* Дюнные стоянки Хакасии (Койбальская степь). СПб., 1997.
- Лисицын С. Н.* Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus, № 1, 1999, С. 83–120.
- Лисицын С. Н.* Динамика развития кремневого инвентаря поздневалдайских памятников в приледниковой области центра Русской равнины // ТАС, вып. 4, т. 1, 2000а, С. 22–32.
- Лисицын С. Н.* Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000б.
- Лисицын С. Н.* К вопросу о постледниковом заселении северо-запада Русской равнины // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001а, С. 137–147.
- Лисицын С. Н.* О культурной преемственности памятников рубежа плейстоцена и голоцена в верхнем Поднепровье // Каменный век Старого Света. СПб., 2001б, С. 47–49.
- Лисицын С. Н.* Колонизация территории Великого водораздела в финальном палеолите // Проблемы балтийской археологии. Калининград, 2003, С. 14–29.
- Лопатников М. И., Шик С. М.* Краевые образования валдайского и московского оледенений центральной части Русской равнины // Краевые формы рельефа материкового оледенения на Русской равнине. М., 1963, С. 113–117.
- Макаров Н. П., Мандрыка П. В., Ямских А. Ф. и др.* Археологический материал и палеогеография многослойной стоянки Караульный Бык // Палеогеография Средней Сибири, вып. 2. Красноярск, 1995, С. 81–112.
- Макаров Н. П., Мартынович Н. В., Оводов Н. Д. и др.* Пещера Еленева — многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края, ч. 1. Красноярск, 1992, С. 111–120.
- Макаров Н. П., Ямских А. А.* Археология и палеогеография многослойной стоянки Шалуниин Бык // Палеогеография Средней Сибири, вып. 2. Красноярск, 1995, С. 113–135.
- Маркин М. М.* Археологический комплекс второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп-6 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998а, С. 3–21.
- Маркин М. М.* Позднепалеолитическая стоянка Школьная Гора-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып. IX. Барнаул, 1998б, С. 35–38.
- Маркин С. В.* Палеолитические памятники бассейна р. Томи. Новосибирск, 1986.
- Маркин С. В.* Палеолитические стоянки сартанского (аккемского) времени северо-западного Алтая // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2005, С. 141–153.
- Маркова А. К.* Остатки грызунов из позднепалеолитической стоянки Юдиново // Первое Международное мамонтовое совещание. СПб., 1995, С. 626–627.
- Маркова А. К.* Опыт реконструкций териокомплексов позднего плейстоцена // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005, С. 253–255.
- Медведев Г. И.* (Ред.) Мезолит Верхнего Приангарья, ч. 1. Иркутск, 1971.
- Микляев А. М.* Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник, № 1, 1995, С. 7–39.
- Нужный Д. Ю.* Верхні шари палеолітичної стоянки Молодове 5 та деякі проблеми їх культурно-хронологічної інтерпретації // Vita Antiqua, 2003, № 5–6, С. 20–39.

- Обедиентова Г. В.* Формирование водных систем Русской равнины. М., 1975.
- Обедиентова Г. В.* Эрозионные циклы и формирование долины Волги. М., 1977.
- Окладников А. П.* Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Труды Бурятского комплексного НИИ, вып. 1. Улан-Удэ, 1959, С. 5–25.
- Окладников А. П.* Палеолит Монголии (Мойлтын Ам). Новосибирск, 1981.
- Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980.
- Окладников А. П., Молодин В. И.* Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983, С. 101–106.
- Оленковський М. П.* Пізній палеоліт Нижньодніпровського регіону у світлі радіовуглецевого датування // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2000, С. 185–196.
- Оленковський М. П.* Епігравецькі та східно-епігравецькі культури України // *Vita Antiqua*, 2001, № 3–4, С. 149–155.
- Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (атлас-монография).* М., 1982.
- Палеолит СССР. Археология СССР.* М., 1984.
- Панин А. В., Сидорчук А. Ю.* Проблемы реконструкции водного баланса Русской равнины в позднем Валдае // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005, С. 313–315.
- Поликарпович К. М.* Археологические исследования в БССР в 1946–1953 г.г. // Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957, С. 5–29.
- Поликарпович К. М.* Палеолит верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
- Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
- Римантене Р. К.* Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978, С. 20–31.
- Рогачев О. М.* Палеолітичні стоянки в Кайстровій балці // Палеоліт і неоліт України, т. 1, вып. IV. Київ, 1949, С. 249–263.
- Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (О принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // ТКИЧП, № 18, 1961, С. 40–45.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984, С. 162–271.
- Рудинський М. Я.* Журавка. Справоздання за розкопки р. 1929 // Антропологія, кн. III, 1930, С. 98–122.
- Саммет Э. Ю.* О связях стадильных краевых образований валдайского оледенения с гидрографической сетью Северо-запада Русской равнины // Краевые формы рельефа материкового оледенения на Русской равнине. М., 1963, С. 54–59.
- Санько А. Ф.* Неоплейстоцен Северо-восточной Белоруссии и смежных районов РСФСР. Минск, 1987.
- Сапелко Т. В.* Реакция растительности на изменение климата на рубеже плейстоцена и голоцена на северо-западе России // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005, С. 384–385.
- Сапожников И. В.* Хронология и периодизация позднего палеолита степной Украины // Археологический альманах, № 16. Донецк, 2004, С. 195–236.
- Семибратов В. П.* К вопросу о нижней границе мезолита бассейна реки Катунь // Изучение памятников археологии Алтайского края, вып. V, ч. 1. Барнаул, 1995, С. 74–80.
- Сергеев С. М.* Позднепалеолитические стоянки в окрестностях г. Бийска Алтайского края // БМОИП, н. с., отдел геологии, т. 17, вып. 6, 1939, С. 90–91.
- Сергин В. Я.* О размерах первого палеолитического жилища в Юдиново // СА, 1974, № 3, С. 236–240.
- Сидоров В. В.* Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС, вып. 2, 1996, С. 75–91.
- Синицын А. А.* Боршево 2 // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж, 1979, С. 97–100.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С. и др.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997, С. 21–66.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Спиридонова Е. А. и др.* Карачаровская палеолитическая стоянка: значение, история и перспективы исследования // Костенки в контексте палеолита Евразии. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002, С. 160–166.
- Синицына Г. В.* Палеолит Бирюсы // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края, ч. 1. Красноярск, 1992, С. 69–71.
- Синицына Г. В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.

- Синицына Г. В.* Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС, вып. 4, 2000, С. 61–71.
- Синицына Г. В.* Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвinya: исторический аспект. СПб., 2003, С. 3–19.
- Синицына Г. В., Гуськова Е. Г., Кулькова М. А.* Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена Северо-запада Русской равнины. СПб, 2005 (в печати).
- Синицына Г. В., Кильдюшевский В. И.* Хронологические комплексы археологического памятника Подол III // ТАС, вып. 2, 1996, С. 133–139.
- Синицына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Археологические материалы в позднеледниковых отложениях на северном берегу озера Волго в Тверской области // Квартер–2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005, С. 400–402.
- Синицына Г. В., Лисицын С. Н.* Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита – раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области // АВ, № 7, 2001, С. 49–60.
- Синицына Г. В., Синицын А. А.* Локальные варианты технокомплекса бромме // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002, С. 153–158.
- Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А.* Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997, С. 86–103.
- Смирнов С. В.* Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы европейской части СССР // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, С. 149–157.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004, С. 69–91.
- Сосновский Г. П.* Поселение на Афонтовой Горе // ИГАИМК, № 118, 1935а, С. 125–151.
- Сосновский Г. П.* Позднепалеолитические стоянки енисейской долины // ИГАИМК, № 118, 1935б, С. 152–218.
- Сосновский Г. П.* Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь // МИА, № 2, 1941, С. 109–125.
- Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки в долине р. Качи // СА, X, 1948, С. 75–84.
- Спиридонова Е. А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М., 1991.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // ТГИМ, вып. 103, 1999, С. 127–141.
- Станко В. Н.* Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология — поиски и находки. Киев, 1980, С. 90–109.
- Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н.* Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев, 1989.
- Старкин А. В.* Позднеплейстоценовые териофауны степной зоны юга Украины. Автореф. дисс. ...канд. биол. наук. Киев, 2001.
- Ташак В. И.* Усть-Кяхта-17 — многослойное поселение на реке Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск, 1993, С. 47–64.
- Ташак В. И.* Палеолит и мезолит юга Бурятии. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.
- Ташак В. И.* Верхний палеолит Усть-Кяхты в свете новых исследований // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий, т. 2. Новосибирск, 1998, С. 195–204.
- Телегін Д. Я.* Мезолітні пам'ятки України (IX–VI тисячоліття до н.е.). Київ, 1982.
- Фаустова М. А.* Ледниковые ритмы на рубеже позднеледниковья и голоцена // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М., 1994, 94–103
- Федюнин И. В., Сурков А. В.* Финальнопалеолитический комплекс стоянки Плаутинская 2 // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005, С. 19–34.
- Фролов А. С.* Стоянка Заозерье 1 на Москва реке // КСИА, № 189, 1987, С. 75–83.
- Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.
- Цыганов Ю. Ю.* Стоянка Борщеве 2 и ее место в палеолите Восточной Европы. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 1995.

- Цыганов Ю. Ю., Зайцева Г. И., Гей Н. А. Комплексное исследование верхнепалеолитической стоянки Борщево 2 // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. СПб., 1994, С. 44.
- Черныш А. П. Новые исследования Владимирской палеолитической стоянки // КСИИМК, № 31, 1950, С. 89–95.
- Черныш А. П. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ, 1953.
- Черныш А. П. К вопросу о соотношении границ палеолит-мезолит и плейстоцен-голоцен и особенности развития материальной культуры и природной среды Прикарпатья // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974, С. 149–151.
- Черняускі М. М., Кудряшова В. Я., Ліпніцкая В. Л. Старожытная шахцеры на Росі. Мінск, 1996.
- Чеха В. П., Андренко О. В., Макаров Н. П. и др. Природная среда позднеледникового и голоцена Красноярского археологического района по данным изучения пещеры Еленева // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири, вып. 2. Новосибирск, 2000, С. 443–457.
- Шамсутдинов В. Х. Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье // БКИЧП, № 32, 1966, С. 128–133.
- Шахнович М. М. Древнейший этап освоения человеком территории Карелии и Финляндии в период поздне- и послеледникового (к постановке проблемы) // ТАС, вып. 4, т. 1, 2000, С. 80–86.
- Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Шовкопляс И. Г. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования) // МИА, № 185, 1972, С. 77–188.
- Ямских А. Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. Красноярск, 1993.
- Ярославцева Л. Г. Многослойное поселение Мухино // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск, 1993, С. 128–139.
- Яшина О. В. Краткая характеристика костей мамонта в коллекциях вологодского, череповецкого и тотемского музеев // Материалы третьего всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Смоленск, 2002, С. 155–158.
- Abramova Z. A., Grigorieva G. V. The Upper Paleolithic site of Yudinovo and its place in the Paleolithic of the Central Russian plain // Radiocarbon and archaeology ¹⁴C, vol. 1, 2000, P. 80–85.
- Abramova Z. A., Grigorieva G. V., Zaitzeva G. I. The age of Upper Paleolithic sites in the Middle Dnieper River basin of Eastern Europe // International journal of cosmogenic isotope research, vol. 43, № 26, 2001, P. 1077–1084.
- Allain J., Desbrosse R., Kozłowski J. K. et al. La Magdalénien a navettes // Gallia Préhistoire, t. 28, fasc. 1, 1985, P. 37–124.
- Andersen S. A survey of the Late Palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire a l'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest européen. BAR Int. Series, № 444 (II), 1988, P. 523–566.
- Bosinski G., Street M., Baales M. The Paleolithic and Mesolithic of the Rhineland // Quaternary field trips in the Central Europe, vol. 2. Munchen, 1995, P. 829–999.
- Burdukiewicz J. M. The Late Pleistocene shouldered point assemblages in Western Europe. Leiden, 1986.
- Carpelan C. On the postglacial colonisation of Eastern Fennoscandia // Dig it all. Helsinki, 1999, P. 151–171.
- Cohen V. Reindeer distributions in the Late Paleolithic of the Ukraine: results of research // Caribou and reindeer hunters of the northern hemisphere. Aldershot, 1997, P. 245–255.
- Crombe P., Verbruggen C. The Late glacial and early Postglacial occupation of Northern Belgium: the evidence from Sandy Flanders // Recent studies in the Final Paleolithic of the European Plain. Stockholm, 1999, P. 165–180.
- Dennell R. European economic prehistory. A new approach. London, 1985.
- Djindjian F., Kozłowski J., Otte M. Le paléolithique supérieur en Europe. Paris, 1999.
- Eriksen B. V. Change and continuity in a prehistoric hunter-gatherer society: a study of cultural adaptation in Late Glacial — Early Post-Glacial Southwestern Germany. Archaeologica Venatoria, Bd. 12, 1991.
- Eriksen B. V., Bratlund B. (eds.) Recent studies in the Final Palaeolithic of the European Plain. Højbjerg, 2002.
- Gamble C. The Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge, 1982.
- Hahn J. Kraft und Aggression: die Botschaft der Eiszeitkunst im Aurignacien Süddeutschlands. Archaeologica Venatoria, Bd. 7, 1986.
- Haynes H. Mammoths, mastodons and elephants. Biology, behavior, and the fossil record. Cambridge, 1991.
- Jochim M. A. Hunter-gatherer subsistence and settlement: a predictive model. New York, 1976.
- Jochim M. A. A hunter-gatherer landscape. Southwest Germany in the Late Paleolithic and Mesolithic. New York, 1998.

- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K.* Epoka kamienia na ziemiach Polskich. Warszawa, 1977.
- Larsson L.* The colonization of South Sweden during the deglaciation // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. *Acta Archaeologica Ludensia*, № 24. Stockholm, 1996, P. 141–155.
- Leonova N. B.* The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone // *Journal of world prehistory*, vol. 8, № 2, 1994, P. 3–50.
- Leroi-Gourhan A.* Demeure: “espace construit dans lequel on vit”. *Corps. écrit*, 9, Paris, 1984, P. 9–13.
- Nunez M. G.* A model for the early settlement of Finland // *Fennoscandia archaeologica*, vol. IV, 1987, P. 3–18.
- Ostrauskas T.* Kabeliu 2-oji akmens amžiaus gyvenvietė // *Lietuvos archeologija*, № 16, 1999, P. 31–66.
- Petersen P. V., Johansen L.* Smilbjrg I — an Ahrensburgian site on a reindeer migration route through Eastern Denmark // *Journal of Danish archaeology*, vol. 10, 1991, P. 20–37.
- Petersen P. V., Johansen L.* Tracking Late Glacial reindeer hunters in eastern Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. *Acta Archaeologica Ludensia*, № 24. Stockholm, 1996, P. 75–88.
- Rensink E.* Moving to the north: Magdalenian occupation and exploitation of the loess landscapes of Northwestern Europe. Leiden, 1993.
- Roberts A. J., Barton R. N. E.* A Lyngby point from Mildenhall, Suffolk, and its implications for the British Late Upper Palaeolithic // A very remote period indeed. *Papers on the Palaeolithic presented to Derek Roe*. Oxford, 2000, P. 234–241.
- Schild R.* Pyżny paleolit // *Prahistoria Ziemi Polskich. Paleolit i Mezolit*. t. I. Wrocław, 1975, P. 159–338.
- Schild R., Pazdur M. F., Vogel J. C.* Radiochronology of the tanged point technocomplex in Poland // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999, P. 13–15.
- Schild R., Tobolski K., Kubiak-Martens L. et al.* Stratigraphy, palaeoecology and radiochronology of the site of Całowanie. *Folia Quaternaria*, № 70. Krakow, 1999, P. 239–268.
- Soffer O.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando, 1985.
- Sonneville-Bordes D. de (ed.)* La fin des temps glaciaires en Europe. *Colloques internationaux du CNRS*, № 271. Paris, 1979.
- Straus L. G. (ed.)* The end of the Paleolithic in the Old World. *BAR Int. Series*, № 284, 1986.
- Straus L. G.* Iberia before the Iberians. The Stone Age prehistory of Cantabrian Spain. Albuquerque, 1992.
- Straus L. G. (ed.)* Les derniers chasseurs de rennes du monde pyrenéen. Paris, 1995.
- Sulgostowska Z.* Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa, 1989.
- Sulgostowska Z.* Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations // Tanged Points cultures in Europe. Lublin, 1999, P. 85–92.
- Szymczak K.* Epoka kamienia polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.
- Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. *Fundamenta*, Reihe A, Bd. 5. Köln, 1968.
- Vasil'ev S. A., Kuzmin Y. V., Orlova L. A. et al.* Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic Siberia and its relevance to the peopling of the New World // *Radiocarbon*, 2002, vol. 44, № 2, P. 503–530.
- White R.* Upper Paleolithic land use in the Pärigord. A topographic approach to subsistence and settlement. *BAR Int. Series*, № 253. 1985.
- Zagorska I.* Late Palaeolithic Finds in the Daugava River Valley // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. *Acta Archaeologica Ludensia*, № 24. Stockholm, 1996, P. 263–272.
- Zagorska I.* Vēla paleolīta atradumi Lielupes baseina // *Latvijas Vestures Instituta Zurnals*, № 4. Riga, 1998, P. 5–20.
- Zagorska I.* The earliest finds in the river Daugava valley, East Baltic // *Древности Подвинья: исторический аспект*. СПб., 2003, С. 20–26.
- Zaliznyak L. L.* Terminal Palaeolithic of Ukraine, Belarus and Lithuania (survey of cultural differentiation) // *Folia Quaternaria*, № 70. Krakow, 1999, P. 333–361.
- Zhilin M. G.* The Western part of Russia in the Late Palaeolithic — Early Mesolithic // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. *Acta Archaeologica Ludensia*, № 24. Stockholm, 1996, P. 273–284.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Археологические вести. СПб.
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
БМОИП — Бюллетень Московского Общества испытателей природы. М.
ДИНЮВС — Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.–Л.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.–Л.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
ТАС — Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
ТЗИН — Труды Зоологического института АН СССР. Л.
ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. М.–Л.
ВАР — British Archaeological Reports. Oxford.

SUMMARY

The monograph deals with the comparative study of two important concentrations of the Late Upper Paleolithic sites located at the Russian Plain and in South Siberia and dated from *ca.* 14,000 – 13,000 to 10,500 – 10,300 BP. The analysis is oriented toward the identification of the general patterns of the Final Pleistocene adaptations in Eurasia and local trends.

The first part of the book deals with the data from the Russian Plain. The study reveals the division of Eastern Europe in the Final Pleistocene into three zones with different adaptation patterns and population movements. The first one embraced the periglacial areas located in the Central Russian Plain (the Dnepr, Desna, Oka, and Don River basins) nearby the glacial sheet. These areas saw the rapid destruction of the Upper Paleolithic economy during the deglaciation and the consequent population change. The Late Upper Paleolithic societies based on mammoth procurement persisted till *ca.* 13,000 BP. The mass extinction of the Pleistocene fauna coincided with significant environmental changes led to the depopulation. It seems that humans colonized again these vast territories during the Final Allerød and Younger Dryas moving from the West. This process was connected with the spread of the groups of presumably reindeer hunters, belonging to the Tanged Point Cultures (Bromme and Swiderian).

The second zone included the southern most part of the Russian Plain and the Pontic areas. Here the economy of the Upper Paleolithic type persisted till the beginning of the Holocene. Local cultures saw the appearance of the microlithic elements and other culture transformations in the Final Paleolithic.

The third zone was the southwestern corner of the Russian Plain, the Dniester River Basin. In this area there were no significant environmental and subsistence changes in the Final Pleistocene, thus the slow gradual evolution of the Upper Paleolithic economy took place.

Generally speaking, the most important culture change at the Russian Plain is connected with the climatic oscillations of the Final Weichselian (Valday, according to the local scale) instead of the Pleistocene/Holocene boundary. The Upper Paleolithic cultures disappeared during the deglaciation events while the Final Paleolithic has much more in common with the local Mesolithic.

This overview is supplemented by the two case studies dealing with different patterns of human adaptations to the Late Glacial. The first is the “classical” long-term habitation site of mammoth hunters at Yudinovo, located at the Sudost River. The site has been dated between 14,000 and 13,000 BP. The palaeoenvironmental data demonstrate the open forest-steppe with developed permafrost. The large-scale excavations revealed four huge structures made of mammoth bones, which are considered as remains of huts. Recent explorations of the site yielded the remains of open-air fireplaces, storage pits and lithic workshops. The site produced rich and diversified lithic inventories, tools and personal ornaments made of bone and mammoth tusk, etc. The site could be considered as belonging to the East Magdalenian.

The second case study is devoted to the temporary seasonal hunter campsites located at the Volgo Lake shore. The assemblages from Podol III/1 and Podol III/2 are referred to Allerød and early Younger Dryas and belonged to the Podolskaya culture, the local variant of Bromme. The first site yielded the remains of the oval-shaped light aboveground dwelling structure. The multicomponent site of Baranova Gora, located nearby, produced the scarce artifacts in the deposits dated by Bulling (Post-Gravettian?), and the original lithic industry dated by the Middle Dryas. The last assemblage along with similar findspots indicated the ephemeral human presence in the region even during this cold time span.

The Final Paleolithic of Siberia, which spans the period of the terminal phase of the Sartan Glacial, is represented by a large series of deeply stratified well-dated occurrences.

The Final Pleistocene evidenced dense population at all main drainage areas in Southern Siberia. The majority of the sites are tightly clustered in some portions of river valleys, mostly around mouths of tributaries. It is worthwhile to mention the location of these clusters at contrast landscapes near the boundaries of different physiographic areas, which could be interpreted as a tendency toward the diversification of ecological niches exploited, thus minimizing a hazard during subsistence activities. The majority of living floors are embedded into alluvial stratified deposits of low riverside terraces, which indicate the location of habitations immediately near the water flows. Meanwhile some differences are to be mentioned. The Middle Yenisei sites seem to indicate alternate habitations on low and high levels of a river valley; thus we could speculate about seasonal migration cycles. The Krasnoyarsk area produced particular sites located at elevations above the cliffs. There are some indications of human occupation of caves at Altai and the Trans-Baikal.

The Final Paleolithic saw the diversification of hunting activities in different areas of Siberia. While bison and mammoth were main objects for hunting in West Siberia, the Paleolithic inhabitants of Altai and Tom' exploited mostly wild horse and bison and these sites lack traces of reindeer. At the contrary, the Final Paleolithic of Yenisei evidenced the specialized reindeer procurement along with intensive hunt on horse, bison and wild sheep. Several habitations of Listvenka, Biriusa I and Kokorevo III evidenced specialized hare procurement. Southwards, at the West Sayan, Paleolithic hunters procured mostly bison, red deer and ibex, at the Angara — horse, bison, and red

deer, later supplemented by roe deer, at the Trans-Baikal — reindeer, horse, wild sheep, bison and spiral horn antelope. The eastern Trans-Baikal witnessed woolly rhino hunt. This big game hunting was supplemented by carnivores' procurement as fur source (Polar fox, red fox, and wolf) and hunting on birds, especially grouses.

For hunting animals, slotted bone and antler spear points, which are so widely found, should have been very important weapons. At Kokorevo I, the importance of these weapons is evidenced by a piece of bison scapula pierced by point of a projectile weapon. Animal bodies should have been dismembered on site to bring in meaty parts so that usually long bones and vertebrae were found together at base-camp sites.

Compared to hunting, evidence of gathering is too scanty, which could be partly explained by severe climate of Siberia. The evidence is limited to occasional pestles and a grinding stone slab found from Layer 2 of Ui II, which might imply the increased importance of gathering at the end of Paleolithic.

Fish bones are rather rare in general among the Upper Paleolithic faunal assemblages because of bad preservation conditions. Nevertheless, fishing should have been important, and especially during the final phase of Upper Paleolithic it should have played a role as important as hunting as sites like Chernoozer'e II at Western Siberia, Ust'Belaya and Verkholskaya Gora in the Angara basin, Makarovo I and II in the Upper Lena basin, Strizhova Gora in the Kan basin and Oshurkovo in the western Trans-Baikal are all with plenty of fish bones. Also, the oldest harpoons are known from these, and the fishhooks found at Strizhova Gora and Sosnovyi Bor are the oldest fishhooks so far known.

The sites under study yielded a rich series of the habitat structures. Numerous hearths (some slab-lined) are to be mentioned. The majority of artifacts were clustered around the hearths. The main types of domestic units are round or oval structures with central hearths, 3 to 7 meters in diameter, with the edges marked by continuous or (more often) interrupted stone alignments. Occasionally structures without stone alignments could be identified; meanwhile their identification is problematic. It is worthwhile to mention a particular pattern of the Western Trans-Baikal sites. If at the Yenisei, Angara and Upper Lena valleys the domestic units could be discerned within cultural layers abound in debris, at the Chikoi River sites practically all the artifacts were discovered inside the dwellings and each structure yielded only few artifacts. Which factors could explain the difference — seasonality, more rapid degree of sedimentation of fluvial deposits, particular features of subsistence and settlement systems, etc., is not yet known. The Trans-Baikal produced also elongated oval-shaped structures (Ust'Menza III).

Raw material procurement was similar in the areas under study. Mostly the nearest riverine cobble beaches were exploited as source of siliceous rocks generally of poor quality. In some cases a practice of collection, use and re-shaping of ancient weathered flakes and tools could be identified. The Final Paleolithic of Siberia has not yielded the clear evidence on long-distance raw material transport and networks of raw material exchange.

Due to the mosaic-like complicated environments prevailed in South Siberia during the Final Pleistocene and lack of drastic environmental changes, the Final Paleolithic here continued into the early Holocene, and there seems to be no significant change in the composition of tool kits corresponding to the Pleistocene/Holocene boundary.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Русская Равнина на рубеже плейстоцена и голоцена: природная среда, системы расселения и адаптации человека позднеледниковья.....	8
Глава 2. Стоянка Юдиново — поселение охотников на мамонта мадленского времени.....	26
Глава 3. Стоянки Верхней Волги — сезонные поселения охотников финала плейстоцена.....	42
Глава 4. Равнины и горы Южной Сибири в позднесарганское время: природная среда, системы расселения и адаптации человека позднеледниковья.....	55
Заключение.....	93
Литература.....	94
Список сокращений.....	104
Summary.....	105

Васильев Сергей Александрович
Абрамова Зоя Александровна
Григорьева Галина Васильевна
Лисицын Сергей Николаевич
Синицына Галина Васильевна

**ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ:
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ**

Оригинал-макет А. Б. Вольновой

Отпечатано методом оперативной полиграфии в ГП КТБ
Санкт-Петербург, ул. Галерная 1/3

Формат 60x84 1/8. Объем 13,5 п.л. Тираж 200 экз. Заказ № 105